

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы.

Alles Vergangliche
Ist nur ein Gleichnis...

(Goethe. "Faust", II Teile). [1]

...И став Павел среди Ареопага, сказал: "Мужи
Афиняне, по всему вижу, что вы благочестивы.
Ибо, проходя и осматривая ваши святыни, я
нашел жертвенник, на котором написано:
Неведомому Богу. Сего-то, которого вы, не зная,
чтите, я проповедую вам".
(Деяния Апостолов. XVII, 22, 23).

ОГ

О, Боже мой, благодарю

За то, что дал моим очам

Ты видеть мир, Твой вечный храм,

И ночь, и волны, и зарю...

Пускай мученья мне грозят, –

Благодарю за этот миг,

За все, что сердцем я постиг,

О чем мне звезды говорят...

Везде я чувствую, везде

Тебя, Господь, – в ночной тиши,

И в отдаленнейшей звезде,

И в глубине моей души.

Я Бога жаждал – и не знал;

Еще не верил, но, любя,

Пока рассудком отрицал, –

Я сердцем чувствовал Тебя.

И ты открылся мне: Ты – мир.

Ты – всё. Ты – небо и вода,

Ты – голос бури, Ты – эфир,

Ты – мысль поэта, Ты – звезда...

Пока живу – Тебе молюсь,

Тебя люблю, дышу Тобой,

Когда умру – с Тобой сольюсь,

Как звезды с утренней зарей;

Хочу, чтоб жизнь моя была

Тебе немолчна хвала,

Тебя за полночь и зарю,

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
За жизнь и смерть – благодарю!..

СМЕРТЬ Петербургская поэма

ПЕРВАЯ ПЕСНЬ

I

Анакреон подняв свой кубок,
Склонив на грудь румяный лик,
Бывало пел любовь голубок,
Венчанный розами стариk.

И ты в приюте муз и граций,
Беспечно дни провел, Гораций:
Певцы, не ведая забот,
Свой мед, как пчелы, собирали.

И был отраден их восход,
Закат блаженный – без печали.

Так жил, вдали от всех тревог,
Художник древности, как бог.

II

Бывало, в мирном кабинете,
И наши лирики могли
Хвалить, забыв про все на свете,
Красоты неба и земли...

Теперь совсем иное время:
Поэтов ветреное племя
Железный век поработил
Царит над нами муга гнева,
И стих унылый сердцу мил.

Веселья прежнего напева,
Друзья, не требуйте от нас...

Но с Богом в путь: начну рассказ...

III

Наш город скучный и холодный
В стихах задумчивых пою,
Наш Север мрачный и бесплодный
Отчизну бедную мою.

В огромном Невском и Литейной,
В их красоте прямолинейной,

В Неве, закованной в гранит, –
Есть дух суровый. Город бедный,
Не даром над тобой царит
На глыбе камня Всадник Медный:
Ты полон страха и тоски –
Под грозным манием руки

IV

Петровой! В городе туманном,
В громадах улиц – мысль одна,
Как луч в кристалле многогранном,
Кругом везде отражена,
В холодном бледном небосводе,
И в этой северной природе
Таится кроткая печаль:
Когда гляжу на мрачный Невский,
На отуманенную даль, –
Твоих героев, достоевский,
Припоминаю. Русский дух
И здесь, быть может, не потух.

V

И здесь не дремлет в людях совесть,
И здесь на лицах молодых
Я иногда читаю повесть
Страданий гордых и немых.
Люблю смотреть, как негодует
Нева, лишь с запада подует
Могучий ветер. Синий лед
Лучами теплыми расколот;
К морям волна его несет...
Зато зимой в столице – холод,
И неподвижна, и мертвa
Под снежным саваном Нева...

VI

Был час, когда сквозь дым душистый
Сигар, меж фруктов, на столе,

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
Под лампой блещет золотистый

Ликер в граненом хрустале,
Когда, минут не тряся даром,
Сидит за третьим самоваром
Чиновник бедный на Песках,
Зовет соперников для винта
Хозяин с картами в руках,
Когда в проходах лабиринта
У мрачных театральных касс
Шумит толпа и блещет газ.

VII

А за Невою, сном объятый,
Огромный ряд домов почил;
На крышах снег голубоватый
Холодный месяц озарил.

И он печальным, робким взором
Сквозь окна с ледяным узором
В большую комнату проник,
И бледный луч упал на стеклянки,
На груды атласов и книг,
На микроскоп, реторты, банки...

И романтичная луна
Глядит на все, удивлена:

VIII

Не лепестки цветущих лилий,
Не розы, — тихий, лунный свет
Посеребрил под слоем пыли
Анатомический скелет.

Сидит хозяин в креслах. Рядом
С лицом румяным, с умным взглядом
Холодных глаз — веселый гость.

Он зажигает папиросу
И говорит: «Послушай, злость
Бесцельна. Глупому вопросу
Ты придаешь трагизм. Поверь,
Гони природу нашу в дверь —

IX

Она в окно войдет. Мой милый,
Ты жил в ученой келье, страх
Пред миром чувствуя, унылый
И нелюдимый, как монах.
Но первый пыль девичьей ласки,
Лукавый смех, живые глазки, –
И как Борис мой ни умен,
Он – слеп, он потерял рассудок,
Готовь, Бог весть в кого – влюблен,
Писать в гирлянде незабудок,
В альбоме, полном чепухи,
Сентиментальные стихи!

X

Отдайся чувствам мимолетным,
Пока не поздно, и живи
Эпикурейцем беззаботным,
Как я, не ведая любви,
Меняя женщин для забавы:
Они – капризы и лукавы.
Слегка внимательно ко всем,
Пусть сердце, прихоти послушно,
Для них не жертвуя ничем,
Им изменяет равнодушно:
Тогда, без тягостных оков,
Ты будешь весел и здоров!..»

XI

Но наш герой с улыбкой грустной
Сказал товарищу в ответ:
«В делах любви – ты врач искусный,
Я принимаю твой совет.
Со мною делай что угодно!..
О, только б вновь дышать свободно.
И быть здоровым!.. Сознаю,
Что страсть комична и нелепа,

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
Стыжусь, и все-таки люблю,

я против логики и слепо,
Не знаю, сам за что!..» Он встал
И гневом взор его блистал.

XII

«Нет, власть любви должна наука
В сердцах людей искоренить!..
Когда б ты знал, какая мука
Быть вечно в рабств: погубить
Нас может первая девчонка...
В руках неопытных ребенка –
Судьба моя!.. О, сколько раз,
Когда мне знанье открывало
Свой мир в полночный, тихий час,
И пламя спирта согревало
Стекло звенящее реторт, –
я был так радостен и горд!

XIII

Меж книг и банок запыленных,
В лаборатории – один,
Стихий, умом порабощенных,
я был в то время властелин.
Теперь – я раб! Какая сила
Мой ум и волю победила?
Любовь!.. От предков дикарей
Я получил ее в наследство, –
для размножения людей
Природы выгодное средство...
Слепая, глупая любовь!..»
Но гость его утешил вновь:

XIV

«Исполни мой совет разумный.
С тобою вместе проведем
Мы эту ночь»... В Орфеум шумный
Они поехали вдвоем,
Пока вдоль сумрачной фонтанки

Влачается медленные санки,
И в блеске звезд глубок и тих,
Над ними неба синий полог, –
Позвольте вам представить их:

Борис Каменский – физиолог,
Веселый друг его – Петров –

Один из модных докторов,

XV

Печально люстры в душном зале

Кутил полночных сквозь туман

И лица женщин озаряли

Под слоем пудры и румян...

Табачный дым и запах пива...

Мелькают слуги торопливо;

Скучая, медленно вокруг

Гуляют пары. Здесь не редки

Скандалы... Монотонный звук

Какой-то глупой шансонетки,

Разгул и смех... Порой бокал

В азарте пьяный разбивал.

XVI

Стыдливый мальчик, тих и робок,

Сюда идет в шестнадцать лет,

В чаду вина, под звуки пробок

Он узнает любовь и свет.

Сюда идет стариk почтенный,

Под ношей долгих лет согбенный...

Петров наш весел и умен,

Как на пиру горацианском.

Его приятель возмущен:

Не много прелести в шампанском

Он находил. Покинув зал,

На вольный воздух он бежал.

XVII

Нет! Идеал эпикурейский

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
Его тоски не победить:

Забыв о пошлости житейской,
Он в небо вечное глядит.
Там, в синеве морозной ночи,
Мерцают звезд живые очи...
Хотя насмешливо он звал
Свою любовь сентиментальной,
Все ж имя Ольги повторял
С улыбкой нежной и печальной;
Как робкой девушки мечта,
Была любовь его чиста.

XVII

Познанья жаждою томимый,
Читал он с детства груды книг,
Позитивист неумолимый,
Огюста Конта ученик,
Старался быть вполне свободным
От чувств, научным и холодным.
Как равнодушно он внимал
Людскому ропоту и стонам!
Порывы сердца подчинял
Математическим законам.

Пред ним весь мир был мертв и нем,
Как ряд бездушных теорем

XIX

В неуловимых переходах
Мы подражаем без труда
Европе в галстуках и модах,
И даже в мыслях иногда:
Боготворим чужое мненье,
И, в благородном увлеченье,
Не отделив от правды ложь,
Мы верим выводам заранее,
Так в наше время молодежь
Пленяет Спенсер. Англичане
Над нею властвуют: закон

Твоя наука, Альбion!

XX

Наш юный друг – в стремленьях вечных,
В живых созданиях веков,
В порывах духа бесконечных –
Самонадеян и суров –
Старался видеть только бредни
Пустых мечтателей: последний
Он вывод знанья принимал.
От всех покровов и загадок
Природу смело обнажал,
Смотрел на мировой порядок
В одну из самых мрачных призм –
Сквозь безнадежный фатализм.

XXI

Меж тем в очах его не даром
Порою вспыхивала страсть:
Напрасно, полн сердечным жаром,
Он отрицал над нами власть
Того, что ум понять не может,
Что сердце мучить и тревожить,
Он знал поэтов, говорил,
Что их читает от безделья,
А втайне искренне любил;
И много милого веселья,
И много нежной доброты
Таили гордые черты.

XXII

Есть домик бедный и старинный
На Петербургской стороне –
Дворец Петра. Теперь, пустынный,
Он дремлет в грустной тишине.
Там образ Спаса чудотворный:
Лик Византийский, – древний, черный...
Тарелку с деньгами дьячок

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
В часовне держит. Поп усталый

Поет молебны – старичок
Седой, под ризой обветшалой.
Огни таинственных лампад
И свечи яркие горят...

XXIII

Полно страданья неземного,
Чело Христа еще темней –
Среди оклада золотого,
Среди блистающих камней, –
Остался Он таким же строгим,
Простым и бедным, и убогим.
Мужик, и дама в соболях,
И баба с Охты отдаленной
Здесь рядом молятся. В очах
У многих слезы. Благовонный
Струится ладан. Лик Христа
Лобзают грешные уста.

XXIV

Под длинной, черною вуалью
В толпе, прекрасна и бледна,
Стояла девушка, печально
И умилением полна.
Покорно сложенные руки,
Еще слеза недавней муки
В очах смиренных... взор глубок,
И просты темные одежды,
Кидают тень на мрамор щек
Ее опущенные вежды.
И пред иконой золотой
Она склоняется с мольбой.

XXV

Пока Борись, в тоске мятежной,
Пытался тщетно позабыть
Свою любовь и первый, нежный
Ее росток в душе убить,

чтоб как-нибудь насмешкой злобной
от этой страсти неудобной
освободиться поскорей,
ей не пожертвовав ученой
карьерой будущей своей, —
в то время Ольга пред иконой
в толпе молилась за него;
и, зная друга своего,

XXVI

Предвидела борьбу, мученья
и много жертв, и много слезь...
Полна глубокого смиренья,
она пришла к тебе, Христос,
чтоб укрепить свой дух молитвой
пред этим подвигом и битвой:
Ее на труд благослови!
она у грозного преддверья
своей безрадостной любви,
страданья ждет, полна доверья,
и только молит силы дать
Его любить и с ним страдать...

XXVII

но я уж слышу, критик строгий,
твой недоверчивый вопрос:
зачем, свернув с прямой дороги,
в свою поэму автор внес
незданно стиль религиозный?
о, наших муз диктатор грозный,
ты хмуришь брови. милый друг,
и я, как ты, в сомненьях грешен,
я разделяю твой недуг,
и я безверьем не утешен,
богов неведомых ищу
и верить в старых не хочу.

XXVIII

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
Как ты, я шел в огонь сражений

За мыслью гордою восслед.

Познал всю горечь поражений

И все величие побудь!

Как ты, я маски ненавижу...

Но тех презреньем не унижу,

Кто верить с доской простотой...

Свою скептическую шутку

Оставь, читатель дорогой,

И будь добре к предрассудку,

Чуждая слабости пойми:

Не смейся, братъ мой, над людьми!

XXIX

О, я завидую глубоко

Тому, кто верить всей душой:

Не так в нем сердце одиноко,

Не так измучено тоской

Пред неизбежной тайной смерти:

Друзья, кто может верить, верьте!..

Нет, не стыдитесь ваших слез,

Святых молитв и откровений:

Кто бремя жизни с верой нес,

Тот счастлив был среди мучений.

А мы... во всех дарах земли

Как мало счастья мы нашли!

XXX

Жила у тетки старой Оля.

Их дом – над царственной Невой.

Там – скука, роскошь и неволя,

И вечный холод ледяной.

Там тетка – в платьях черных, длинных,

В покоях важных и пустынных.

Пред нею – в страхе целый дом.

Но с умиленными очами

И бледным, набожным лицом

Неслышно тихими шагами

По мрачным комнатам весь день

Старуха бродит, словно тень.

XXXI

Едва услышит имя Бога,

Подымет взор свой, полный слезь...

Она курила очень много

Душистых, тонких пахитос:

Редсток любил ее, конечно.

Всегда жалея бесконечно

Овец заблудших и слепых,

В своих палатах в воскресенье

Она устроила для них

Душеспасительное чтенье;

И чай носил в кругу гостей

Во фраке сумрачный лакей.

XXXII

И томно тетушка вздыхала.

Каких-то светских дураков

И старых дев она сбирала

Для этих модных вечеров;

Но до меня дошли известья:

У тетки два больших поместья.

Она в имении родном,

Полна глубокого искусства,

Была практическим дельцом, —

Забыв евангельские чувства;

И обирала мужика

Порой не хуже кулака.

XXXIII

Отвергнув ложные мечтанья,

Ценила в подданных своих

Консервативные преданья

Времен блаженных, крепостных.

Но становилась либеральней,

Вернувшись из деревни дальней.

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
Порой умела тонко льстить

и обладала редким даром

особам важным угодить

филантропическим базаром.

но ты, читатель, видел сам

в столице много этих дам.

XXXIV

Казалась Оленька послушной,

немного скрытной иногда;

в красе холодной, равнодушной

в лице спокойном – ни следа

мучений тайных и стыдливых.

беседам лиц благочестивых

она, головку наклонив,

внимать с улыбкой безответной

привыкла, злобу затаив.

Ей носит книги – плод запретный –

Угрюмый гимназист-кузен

в ее печальный, душный плен.

XXXV

она их с жадностью читала

в своей постели по ночам,

она молилась и мечтала

идти в деревню к беднякам.

и, что с ней будет там – неясно,

темно и все-таки прекрасно.

великодушные мечты,

вы так младенчески наивны

и все же полны красоты!

она тоскует: ей противны

весь этот мир холодной лжи, –

великосветские ханжи...

XXXVI

но завтра Ольга встанет рано, –

и снова английский урок,

унывый lunch, [2] и фортепьяно,

И Летний сад. Враждебный рок
Стесняет в узкие границы,
О, дивы северной столицы,
Всю вашу жизнь!.. Холодный свет
Увидит Ольгу безмятежной,
Опять затянутой в корсет,
Чай разливающей небрежно
В прозрачный, матовый фарфор
Гостям, под легкий разговор.

XXXVII

«Красива, но горда без меры», —
О ней девицы говорят,
Находят мертвым кавалеры
Ее очей глубокий взгляд
Она, бесчувственней и строже
Кумира мраморного, в ложе
Внимает фигнеру порой.
Ах, если б знали, сколько боли
Под этой гордой красотой
Таится в бедном сердце Оли,
Как ненавидит, гордый свет,
Она твой мертвый этикет!..

XXXVIII

Мгновенья отдыха так сладки:
У Ольги есть знакомый дом.
Одной столичной меценатки
С изящным вкусом и умом —
Салон немногого эксцентричный,
Своеобразный, но приличный;
В нем — хаотический музей
Профессоров неинтересных,
И государственных мужей,
И литераторов известных,
И светских женщин, и актрис:
Там с Ольгой встретился Борис.

Любимец солнца, житель юга,
Тебе привычная весна
Мила, как старая подруга
Или законная жена.

А мы... минуты неги краткой,
Как у любовницы, украдкой
Спешим похитить у весны! ..

Нам полдень заменяют свечи,
И мы шесть месяцев должны
Топить усердно наши печи.

И вдруг – лучи, тепло, лазурь,
И дождь, и гром весенних бурь! ..

XL

О, только мы благоговеем
Пред каждой почкою лесной,
О, только мы ценить умеем
Лучи Авроры золотой!

На шумной улице столичной,
Прислонена к стене кирпичной,
Листвой пахучею шумит
Березка северная! Боже,
Ведь этот листик, что дрожит
Под ветром пыльным, нам дороже,
Чем все лавровые леса
И стран далеких чудеса!

XLI

Уж в рощи прилетели птицы,
Зазеленели острова;
Из ледяной своей темницы
Освобожденная Нева
На солнце блещет! .. франт веселый,
Найдя, что душен мех тяжелый,
В ломбарде шубу заложил
И, моды ветреный любовник,
Костюм весенний обновил;

Но ходит опытный чиновник,
Не веря небесам родным,
В калошах, с зонтиком большим.

XLII

И даже ты улыбкой неба,
Лучом божественным согрет,
О, пасынок угрюмый феба,
Пессимистический поэт!

Уже по Неве на пароходе,
Хотя б в елагинской природе
Взглянуть на первый вешний лист
Поехал и кассир из банка,
И офицер, и гимназист,
И в старой шляпке гувернантка:

Стремятся все поближе к ней,
К богине песен и лучей –

XLIII

К Весне!.. Тогда на «Стрелку» тайно
С подругой едет Ольга. Ждет
Ее Борис. Как бы случайно,
Они встречаются, и вот,
Назло благочестивой тетке,
Одни поехали на лодке...

Одни!.. Как сердце в ней дрожит
От чувства нового свободы,
Как дорог Ольге бедный вид
Родимой северной природы:
На взморье – Лахта, корабли,
Кронштадт, дымящийся вдали,

XLIV

На горизонте – пароходы,
Тростник, желтеющая мель
Сквозь бледно-голубые воды,
А на Крестовском мох да ель
И сосен пни в болоте плоском...

Летят удары молотка
И чей-то крик с далекой топи,
И взмахи весел рыбака:
От этих звуков в небосклоне,
В лесах и водах – тишина
Еще яснее... Чуть волна

XLV

Плеснет... Полетом быстрой птицы
Встревожен воздух, и суров,
Как шум прибоя, гул столицы,
Вечерний звон колоколов...
А там, вдали – Елагин узкий,
Где – смехе и разговор французский
И в бледном небе – силует
Ограды с тонкими столбами,
Ряды колясок и карет
На солнце блещут фонарями.

Их лодка, веслами шурша,
Скользить по стеблям камыша...

XLVI, XLVII

Он говорил: «Мой друг, отлично
Я понял женщин: в них всегда
К тому, что ясно и логично,
Непримиримая вражда!
Не факт, не опытное знанье –
для них незыблемо преданье
И увлекательный обман:
Им нужно тайн!.. Дороже света –
Метафизический туман!

Но спорю тщетно; без ответа,
Вы, веру прежнюю храня,
Молчите, слушан меня!»

XLVIII

Она промолвила стыдливо:
«Простите, споров я боюсь!

И чем страдаю молчаливо,

Чему я сердцем отдаюсь, —

О том я говорить не смею,

Стыжусь и как-то не умею...

Вы побеждаете мой ум,

Не победив сердечной муки

И жажды вперить»... Он угрюм

И злобен: «предпочесть науке —

Нелепость, сказки дикарей,

Заветы тетушки своей!..»

XLIX

Она в ответе: «Как вы неправы!

да разве жизнь моя — не ад?..

О, эти речи, эти нравы,

Благочестивый маскарад!

У них в душе — ни капли веры,

Они — лгуны и лицемеры!..

для них религия — ступень

К чинам, к богатству!.. Я их вижу

И знаю, мучусь каждый день...

я больше вас их ненавижу!..» —

«Чему ж вы верите?..» — «Чему?..

Я верю сердцу моему!

L

Когда я в небо голубое

Смотрю с доверием как сейчас, —

Я знаю — что-то есть родное

И что-то любящее нас.

Я верю с простотой, как дети, —

Мы не совсем одни на свете:

Молитвы наши долетят

К тому, кто сострадает горю!..

Вот — все. А догматы, обряд...

Мне все равно, о них не спорю:

О, друг мой, жалки все слова, —

LI

Того, что мне во мраке светит,
Не отнимай, не прекословь:
Я знаю, – кто-то мы ответит
Любовью на мою любовь...

Я знаю, – кто-то в мире слышит,
Как сердце бьется, травка дышит...
Он – там, в далеких небесах,
Он – здесь и на земле, меж нами,
В моей любви, в моих очах,
Моими грешными устами
С тобой Он говорит теперь:
„Будь проще, полюби, поверь!“»

LII

И очи, полные слезами,
Горят, и все, чего она
Не может выразить словами,
Договорила тишина.

Скользить их медленная лодка...
И вопросительно, и кротко –
Молчанье неба и земли.

Заря, тростник над влагой спящей,
Волна, плеснувшая вдали,
И первый луч звезды дрожащей –
Все шепчет нежные слова:
«Будь проще, верь, – она права!»

LIII

И Ольга, взяв тихонько руку
Бориса, ждать... Но тщетно: скрыв
В своей душе любовь и муку,
Он не ответит на призыв...

И вместо счастья – в сердце злоба.
О, как они страдали оба!
Великой, детской веры пыль
Он только мыслью гордой мерил,

Он сердца сердцу не открыл,
Не полюбил и не поверил.

Тот миг умчался без следа:
Он не вернется никогда.

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

I

О Смерть, тебя пою! ликует
Мучитель слабых; бич – в руках.
А жертва плачет и тоскует:
И люди мнят: на небесах –
Возмездья нет. Но ты предстанешь,
Освободительница, взглянешь
Ты в час возмездья роковой
Злодею в очи строгим взором, –
И как он жалок пред тобой,
Как полон страхом и позором!

.....

II

Пусть тлеет, что достойно тленья!
От твоего прикосновенья
Народы, как цветы долин
Под вихрем снежным, увядают;
Но вечно молод дух один:
Когда все листья опадают,
Зеленый лавр еще свежей –
В холодном блеске зимних дней!

III

Блажен, кто смерть улыбкой встретит,
Как воин – доблестную брань,
Кто на призыв ее ответит,
Подав ей дружескую длань.

Так, выпив яд, учитель строгий,
Сократ, без горя и тревоги,
Благословив учеников,

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
Одежду на главу накинул

С последним звуком мудрых слов,
И мир наш радостно покинул,
И для него была светлый
И легче смерть, чем сон детей...

IV

Но мы – без веры в человека,
Без веры в Бога мудрецы,
Вполне практического века
Благоразумные дельцы, –
С каким лицом, с какой душою
Пред неподкупным Судиею
Предстанем мы? Иль, как роса,
Исчезнет весь наш род мгновенный, –
Лишь ты взойдешь на небеса,
О солнце правды, Бог вселенной...
И проклянет наш поздний внук
Сей век насилия, полный мук.

V

А ты, слепой законодатель
литературных, пошлых мод,
Всегда насмешливый читатель,
Ты чужд сомнений и забот:
О смерти думать – вот охота!..
Ты полон мелкого расчета,
Ты полон глупой суety.
Но мы должны о тьме могильной,
Чтоб, наконец, проснулся ты,
Напоминать тебе насилию,
Пока для правды не утих
В устах певца свободный стих!

VI

Нам смерть, как в тучах – проблеск неба,
Издалека приносить весть,
Что, кроме денег, кроме хлеба,
Иное в мире что-то есть.

Когда б не грозная могила,
Как самовластно бы царила
Несправедливость без конца,
Насилье, рабство и гордыня,
Как зачерствели бы сердца!..
Тебе, о грозная богиня,
Тебе несу к подножью ног
Сплетенный музою венок!

VII

Вернемся к повести. Все лето
В деревне Ольга провела.
В глухи лесов, вдали от света
Любовь печальная росла
И крепла. Ей Борис сначала
Писал; потом не получала
Она ни строчки и от мук,
От слез едва не заболела;
Вернулась в Петербург... и вдруг –
Письмо!.. Взяла его несмело,
Решиться долго не могла
Порвать конверт... Потом прочла:

VIII

«Простите мне мое молчанье.
Не мало дней прошло с тех пор,
Как в длинных письмах о свиданье
Я вел беспечный разговор.
Все изменилось: я был болен...
Никто в судьбе своей не волен.
Я жалких слов не выношу
И ненавижу стиль любовный, –
Все ж именем любви прошу,
Прошу вас – будьте хладнокровны!
Расстаться мы должны навек:
Вам пишет мертвый человек.

IX

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
Люблю вас, но мой ум, как прежде,

Правдив, логичен и суров:
Не верю никакой надежде
И знаю лучше докторов,
Что смерть – недалеко. Спокойно
Я жду, и, право, недостойно –
Себя обманывать: к чему?
Смиренье облегчает муки,
Я верю знанию моему
И, предан до конца науке,
Умру я в мирной тишине:
Не приходите же ко мне.

X

Не нужно. Меньше я страдаю
В уединенье. С жизнью связь
Порвав, я тихо умираю,
От всех надежд освободясь.
Что делать? Оба мы – несчастны!
Но утешения напрасны.
Спокойных, одиноких мук
Не увеличивайте бремя.
Как я, смиритесь: ваш недуг
Излечит молодость и время,
Любовь исчезнет без следа.
Прощайте, Ольга, навсегда».

XI

Рецепты, стаканки из аптеки,
Под лампой ряд забытых книг...
Больной с усилием поднял веки;
Его усталый, бледный лик
Хранил печальную суровость.
Газетную, пустую новость
Ему рассказывал Петров,
Беспечный друг. Врачу неловко:
Он сам так весел и здоров.
С обычной докторской уловкой,

Приняв интимный, важный вид,
О пустяках он говорить.

XII

Но этот смех, но взор холодный,
Невозмутимое лицо,
И даже брюки, галстук модный,
На пальце розовом кольцо
Борис глубоко ненавидел,
Как будто в первый раз увидел
И понял друга своего.

Он, отвращенья не скрывая,
Смотрел угрюмо на него.

Петров пощупал пульс, вставая:
«Ну, до свиданья, милый мой».

Тогда не выдержал больной:

XIII

«Я умереть хочу спокойно!
Мне надоела болтовня...
Игрой в участие недостойной
Зачем вы мучите меня?...»
Больного взор жесток и светел.

Но умный доктор не ответил:

Скорей в прихожую спешит,
Прервав неловкую беседу.
«Давно пора мне на визит...
Я завтра вечерком заеду».
И, подавив притворный вздох,
Шепнул прислуге: «Очень плох».

XIV

Безмолвье комнату объемлет,
И близкие предметы вдаль
Уходят. За стеной – он внemлет –
Порой чуть слышится рояль.
Как странны, чужды эти звуки!..
Он взял с усилием книгу в руки,

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
Прочел две строчки... Все равно, —

читать теперь уже не стоить:
он книги разлюбил давно.
Его ничто не беспокоит...
Сквозь дымку смотрит он на все,
впадая тихо в забытье...

XV

но вдруг — звонок. Он встрепенулся.

Блеснула мысль: ужель она?
и сразу к жизни он вернулся,
душа смятением полна...
Вошла, обвив его руками,
еще холодными устами
припала к трепетным устам...
Борис шептал: «Что это значит?..

ты — здесь... Не верю я глазам!..
ты, Ольга!..» Он смеется, плачет.
И смерти нет, недуг исчез,
и он здоров, и он воскрес!

XVI

Сидел в гостиной тетки важно,
в кругу внимательных гостей,
и говорил на «о» протяжно
седой старик архиерей.
Когда племянница вернулась,
старуха, молча, оглянулась
в свой черепаховый лорнет
и, бледность Ольги замечая,
промолвила: «В мой кабинет
прошу, зайдите после чая».
с флаконом спирта и платком,
с многозначительным лицом

XVII

она ждала ее: «Вы смели
уйти: признайтесь же — куда?»
— «К Каменскому. Не вижу цели

Скрывать...» – «Как, вы решились?..» – «Да».

– «Одна, без горничной!.. Прекрасно!..»

– «Меня удерживать напрасно:

Он болен, при смерти...» Но здесь

Покину сцену мелодрамы

И в двух словах открою весь

Расчет глубокий умной дамы:

Ей нужен Ольгин капитал,

Ее давно он привлекал.

XVIII

Старуха говорила много,

Упомянула этикет

И честь родной семьи, и Бога,

И «*votre pauvre mere*», [3] и свет;

Была вполне красноречива,

Но, холодна и молчалива,

Ей внемлет Ольга: прежний страх

Исчез в душе ее бесследно.

Решимость строгая в очах,

Хотя лицо немного бледно,

Тиха, спокойна и светла,

Она в ответ произнесла:

XIX

«*Ma tante*, [4] я ложный стыд забуду,

Себя, быть может, погублю,

Пускай! к нему ходить я буду,

Так нужно: я его люблю!»

Старуха поднялась со стула

И с удивлением взглянула:

«Вы оскорбляете мой дом!..

Sortez!..»[5] – указывает двери

Она с трагическим лицом,

Решась прибегнуть к строгой мере.

«Страшитесь Божьего суда!

Вы мне чужая навсегда.

Я с вами больше незнакома;
Молиться буду я за вас,
Чтоб вам Господь простил... Из дома
Прошу вас выехать тотчас».

Она уходит, шлейфом длинным
Шурша по комнатам пустынным.
И Ольга собралась скорей:

Пошла к себе наверх украдкой,
Простилась с комнаткой своей,
С девичьей, старою кроваткой,
Связала в бедный узелок
Белье, две книги, образок

И вышла. К прежней гувернантке
Она извозчика взяла,
К старушке доброй, англичанке,
Что на Васильевском жила.

Во мраке улицы холодной,
Одна, в бобровой шубке модной,
Под белым шелковым платком
Она казалась очень странной
С своим несчастным узелком.
Печален ряд домов туманный
И фонарей дрожащий свет...
Но в сердце Ольги страха нет.

И шла к тому, кого любила,
Она, все прошлое забыв.
Откуда в ней – такая сила?
Откуда в ней – такой порыв?
Она ли не росла в теплице!
В благовоспитанной девице
Сказалаась вдруг иная кровь,
Демократична и сурова.
О, русской девушки любовь,

Всегда на подвиг ты готова!..

Так силы девственной души

Уже давно росли в тиши...

XXIII

С больным сестрою милосердья,

Служанкой барышня была,

Сама, смеясь, полна усердья,

Варила суп и пол мела,

Все делала легко и смело

И с нежной строгостью умела

Улыбкой побеждать каприз;

Ее, не говоря ни слова,

Покорно слушался Борис...

В обитель мрачную больного,

Как утро вешнее, светла,

Она поэзию внесла.

XXIV

Теперь порядок в книгах, в целой

Фаланге стеклянок, в чистоте

Подушки с наволочкой белой...

Следя за супом на плите,

Она с кухаркой подружилась,

И та в нее почти влюбилась.

Меняет Ольга прстыни

Больного нежными руками,

А руки те в былые дни

Лишь в пяльцах тонкими шелками

Умели шить, и нет при ней

Непоэтичных мелочей.

XXV

Борис не лгал, не лицемерил,

Он смерть предвидел; но, любя,

Как будто чуда ждал, не верил,

Еще обманывал себя:

В нем страх в борьбе с надеждой тайной...

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
Оставил раз один случайно,

держась рукой за шкаф, за стол
И стены, к зеркалу, пугливо
Он, озираясь, подошел,
И долго с жадностью пытливой
Смотрел, и сам себе чужим
Казался. Все, что было с ним, —

XXVI

Он понял вдруг, и, от испуга
Похолодев, с тоской в очах,
Печать смертельного недуга
Он узнавал в своих чертах...
Вдруг Ольга... «Что с тобой?..» В смущеньи
Остановилась на мгновенье.
Он отвернулся, покраснел.
Она прочла в лице больного
Весь ужас смерти. Посмотрел
Он с недоверием сурово,
К постели подошел и лег.
Но все ж в очах — немой упрек...

XXVII

Смутясь, они молчали оба.
Она не подымала глаз...
Дыханье смерти, — холод гроба
Меж них повеял в первый раз.
Он с непонятным раздраженьем
За каждым взором и движеньем
Смущенной Ольги наблюдал,
Но близость смерти неизбежной
Ловил намеки, избегал
Порывов искренности нежной.
Был рад, когда нашел предлог

И начал скопу, и не мог

XXVIII

Он победить в душе волненье:
«Я от людей давно ушел,

Чтоб умереть в уединенье...

Вы сами видите: я зол,

Жесток и мелочен... Вы правы, –

Вы трудитесь для Божьей славы!

Я понимаю вашу цель:

Вам хочется меня заставить

Поверить в Бога. Но ужель

И полумертвого оставить

Нельзя в покое? Даром сил

Не тратьте: я умру, как жил –

XXIX

Лишь с верой в разум!.. Вы молчите,

Но вам притворство не к лицу:

Я знаю, к Богу вы хотите

Вернуть заблудшую овцу.

Подумайте, какая мука,

Когда порой вы даже звука

Не произносите, – в глазах

У вас я мысль о Боге вижу.

О, этот детский глупый страх

От всей души я ненавижу!..

Прошу вас, уходите прочь, –

Вы мне не можете помочь!..»

XXX

Ее в порыве злобы бурной

Он с наслаждением мучил, мстил,

Бог весть, за что: «Уйди, мне дурно...» –

Он слабым голосом молил.

Она в отчаянье уходит,

По городу без цели бродит;

Светло; но в тусклых фонарях

Вечерний газ давно желтеет

В прозрачном небе. На ветвях

деревьев гроздьями белеет

Пушистый иней: он везде –

XXXI

И на косматой лошаденке,
На белокурых волосах
Бегущей в лавочку девчонки,
На меховых воротниках...
Скрипят полозья, мчатся санки.
Кипящий сбитень и бараки
Разносит мужичок с лицом
Замерзшим, в теплых рукавицах.
Веселье бодрое кругом –
И в звонком воздухе, и в лицах,
И в блеск розовых снегов
На кровлях сумрачных домов.

XXXII

Уж в освещенных магазинах
И в окнах лавок овощных
Мороз играет на витринах
Цветами радуг ледяных.
Там – масла сливочного глыба
И замороженная рыба,
Там зайцы жирные висят.
Хозяек опытные взоры
Пленяют дичи, поросят
И овощей зеленых горы.
Лазурь вечерняя темней...
И снежных искр, живых огней

XXXIII

Как будто полон воздух синий...
А в сердце Ольги – тишина.
Как посреди немой пустыни –
Она в толпе совсем одна,
Мертва, бесчувственна... Читает
Спокойно вывески, не знает,
Куда идет. Казалось ей
Такою призрачной, далекой

И непонятной жизнь людей.

душа, затихнув, спит глубоко...

Но скоро бедная домой

Вернулась с прежнею тоской

XXXIV

И робко подошла к постели:

Он бредил, на его щеках

Слезинки жалкие блестели...

Он с тихою мольбой в устах

И с выраженьем детской муки

К груди прижал худые руки:

«Да где ж она?.. Ведь я люблю...

О, как я мог!.. За что обидел

Голубку бедную мою...

Теперь она ушла... я видел, –

Ей было горько... не придет!..»

– «Я здесь! – она его зовет, –

XXXV

Я здесь, мой милый!..» Он не слышит,

Напрасно Ольга обняла

Больного; он с усилием дышит...

«Она ушла, совсем ушла»...

И плачет тихими слезами

И долго мутными глазами,

Ее не видя, смотрит вдаль.

В лице – покорная, немая

И безнадежная печаль...

Полоска бледно-голубая

Светлеет в окнах: первый гул

Столицы слышен... Он уснул.

XXXVI

И видел сон: идет куда-то

По длинным комнатам, пустым

И мрачным... Сердце в нем объято

Тревогой смутной. А над ним

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
По темным лестницам и сводам,

По бесконечным переходам,
Как будто шум от сквозняка,
Был слышен свист однообразный,
Пронзительный. В груди – тоска,
Мечты унылы и несвязны...
Уж он устал, но все вперед,
Вперед по комнатам идет.

XXXVII

И громче ветра шум пустынный;
И сквозь таинственную мглу
Он видит – кто-то темный, длинный
Стоить, не двигаясь, в углу.
И с головы до ног упало,
Его закутав, покрывало.

Порой лишь складки черных риз
Дыханье ветра подымает, –
Они колеблются, и вниз
Одежда медленно сползает...
Он чувствует – последний час

Пришел... И не отводит глаз,

XXXVIII

И смотрит в ужасе смертельном.
Напрасно хочет он бежать...
В его томленье беспредельном
Есть жажда наконец узнать,
Проникнуть в страшный смысл загадки.
Он видит: трепетные складки
Сейчас лицо откроют... Вот –
Все ниже, ниже покрывало.

Еще мгновенье – и падет...
Вдруг ветер зашумел, – упало,
Он понял: это – смерть!.. И вдруг
Проснулся. В комнате вокруг

XXXIX

Все было ярко в зимнем блеске.

Сидела Ольга у окна...
И луч играл на занавеске.
Борис почти не помнил сна,
Но поглядел кругом бесстрастно...
И он почувствовал так ясно
И понял смерть, как никогда.
От всех порывов, колебаний
И от надежды – ни следа.
И нет любви, и нет желаний!
В его душе, в его очах –
Теперь один безмолвный страх.

XL

Больной о смерти думал прежде
По книгам, по чужим словам.
Он умирал в слепой надежде,
Что смерть еще далеко, там,
В грядущем где-то. Он сумеет
С ней помириться, он успеет
Вопрос обдумать и решить
И приготовиться заране...
И – вот он понял: жизни нить
Сейчас порвется. Не в тумане,
Не в дымке – подойдя к концу,
Он видел смерть лицом к лицу.

XLI

И стоицизм его притворный,
И все теории, как дым,
Исчезли вдруг пред бездной черной,
Пред этим ужасом немым.
И жизнь он мерит новой мерой.
Свой ум напрасно прежней верой
В науку хочет усыпить.
Он в ней опоры не находить.
Нет! Страха смерти победить
Умом нельзя... А жизнь уходит...

Какая польза в страшный миг?

XLII

Как физиолог, поневоле
Он наблюдает за собой
И ждет, прислушиваясь к боли
Однообразный и тупой,
Растущей медленно, зловещей.
Что это – смерти признак вещий,
Он понял; Ольге не сказал
Ни слова. Робок и послушен,
Он только жалобно стонал,
К словам участья равнодушен:
Он разлюбил ее давно,
Терпел и думал: «Вот оно!»

XLIII

Плыло, сходило, приближалось,
Над ним уж веяло оно
И снова тихо расплывалось,
Как мутно-серое пятно.
«Что это, что?»... в недоуменье
Он напрягает ум и зренье,
Он хочет знать: ответа нет,
Молчит в бессилье ум тревожный...
Быть может, это – глупый бред,
Быть может, это – призрак ложный?..
Но сердце, ужасом полно,
Не даром чует: «Вот оно!»

XLIV

Покинуть мир в былое время,
Не зная смерти, он решил,
Чтоб сбросить сразу жизни бремя,
Когда терпеть не хватит сил.
И что ж? он смерть узнал, увидел,
Но эту мысль возненавидел.

Теперь несчастного томит

Одна боязнь, что искушенья
Он наконец не победит,
И будут так сильны мученья,
Что преждевременный исход
Он добровольно изберет.

XLV

А пузырек заветный с ядом
Так близко. Ночь. Недолгим сном
Забылась Ольга. Ящик рядом
С постелью в столике ночном.

Борис открыл и стклянку вынул,
На Ольгу взор пугливыи кинул,
И, еле двигаясь, тайком
К окну замерзшему подкрался,
Привстал и форточку с трудом
Открыл: холодный вихрь ворвался...

В окно он бросил пузырек
И отошел, и снова лег.

XLVI

Прошло два дня – сильней страданья.
Уж он не помнил ничего.

И Ольга, слушая стенанья,
Порою голоса его
Не узнавала: были звуки
Чужие в нем. Все хуже муки,
Непобедимей и страшней.

Несчастный целыми ночами
Молил: «Убей меня, убей!..»
В слезах подушку рвал зубами,
И был ужасен вечный крик,
Не умолкавший ни на миг.

XLVII

Исчезли дни, исчезли ночи.
За темной шторой на столе,
Когда уж солнце блещет в очи,

И длится время бесконечно...

Казалось Ольге, был уж вечно
И вечно будет этот крик,
Очей открытых взор блестящий
И в душном мраке бледный лик,
И робко жалости молящий
Его руки безумный жест.

Она не спит, почти не ест;

XLVIII

Очнется бедная порою
Случайно в кухне где-нибудь,
И на мгновенье за стеной
Утихнет крик, но отдохнуть
Стыдится Ольга и не смеет;
Кухарка барышню жалеет,
Тарелку супа принесет...
И съест она две ложки, стоя,
И хлеба корочку возьмет, —
Но уж пора: ей нет покоя...
Она спешит на казнь, и вновь
Со смертью борется любовь!

XLIX

Подымет очи со слезами
И на коленях в уголке
Стоит, закрыв лицо руками.
Порой, в безвыходной тоске
Молиться бедная пыталась...
Но вся душа в ней возмущалась:
«Ты благ и милостив, Господь, —
Зачем, зачем же эти муки?..»
Негодованье побороть
Не может и ломает руки.
Потух в душе последний свет,
И шепчет Ольга: «Бога нет».

Теперь Борис лежал безмолвный.

Затих усталый, слабый крик...

Но он не мог, тревоги полный,

Остановиться ни на миг, —

Уже с закрытыми глазами,

Все время шевелил руками

И то к лицу их подымал,

то снова, молча без сознанья

К груди с тоскою прижимал.

«Ах, лучше б прежние стенанья

И крик, чем эта тишина!» —

Невольно думает она.

LI

Но четырех ночей усталость

Ее сломила. В глубине

Души беспомощная жалость

Еще томительней во сне:

Чрез полчаса в слезах проснулась,

Открыла очи, встрепенулась

И посмотрела на него...

И что ж? Ни боли, ни испуга —

Не оставалось ничего

От побежденного недуга:

И тих, и светел бледный лик;

Покой в нем — ясен и велик.

LII

Она почувствовала радость...

Он пробужденья Ольги ждал;

В нем дух неведомую сладость

Отдохновения вкушал.

В смиренье Ольга преклонилась:

Любовь со смертью примирилась:

И бесконечно далеко

От прежних ужасов и муки,

Он дышит ровно и легко,

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
Глядит, сложив покорно руки,

на Ольгу пристально, в упор;
И новой мыслью полон взор.

LIII

Он тихо шевелил губами:
для слов уж не хватало сил,
но детскими ясными глазами
о чем-то Ольгу он просил.
Она приникла к изголовью
и сразу поняла любовью,
чего пред смертью он хотел:
взяла Евангелье, открыла, —
и взор больного заблестел.

Тогда весь мир она забыла
и, вдохновенна и светла,
Слова великие прочла:

LIV

«Я жизни хлеб, сходящий с неба.
И возлекавший человек,
Вкусная истинного хлеба,
Лишь Мной насытится навек.
Я жизнь даю: возаждет снова
Кто пил из родника земного, —
Но утоляет навсегда
Лишь Мой источник тех, кто страждет.
Я жизни вечная вода, —
Иди ко Мне и пей, кто жаждет!»
Она умолкла, и полна —
Великой тайны тишина.

LV

И то, чему не верил разум,
Что не могла она в словах
Ему сказать, — он понял разом:
Она прочла в его глазах,
Что он уж знает все. А тело
В ее руках похолодело.

И долго ни одна слеза
Земного горя не упала,
И друга мертвые глаза
Спокойно Ольга закрывала.

В ее душе – любовь и свет,
И нет разлуки, смерти нет.

LVI

Когда же в окна посмотрела
На тусклый день, на мокрый снег,
Внезапно Ольга побледнела
И одиночество навек
Тогда лишь поняла, проснулась...
Но вместе с жизнью смерть вернулась...
Как будто вспомнила она,
Что нет его... И вдруг сознанье –
Ее душа озарена.
Без слез, убитая страданьем,
Упала, обнимая труп,
Касаясь мертвых бледных губ...

....
....
....

LVII, LVIII, LIX, LX, LXI

О век могучий, век суровый
Железа, денег и машин,
Твой дух промышленно-торговый
Царит, как полный властелин.
Ты начертал рукой кровавой
На всех знаменах: «В силе – право!»
И скорбь пророков и певцов,
Святую жажду новой веры
Ты осмеял, как бред глупцов,
О, век наш будничный и серый!
Расчет и польза – твой кумир,
Тобою властвует банкир,

LXII

Газет, реклам бумажный ворох,
Недуг безверья и тоски,
И к людям ненависть, и порох,
И броненосцы, и штыки.

Но вождь не пушки, не твердыни,
Не крик газет тебя доныне
Спасает, русская земля!

Спасают те, кто в наше время
В родные, бедные поля
Кидает вечной правды семя,
Чье сердце жалостью полно, –
Без них бы мир погиб давно!..

LXIII

Кладите рельсы, шахты ройте,
Смирите ярость волн морских,
Пустыни вечные покройте
Сетями проволок стальных,
И дерзко вешайте над бездной
Дугою легкий мост железный,
Зажгите в ваших городах
Молниеносные лампады, –

Но если нет любви в сердцах –
Ни в чем не будет вам отрады!

Но если в людях Бога нет, –
Настанет ночь, померкнет свет...

LXIV

.....
.....
Как в древних стенах Колизея
Теперь шумит лишь ветер, вея,
Растет репейник и полынь, –
Так наши гордые столицы
И мрамор сумрачных твердынь –
Исчезнет все, как луч зарницы,
Чуть озарившей небосклон,

Пройдет – как звук, как тень, как сон!

LXV

О, трудно жить во тьме могильной,
Среди безвыходной тоски!

За пессимизм, за плач бессильный
Нас укоряют старики:
Но в прошлом есть у вас родное,
Навеки сердцу дорогое,
Мы – дети горестных времен,
Мы – дети мрака и безверья!

Хоть на мгновенье озарен
Ваш лик был солнцем у преддверья
Счастливых дней... Но свет погас –
Нет даже прошлого у нас!

LXVI

Вы жили, вы стремились к цели,
А мы томимся, не живем,
Не видя солнца с колыбели!..

Разуверение во всем
Вы нам оставили в наследство,
И было горько наше детство!
Мы гибнем, и стремимся к ней,
К земле родимой, на свободу, –
Цветы, лишенные корней,
Цветы, опущенные в воду,
Объяты сумраком ночным,
Мы умираем и молчим!..

LXVII

Мы бесконечно одиноки,
Богов покинутых жрецы.
Грядите, новые пророки!
Грядите, вещие певцы,
Еще неведомые миру!
И отдадим мы нашу лиру
Тебе, божественный поэт...

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
на глас твой первые ответим,

Улыбкой первой твой рассвет,
О, Солнце будущего, встретим
И в блеске утреннем твоем,
Тебя приветствуя, умрем!

LXVIII

«*Salutant, Caesar Imperator,*
Te morituri!»[6] Весь наш род,
Как на арене гладиатор,
Пред новым веком смерти ждет.
Мы гибнем жертвой искупленья.
Придут иные поколенья,
Но в оный день, пред их судом
да не падут на нас проклятья:
Вы только вспомните о том,
Как много мы страдали, братья!
Грядущей веры новая свет,
Тебе – от гибнущих привет!

Лето 1890 – зима 1891

ФРАНЦИСК АССИЗСКИЙ Легенда

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

Это было в Средние века.
На высотах Умбрии лесистой,
Где смолою пахнет воздух чистый,
И в затишье сонном городка
Только ласточки поют в карнизе
Вековых бойниц, поросших мхом, –
Бернадоне Пьетро жил в Ассизи,
Торговал он шелком и сукном.
У него был сын. Веселый, нежный,
В темной лавке старого купца
Мальчик рос, мечтательный, небрежный
К деньгам, счетам строгого отца.
Он не мог понять его заботы

Все следил, как Пьетро сводит счеты
С важным видом мелом на доске.

Скучно! Он глядит из-за прилавка,
Улыбаясь, в глубину небес...

Поскорей бы за город и в лес,
На поля, где зеленеет травка!..

Иногда про сына своего
Думал Пьетро хитрый, скопидомный:

«Мой Франческо – мальчик добрый, скромный,
Но купца не выйдет из него:

Слишком нежен, слишком ручки белы.

Все б ему наряды и духи,

Все б ему романы да новеллы

И стихи, проклятые стихи!

Ох, уж эти мне поэты – манят

Грезы славы. Признавался сам,
Что однажды, глупой рифмой занят,

Он едва не продал господам

Из Кремоны мне в убыток полку

Лучших свитков голубого шелку.

Надо меры строгие принять!»

И на сына Пьетро негодует.

А меж тем его, как прежде, мать

Потихоньку от отца, балует.

Мальчик вырос; деньгам не узнал

Он цены: чтоб только видеть вечно

Радостные лица, он бросал

Золото пригоршнями беспечно.

Он любил веселье, жизнь, людей

И родную зелень сосен, воду,

Пиршеств шумную свободу.

За столом, когда в кругу гостей

Он смеялся и шутил бывало –

В шутках что-то детское звучало

И такое милое, что всех

Побеждал невольно этот смех

II

По лугам росистым, полным мира,
Шли друзья однажды утром с пира.

Вдруг они Франциска у креста
В брошенной часовне увидали,
Бледного, поникшего в печали.
Он у ног распятого Христа
Горько плакал. В праздничной одежде
В дни веселья, роскоши и нег
Никогда таким он не был прежде:
Пред ними – новый человек.

«Что с тобой, о чем ты плачешь?» – «Братья,

Плачу я о Господе моем!..

Бедный!.. Посмотрите на Распятье,
Он страдает!.. Слезь моих о Нем
Не стыжусь пред целым миром, всюду
О Христе я громко плакать буду!..»
И, обняв подножие Креста,
Он припал к нему еще любовней:
В это утро, в брошенной часовне
Понял он страдания Христа.

III

Собиралось в лавке у Франциска
Много знатных рыцарей и дам.
Шляпу сняв, он кланялся им низко:
«Есть обновки, заходите к нам!»
И встречал их ласково у двери.
Подражая ловкому купцу,

Он развертывал куски материй,
Говорил: «Вот это вам к лицу!»
Своему усердью сам не верил,
Думал об итогах барыша,
Торговался, ткань аршином мерил,
И волною мягкою шурша,

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
Падал желтый шелк под блеском солнца.

дамы деньги вынули. В луче
Заиграло золото червонца.
У одной был сокол на плече.
Пахло тонкими духами. Метки
Их остроты, легок разговор;
И ласкаются у ног сеньор
С острой мордой белые левретки.
Но франциск на улицу взглянул:
Там, под знайным солнцем, у порога
Робко нищий руку протянул
И сказал: «Подайте ради Бога!» –
«Бог подаст», – рукой он сделал знак.
Но как только отошел бедняк,
Сердце сжалось от стыда и боли.
«Что я сделал!» – бледный, он умолк,
И не в силах притворяться доле,
Он за полцены им отдал шелк.
И потом он днем и ночью видел,
Бедняка молящий, кроткий взор,
И скорбел, и золото с тех пор
Он еще сильней возненавидел.

IV

для отца он сделать все готов:
Взял из лавки сукон разноцветных
И товар навыучил на ослов.
Мимо бедных сел, долин приветных,
Сосен, виноградников и скал
Он ослов на ярмарку погнал.
Смотрит важно, говорит он с весом,
На базар торопится купец
И тюки, как опытный делец,
Разложил на рынке под навесом.
Он в делах выказывает жар,
Сердится и спорит. Весь товар
Продан выгодно. Но от заботы

Он всю ночь в гостинице не спал.
В голове – итоги, цифры, счеты...
Утром возвращается домой;
Он ушел бы в лес дышать прохладой
И смотреть, как блещет мох росой.
Но в лесу ограбить могут: надо
Торопиться, – в страхе и тоске
Щупает он деньги в кошельке...
Он бы лег в траву под эти клены,
Чтоб над ним был листвьев свод зеленый, –
Только страшно деньги потерять,
И едва лишь вспомнил их – опять
Все померкло...

Нищие толпою

За вожатаем идут. У них
Лица неподвижны, словно тьмою
Взор подернут. Он узнал слепых
И смущился, и скорбел душою, –
Совести почувствовал упрек:
«Нет ли медных денег?» В кошелек
Руку опустил, червонец вынул,
Думал спрятать вновь – и нищим кинул.
Вот второй и третий, и дождем
Сыплются монеты золотые.
Он кидает с радостным лицом.
Спор и драку подняли слепые.
Отдал все Франциск, и у него
Вместе с деньгами с души усталой
Словно бремя тяжкое спадало,
И в улыбке доброй – торжество.
Едет дальше: каждая былинка,
Небо, птицы, резвый мотылек,
И смолы янтарная слезинка
На сосне, и трепетный цветок –
Полны радости великой, снова

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
Встретили франциска, как родного.

Он с доверием смотрит в небеса,

Господу поет хвалу простую.

И долины, горы и леса

Повторяют песнь его святую.

V

«Где червонцы? Где мои товары?..

Нищим роздал, нищим сто монет!..

Так не сын же ты мне больше, нет!

Будь ты проклят!..» Бернадоне старый

Палку в ярости схватил: «Ты вор,

Изверг, роду нашему позор!»

Истощив угрозы и упреки,

Подал в суд отец его жестокий.

Но Франциск, когда его зовут

К городским старейшинам на суд,

Отвечает, кроткий и спокойный:

«Я пред Богом – грешник недостойный...

Вы простите мне, но признаю

Одного я в мире Судию.

Над людьми поставлен Он от века,

И во всем я дам Ему ответ:

Человек не судит человека,

Между мной и Богом судей нет!»

VI

И его к епископу призвали.

Долго с жаром говорил отец

И не мог утешиться в печали

О своих червонцах. Наконец

Он умолк; тогда франциск смиренный,

Перстень сняв, перед стариком кладет:

«Это матери подарок. Вот –

Долг мой отдан: камень драгоценный

Стоит больше денег, взятых мной!»

Так франциск, исполненный надежды,

Обручился с бедностью святой:

Снял с себя он обувь и одежды,
Положил на землю пред отцом
И воскликнул с радостным лицом:
«Все земное, все, что я имею, —
даже ризу прежнюю мою
я отцу земному отдаю.
Больше здесь ничем я не владею!
Одного хочу любить Христа,
одному хочу служить я Богу:
я избрал тернистую дорогу, —
и теперь душа моя чиста,
и мечты мои свободней ветра!
Я могу воскликнуть наконец:
Не отец мой — Бернадоне Пьетро,
А Господь — Небесный мой Отец!
Будьте же свидетелями, братья,
я хочу быть бедным, и таким
Как родился — слабым и нагим
Кинуться Спасителю в объятья!»

VII

У него ни палки, ни мешка,
Опоясанный веревкой, нищий,
Он в одежде грубой мужика
Просит именем Христовым пищи
По глухим селеньям, городам,
По большим дорогам и полям
Ходит, проповедуя народу:
«Вы найдете в бедности свободу:
Прежде ваших просьб Создатель сам
Знает, братья, все, что нужно вам.
Для чего ж печетесь вы без меры
об едином хлебе, маловеры?
Вы не лучше ль лилией полевых?
А меж тем не ткут они, не сеют,
Но цари одеться не умеют,

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
Как одета каждая из них.

В Божьем мире – людям места много.

Что ж вы спорите – „мое“, „твое“?

Не тому учил Спаситель: все,

Что прекрасно, нам дано от Бога.

Не одна ли общая земля,

Как один небесный свод над нами?

Для чего ж вы делите межами

Господа цветущие поля?

Кто же в тени путнику откажет,

На чужую ниву не прикажет

Падать росам, кто про золотой

Солнца луч дерзнет сказать: „он мой“?

У тебя Создатель твой на лозах

Наливные гроздья позлатил,

У тебя он в благодатных грозах

Твой поникший колос напоил,

Он скорбит о бедном и богатом,

Воздает за зло тебе добром,

Отчего ж и ты не хочешь с братом

Поделиться хлебом и вином?

О, помиримся, окончим битву,

Пусть навеки общим будет все,

И сольем сердца в одну молитву:

да приидет царствие Твое!»

VIII

Жил Сильвестр в горах, на дикой круче,

Словно зверь, в расщелине скалы.

Вокруг него ходили только тучи,

да летали с клекотом орлы.

На полу пергаментные книги,

Бич железный, цепи и вериги.

Вдоль стены уступ гранитных скал

По ночам подушку заменял.

Не согнувшись встать нельзя, так низко

В тесной келье... В бездне, глубоко

Лишь поток гремит, – и далеко
Все земное, только небо близко.

IX

И франциск мечтает: «Не уйти ли
От людей, от шумных городов,
От тревоги, суеты и пыли
В свежесть и безмолвие лесов?
Там, в горах, где не было доныне
И следа людского, – в тишине
Жить и умереть наедине
С Господом лицом к лицу в пустыне».

Говорил Сильвестр франциску: «Плоть,
Плоть проклятую смири цепями
И бичом железным, и постами,
Чтоб простил грехи твои Господь.
У тебя, мой сын, в уме лишь радость,
Песенки веселенькие, смех!..
Словно пчелки на цветы – на грех
Мы летим и пьем мирскую сладость!..
Смехом люди бесов лишь зовут.

И, внимая радостному кличу,
Дьяволы на грешника бегут,
Как борзые в поле на добычу...
А потом, когда умрет он – в ад
Крючьями да вилами влачат
Господом отринутую душу,
И коптят, и жарят над огнем,
Как на святках мы свиную тушу
На железном вертеле печем:

Вельзевул углей обложит грудой,
Уксусом и желчью обольет,
И на стол он лакомое блюдо
Самодержцу ада подает.
Люцифер на троне лучезарен
За роскошной трапезой сидит,

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
и, отведав грешника, кричит

Повару сердито: „Недожарен!“
Бесы вновь в огонь его влекут
И, крутя на вертеле, пекут.
Прежде радость ты любил земную,
Прежде песни пел ты на пирах,
Подожди ж – у дьявола в когтях
Запоешь ты песенку другую!»
И умолк отшельник. Замирал
на устах его зловещий хохот,
В тишине пустыни отвечал
Лишь потока дальний вечный грохот...

Х

От него Франциск в раздумье шел:
Он жалел монаха всей душою.
Темный свежий бор и ясный дол
Манят к счастью, миру и покою.
Понимал он все, о чем в листве
Радостные птицы щебетали,
Понимал, о чем в сырой траве
Мошки в солнечном луче жужжали,
Все, что ключ шептал на ложе мха;
Сердце чисто, дух его свободен,
Нет! не верит он во власть греха,
В смерть, и в ад, и вечный гнев Господень.

Ликованья больше в Небесах
об едином грешнике спасенном,
Чем о многих праведных мужах.
Только в сердце, злобой омраченном –
Скорбь и ужас, только лица злых
Полны грустных дум в молчанье строгом,
А в душе у добрых и простых –
Радость бесконечная перед Богом!

XI

Папа Иннокентий утвердил
Орден нищих братьев. Мало верил

Он во все, чemu франциск учил.
Но умом расчетливым измерил
Выгоду возможную для пап:
«Пусть, – он думал, – мысль невыполнима,
Жить нельзя без денег, но для Рима
Во франциске будет верный раб!...»
Проповедовать по всей вселенной
Миноритам папа разрешил.
Десять лет с тех пор франциск смиренный,
Нищий, по Италии ходил.
И когда родные Апеннины
Скрылись за далекий горизонт,
Обошел Испанию, Пьемонт,
Францию, Савойские долины.
Тот, кто видел раз его, не мог
Позабыть: идут к нему крестьяне,
Женщины, сеньоры, горожане
И разбойники с больших дорог.
Все они в одно сливались братство
И в одну великую семью,
Покидали родину свою,
Дом, детей и славу, и богатство.

XII

Было раз великое собранье
Нищих братьев. Сотнями пришли
Воины Христа на совещанье,
Босоногие, со всей земли.
В Умбрии, в благословенном крае,
Собрались толпы учеников
На равнине у Сполетто, в мае,
Меж зеленых сосен и цветов.
Там, в полях, не гнезда птиц небесных,
Это – кельи иноков святых,
Это – кущи из ветвей древесных
И зеленых листьев молодых.

Только гул божественных псалмов
Издали сливаются порою
С пеньем птиц и шелестом дубрав.

Там, под кровлей из ветвей душистых,
Пахнет влажной зеленью в тени,
Там в молитвах и беседах чистых
Протекают сладостные дни.

Ни о чем не споря, не жалея,
На земле свободны лишь они –
Меж царей и меж рабов – одни,
Ничего земного не имея.

И в волненье весь окрестный край,
К ним народ собрался отовсюду,
Хвалят Бога и дивятся чуду,
Говорят: «Сошел на землю рай».

Там в полях, за трапезой в смиренье
Гордые бароны и князья
Служат нищим. Люди на мгновенье
Во Христе – единая семья.

В небе солнце греет и сияет, –
На земле блаженный, прост и тих,
Ходит, смотрит на детей своих,
Любит всех и всех благословляет.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I

Он скорбел и думал: «Льется кровь
Вот уж третий век за гроб Господень.
Брат на брата восстает, любовь
Угасает, и раздор бесплоден.
Неужель не кончится вовек
Брань народов, стоны жертв и крики,
Не поймет безумный человек,
Что война – пред Богом грех великий?..»
Он садится на корабль, спешит
В лагерь крестоносцев, к Диаметте,

И мечтает, сердцем прост, как дети,
Что людей словами убедит
Кончить брань. А в лагере солдаты
И вожди веселием объяты:
Оттого у добрых христиан –
Праздник, что вчера, во славу Бога
И Святой Пречистой девы, – много
Перебили пленных мусульман.
Со словами мира и молитвой
Он идет к неверным в грозный стан.
Меж двумя войсками перед битвой
По дороге встретился отряд
Сарацин, и в плен святой был взят.
За шпиона приняли, схватили,
Безоружного, связав, избили,
К полководцу привели в шатер.
Пред вождем доверчивый, спокойный,
Он, подняв свой детски ясный взор,
Говорил, что надо кончить войны,
Что у всех народов Бог один.
Этой речью доброй и простою,
Тронут был суровый Меледин.
Он поник в раздумье головою
И сказал: «Кто б ни был ты, монах, –
Я тебя обидеть не позволю:
Мудрость Господа – в твоих речах.
С миром отпущу тебя на волю!
Все, что хочешь, у меня возьми...
Ты гяур иль нет, но меж людьми
Больше всех ты истинного Бога
Сердцем чтишь!» Франциск не уходил.
Он владыку робко вопросил,
И мольба во взоре и тревога:
«Кончит ли султан войну?» В ответ
Грозный вождь с улыбкой молвил: «Нет».

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
Но в подарок, пожалев о госте,

Предложил он из казны своей

Много золота, слоновой кости

И парчи, и дорогих камней.

На сокровища не бросив взгляда,

Нищий отвернулся и молчал,

Головой лишь грустно покачал

И шепнул: «Мне ничего не надо».

Но готовы слезы из очей

Хлынуть, губы у него дрожали,

Как порой у маленьких детей

От обиды жгучей и печали...

Он в последний раз с мольбой взглянул

И тихонько вышел от султана...

Трубный звук и топот, гром и гул,

Уж готовы к битве оба стана.

«Бог и Магомет, Его пророк!» –

Мусульмане с верой восклицали,

И с такой же верой: «С нами Бог!» –

Паладины грозно отвечали.

В жизни первый раз он одинок

Меж людьми. И, скорбный и безмолвный,

Он уходит на морской песок,

Где шумят в пустыне только волны.

Пал на землю, волю дав слезам,

Поднял взор к далеким небесам:

«Господи, они не понимают!» –

Шепчет, жгучей жалостью объят;

Но ему лишь волны отвечают,

Только волны синие шумят...

II

Возвратясь из Африки далекой

К берегам Италии родной,

Шел Франциск в печали одинокой

Меж скалами горною тропой.

Там, в лазури утренней сия,

Ярче снега, – посреди камней
обнаженных, ворковаля стая
Белокрылых, нежных голубей.
И сказал он, подойдя к подножью
Этих гор, раздумием объят:
«Если люди слушать не хотят,
Пусть же внемлют птицы слову Божью!»
И меж них он радостный стоял:
Всех животных в простоте сердечной,
Как детей одной природы вечной,
Братьями и сестрами он звал.
«Сестры-птицы, мир да будет с вами!» –
Так он начал проповедь, и вдруг
Все затихло. На земле рядами,
Слушая, сидят они вокруг.
«Сестры-птицы, громкими хвалами
Вы должны с любовью без конца
Каждый день благодарить Творца, –
Потому что радостно живете,
Не сбирая в житницах плодов,
Вы в полях не сеете, не жнете,
А Господь под зеленью дубров
Вас укрыл, заботится о пище,
Он вам дал прекраснейший удел –
Светлый, чистый воздух как жилище,
Перьями, как ризою, одел!
Вот за что весь день, лишь луч денницы
Заблестит сквозь утреннюю мглу –
И до звезд вечерних, – пойте, птицы,
Пойте Богу вечную хвалу!»
Он умолк, – и голуби ликуют,
И, к нему головки протянув,
Крыльями трепещут и воркуют,
Смотрят в очи, открывая клюв.
И один в лазури необъятной

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
С этой стаей белых голубей

Он меж ними ходит, благодатный,
Как отец – среди своих детей.
Ризою касается смиренной
Их головок ласковых. Потом,
Отпуская Божьих птиц, Блаженный
Осенил с любовью их крестом.
И взвилась ликующая стая,
И следил он с радостным лицом
долго, долго, как она, блестая,
Словно белый снег, под солнцем тая,
Исчезала в небе голубом.

III

Так Франциск ни от кого на свете
С гордостью не отвращал лица:
Божьи твари – все равны, как дети
Одного Небесного Отца.
И они к нему приходят сами,
К людям позабыв вражду свою.
Сердцем чист, он в дружбе со зверями
Жил, как первый человек в раю.

IV

Раз в пещере, в зимний холод, поздно
Ночью с молодым учеником,
В Риво-Торто, над стремниной грозной
Он сидел за тлеющим огнем.
Все мертвое. Над пеленою снежной
Только звезды бледные дрожат.
Отрока спросил учитель нежный:
«Отчего ты грустен, милый брат?»
– «О прости мне, отче! Я горюю
О семье. Я вспомнил мать родную,
Братьев, маленьких сестер моих.
Скучно мне, душа болит о них...»
И Франциск с улыбкой состраданья,
Не сказав ни слова, но спеша,

Вышел поскорей из шалаша,
Стал лепить из снега изваянья.
Кончив, с торжествующим лицом,
Он, смеясь, их обошел кругом
И воскликнул: «Где же ты, Руфино?
Братец, люди снежные!.. Взгляни,
Как блестят над белою равниной,
Как тебя приветствуют они!»
И Руфино вышел, грусти полный;
Искрятся при свете звезд ночных
Изваянья, бледны и безмолвны;
И Франциск указывал на них:
«Вот – отец твой, мать, вот – сестры, братья...
Что ж ты медлишь? Подойди скорей!
Видишь, как им холодно, согрей,
Поцелуй их, заключи в объятья!
Но когда к груди прижмешь – в тепле
Изваянья снежные растают,
И умрут они, как умирают
Все, кого мы любим на земле.
Не помогут ласки и лобзанья!
И уйдут, уйдут они от нас,
Исчезая каждый день и час,
Словно снег от теплого дыханья!»

V

Сорок дней был пост в монастыре.
По обету братья не вкушали
ни плодов, ни рыбы. На заре
Встал Франциск. Еще монахи спали.
Рядом с ним был в келье брат больной:
дологими постами изнуренный,
Жаждою томясь, во сне порой
Он шептал, видением смущенный:
«Если б мог я жажду утолить,
Под зеленою, свежей тенью сада,

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
От янтарных гроздей винограда,

Соком переполненных, вкусить!..»

Бред его подслушав, к изголовью

Подошел франциск: «Проснись, мой брат».

И заботливей, чем мать, с любовью

Он ведет его тихонько в сад,

Прямо к спелым гроздьям винограда.

Но больной поднять не смеет взгляда;

Ягоды под розовым лучом,

Налитые соком золотистым,

Под листом широким и росистым

Светятся прозрачным янтарем.

И Блаженный первый к ним склонился,

Немощь плоти с братом разделил,

Вместе с ним он от плода вкусили,

Чтоб монах нарушить не стыдился

Свой обет: «Не бойся прогневить

Господа, – сказал франциск, – чтоб душу

Брата от страданий облегчить,

Тысячи обетов я нарушу!

На себя беру твой грех. Готов

дать ответ во всем: я знаю, Боже,

Милосердье – для Тебя дороже

Всех молитв, обрядов и постов!»

VI

От служенья в мрачном, душном храме

В сад порой Блаженный уходил.

Там, под голубыми небесами,

Целый день с улыбкой он следил,

Как из сердца розы темно-алой,

Из тюльпанов огненных пчела

Сладкий, ароматный сок пила,

И как солнце в ульях озаряло

Восковые грани нежных сот,

Где струился теплый, светлый мед.

В их строенье мудрости так много,

Что франциск у пчелок золотых,
Умных маленьких сестер своих,
Познавать учился благость Бога.

И когда в стыдливой красоте
Лилии порой пред ним блистали,
Дольние цветы напоминали
О цветке Небесном, о Христе –
Этой бледной, сладостной лилее,
Выросшей в долинах Галилеи
И цветущей ныне в небесах.

Тот цветок наполнил, умирая,
Мир таким благоуханьем рая,
Что проснулись мертвые в гробах.

Так вселенная душе святого
Кажется в гармонии своей
Символом Единого, Благого,
Вечного, таящегося в ней.

И зовет, зовет он всю природу,
Бездны, горы, тучи, небеса,
Землю, воздух и огонь, и воду –
Слить в одну молитву голоса.

Чувствуя душой прикосновенье
Бесконечного, он весь горел
И любил, и, полный вдохновенья,
Свой великий гимн пред Богом пел:

VII

«Тебе – хвала, Тебе – благодаренье,
Тебя Единого мы будем прославлять,
И недостойно ни одно творенье
Тебя по имени назвать!

Хвалите Вечного за все Его созданья:
За брата моего, за Солнце, чье сиянье,
Рождающее день –
Одна лишь тень,
О, Солнце солнц, о, мой Владыко, –

Одна лишь тень –
От Твоего невидимого лика!

да хвалит Господа сестра моя Луна, –
И звезды, полные таинственной отрады,
Твои небесные лампады,
и благодатная ночная тишина!

да хвалит Господа и брат мой Ветр летучий,
Не знающий оков, и грозовые тучи,
И каждое дыханье черных бурь,
И утренняя, нежная лазурь!

да хвалит Господа сестра моя Вода:
Она – тиха, она – смиренна,
И целомудренно чиста, и драгоценна!

да хвалит Господа мой брат Огонь – всегда
Веселый, бодрый, ясный,
Товарищ мирного досуга и труда,
Непобедимый и прекрасный!

да хвалит Господа и наша мать Земля:
В ее родную грудь, во влажные поля
Бразды глубокие железный плуг врезает,
А между тем она с любовью осыпает
Своих детей кошницами плодов,
Колосьев золотых и радужных цветов!

да хвалит Господа и Смерть, моя родная,
Моя великая, могучая сестра!
Для тех, кто шел стезей добра,
Кто умер, радостно врагов своих прощая,
Для тех уж смерти больше нет,
И смерть – им жизнь, и тьма могилы – свет!

да хвалит Господа вселенная в смиренье:
Тебе, о Солнце солнц, хвала и песнопенье!»

Над горами тихо пролетая,
В красоте торжественной своей
Вся дрожит и блещет ночь немая
Мириадами живых огней.

В полусне недвижимый над бездной
На горах Альверно он стоял,
Окруженный небом ночи звездной,
Одинокий на вершине скал,
И молился горячо. Светлело
Перед ним в полночной темноте,
Словно в блеске солнца на Кресте,
Бледное, страдальческое тело.

Каплями из ран сочилась кровь,
Алая, во мраке черной ночи.
Долу лик склонен, закрыты очи,
А в улыбке – все еще любовь.

Он покорно, тихо умирает.
И Блаженный к Богу своему
Поднял взор. От жалости к Нему,
От любви душа изнемогает:
«О как мало я Тебя любил,
Как обидел! Это я, гвоздями
Члены жалкие пронзив, убил
Моего Спасителя грехами.

Господи, я не могу смотреть
На Твои мученья! Дай мне тоже,
Дай страдать с Тобою вместе, Боже,
И с Тобою вместе умереть.

Лучше пусть Христос меня осудит,
Пусть отвергнет, – сердцу легче будет,
Только бы не умер Он, храня
Кроткий вид, исполненный смиренья...

Боже, я не вынесу прощенья,
Нет, не надо, не прощай меня!..»
Но Спаситель открывает очи,

Взор такой любви из мрака ночи
В глубину души его проник,
Что как будто в первый раз Блаженный
Понял, как Господь его любил,
Понял, что за все грехи вселенной
Умирая, Он людей простил.

И Христос к нему все ближе, ближе,
Он – казалось – обнимал его,
И франциск шептал с мольбой: «Возьми же,
Господи, возьми меня всего!»

И почувствовал он те же муки,
Как Распятый, боль он ощутил,
Словно кто-нибудь гвоздями руки
И ступени ног ему пронзил.

Во Христа душой преобразившись,
Вместе с Ним был распят на Кресте,
Вместе с Ним страдал и, с Богом слившись,
За людей он умер во Христе.

К Небу громким голосом взывая,
Он упал: «Тебе я жизнь мою,
Отче, ныне в руки предаю!»

А над ним, по-прежнему блестая
В непонятной красоте своей,
Вся дрожит и блещет ночь немая
Мириадами живых огней...

.....
Рано утром из окрестных келий
Братья-иноки пришли за ним.
Он лежал на скалах недвижим,
И как будто от гвоздей алели
Язвы на ногах, ладонях рук,
На худом, прозрачно-бледном теле.
В ужасе стояли все вокруг...

..... .
Но потом открыл он очи вновь.

Взор его был полон тайн небесных,
Несказанных, и сочилась кровь
Каплями из ран глубоких, крестных...

IX

С этих пор страданья начались
Тяжкого, смертельного недуга.
Раз от всенощной, полны испуга,
Бледные монахи собирались
И смотрели на его мученья.
И не в силах боли превозмочь,
Полумертвый, истощив терпенье,
Он метался и стонал всю ночь;
Юный брат в порыве состраданья,
Сlyша бесконечные стенанья,
Видя, что ничем нельзя помочь –
«Господи, – воскликнул, – неужели
Так несправедливо и без цели
Ты казнишь избранников Твоих?»
Услыхал больной и вдруг затих,
На монаха поглядел он строго,
И ответ раздался в тишине:
«Брат, как смеешь ты судить во мне
Милосердье праведного Бога?»
Встал Франциск от ложа и, с трудом
Опустившись, ниц упал челом,
Крепко всеми членами своими
Трепетными, слабыми, нагими
Он к земле припал и целовал
Землю, руки к персям прижимал,
Полный бесконечного смиренья:
«О Создатель мой, благодарю
Я за все, за все мои мученья!
Об одном еще Тебя молю:
Боль сильнее сделай, если надо, –
Я перенесу ее, любя, –

даже муки – для меня отрада!
Разве не у Господа в руках –
жизнь и смерть, и вся земная доля?
О Твоя, Твоя да будет воля,
Отче, на земле и в небесах!»

Х

Так великий дух в страданьях рос.

И огнем любви неутолимой
Сердце чистое зажег Христос.
Между тем, как дух неугасимо
Пред лицом Твоим горел, Господь, –
Как свеча пред образом, – сгорала
От болезни немощная плоть,
Таяла, как воск, и умирала.

ХІ

Перед смертью он ослеп. Мученье
Каждый день росло. Когда порой
Становилось легче, в сад больной
Выходил: одно лишь утешенье –
На крыльце у двери посидеть,
И на миг – измученное тело,
Что, теряя силы, холодело,
В теплых солнечных лучах согреть.
Раз, когда в вечернем кротком свете
Он дремал, монахи принесли
Пару диких горлиц. Их нашли
В поле. Бедные попались в сети.
Чтоб вскормить могли они птенцов,
Гнездышко под кровлей, над дверями
Он слепил из глины и сучков
Слабыми, дрожащими руками.
И веселью не было конца,
Только что из первого яйца
Вылупился птенчик, и неловкой
Обнаженной маленькой головкой

Скорлупу пробил... Раздался писк
Жалобный... Благословил Франциск
Господа за то, что, умирая,
Видел, как рождалась молодая
Жизнь, и, свет еще сильней любя,
Окруженный мраком в вечной ночи,
К солнцу поднял он слепые очи,
«Господи, благодарю Тебя!..»

XII

Только плоти слабою преградой
Дух его, как тонкою стеной,
Отделен от Бога. Он порой
Говорил: «Мне ничего не надо,
Хорошо и умереть, и жить!»
Так Блаженный, землю покидая,
Счастье высшее познал – любить,
На любовь в ответ любовь встречая.
Чтобы к Богу в мире отойти,
В темную часовню под землею
Он велел себя перенести.
Утешаясь бедностью святою,
Ризы снял и лег на голый пол,
И как в юности, когда, одежды
Сняв с себя, от мира он ушел, –
Так теперь, исполненный надежды,
Он с печатью смерти на челе,
Все земное отдает земле
И свободе радуется: «Братья,
Я хочу быть бедным и таким,
Как родился – слабым и нагим,
Кинуться Спасителю в объятья!..»
Со свечами иноки стоят,
И один открыл на аналое
И читал Евангелье святое;
В тишине слова любви звучат:

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
«Дети, я не долго с вами буду.

Ныне вам Я новую Мою
Заповедь великую даю,
И за то Я вечно в вас пребуду.
Мир вам, дети! Как я вас люблю,
Так и вы друг друга возлюбите,
Чтоб узнали все по той любви,
Что вы заповедь Мою храните
И что вы ученики Мои.
Я приду к вам вновь и успокою.
Вы – во Мне, как Я – в Отце Моем,
И вы будете одно со Мною,
Как и Я – одно с Моим Отцом».
Он вздохнул – и кончилось мученье:
И, как будто задремав, поник
Головой на грудь в изнеможенье,
И закрылись очи. Бледный лик –
Все светлей, спокойней и прелестней...
Как дитя – у матери в руках,
Убаюканное тихой песней, –
Он почил с улыбкой на устах.
Незакатный свет пред ним сияет,
В лоне Бога дух его исчез, –
Так в лазури утренних небес
Белокрылый лебедь утопает.

1891

ВЕРА Повесть в стихах

ГЛАВА ПЕРВАЯ

І

Недавно рецензент довольно жёлчный
Мне говорил: «Какая тьма певцов
В наш грубый век практических дельцов!
Баллад, поэм, сонетов гул немолчный
Стоит кругом, как летом комаров
Унылое жужжанье!..» В самом деле,

II

Кто не рифмует?.. Целая гора
Стихов нелепых. Нынче все – поэты:
Военные, студенты, доктора,
Телеграфисты, барышни, кадеты,
Отцы семейств, юристы... Нам вчера
В редакцию товарищ прокурора
Прислал тетрадь рифмованного вздора.

III

И все они лишь об одном поют:
Как тяжело им жить на белом свете, –
И все страдают, плачут, мир клянут,
Бессильные, капризные, как дети,
(Их пессимистами у нас зовут), –
Повсюду жалобы: «искусство пало».
Поэтов тьма – поэзии не стало.

IV

Нам скорбь приятна: все мы влюблены
В свою печаль и собственным напевам,
Слезам, тоске, всему, чем мы полны,
Уж слишком много придаем цены –
А жизнь для нас противна. Старым девам
Лет под сорок прилична эта грусть...
Но, Боже мой, мы знаем наизусть

V

Сердце разбитых стоны и признанья.
Нам, наконец, чувствительная ложь
И Надсону плохие подражанья
Наскучили!.. Как Надсон ни хорош,
А с ним одним недалеко уйдешь.
Порой стихи у нас по форме дивны,
Но все-таки мы слишком субъективны.

VI

О, кто найдет для музы новый путь,
Кто сделает искусство не забавой,

А подвигом, кто даст нам отдохнуть
На красоте спокойной, величавой,
Кто в дряхлый мир сумеет жизнь вдохнуть,
Кто воскресит твои живые струны,
Наш царь, наш бог, учитель вечно юный,

VII

Счастливый Пушкин? Да, в ужасный век
Сумел ты быть свободным и счастливым.
И ты страданья знал, каких вовек
Не знали мы, но умер горделивым
И не роптал, – и, жалкий род калек,
Тебе, гигант, дивимся мы с любовью, –
Твоей спокойной мощи и здоровью.

VIII

Восторженным в стихах нетрудно быть,
Но, забывая собственное горе,
В гармонию печаль преобразить,
В своей душе, как свод небесный – в море,
Весь мир и всю природу отразить, –
Вот цель поэтов, Богом вдохновенных,
Что потрудней элегий современных

IX

И нашей модной «скорби мировой».
В тебе, о Пушкин, счастье и покой;
Ты примиряешь с жизнью, утоляя
Нам жажду сердца вечной красотой.
Не как вино, а как вода живая,
Не как духи, как аромат лесов –
Святая прелесть пушкинских стихов.

X

Но, впрочем, как бы ни были мы плохи,
А надо жить: искусство – не игра.
Мне кажется, что бросить нам пора
Элегий томных жалобные вздохи,
Все эти пробы детского пера,

Приняться бы за эпос – кроме шуток.

XI

О, светлого искусства торжество,

Привить тебе, эпическая муз!

Твои жрецы – титаны... Ничего

Не может быть желанней твоего

Спокойного и верного союза.

Пускай шумит лирический поток –

Ты, эпос, тих и вечен, и глубок!

XII

Но устарел в наш век вполне реальный

Волшебный мир классических поэм, –

Восток, Эллада, розы и гарем,

И красота природы идеальной, –

Роскошных пальм тропический эдем,

Халифы, демоны, монахи, феи –

Во вкусе лорда Байрона затеи.

XIII

Нет, право, в современных городах,

В театрах, фабриках, в толпе столичной,

В шестиэтажных пасмурных домах

И даже в серых, дымных небесах

Есть многое, что так же поэтично,

Как волны, степь и груды диких скал –

Романтиков обычный арсенал.

XIV

В болезненном и сумрачном пейзаже

Большого города найдет поэт,

Быть может, то, чего в природе нет:

Есть красота в искусственном; и даже

Свет электричества, волшебный свет,

Порою над столицею печальной

Прекраснее луны сентиментальной.

XV

У нас культуру многие бранят

(что, в сущности, остаток романтизма),

Но иногда мне душу веселят

Локомотив иль царственный фрегат

Изяществом стального механизма.

А все ж родней мечтателям пока

Восток и Рим, и средние века...

XVI

Но я решил, привычку побеждая,

Героя взять для повести моей

Из современных, будничных людей...

дитя больное северного края,

Он родился в одной из тех семей,

Где, несмотря на комфорт и достаток,

Какой-то буржуазный отпечаток

XVII

Лежит на всем. Лет тридцать прослужив,

Его отец страдал обычным сплином

И засореньем печени. Схватив

На скверной даче в Парголове тиф,

Скончался он с довольно важным чином,

И скромный, тысяч в сорок, капитал

Он, умирая, сыну завещал.

XVIII

Давно уж мать больна была чахоткой.

Покорная, с надеждой на Творца,

Сережу покидая, до конца

Она осталась любящей и кроткой.

Но он не помнил милого лица,

И лишь как сон, как то, что слышал в сказке,

Он вспоминал ее святые ласки.

XIX

Лет с десяти страдал уже хандрой

И склонностью к чахотке наш герой –

Родителей печальное наследство.

Как бред тяжелый промелькнуло детство.

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
с болезненной, угрюмою душой,

Сережа был ребенком некрасивым,
Мечтательным и странно молчаливым.

XX

Наследственность, мы все – твои рабы!
Твоим слепым законам жизнь покорна,
Со дня рожденья будущей судьбы
В нас тихо спят невидимые зерна:
Мы ей должны отдаваться без борьбы.
Из рода в род болезнь и преступленья
Передают друг другу поколенья...

XXI

И зверь таится в каждом из людей,
И тысячами уз порабощенный,
Он не смирился: в денди наших дней
Под оболочкой моды утонченной
Порой сквозят инстинкты дикарей –
С их жаждой крови, ужасом и мраком, –
Под этим белым галстуком и фраком.

XXII, XXIII

.....

XXIV

В гимназии невыносимый гнет
Схоластики пришлось узнать Сереже...
Словарь да синтаксис; из года в год
Он восемь лет твердил одно и то же.
Как из него не вышел идиот,
Как бедный мозг такую пытку вынес
Непостижимо. «Panis, piscis, crinis», [7] –

XXV

Вот вся наука... Иногда весной
Он ласточкам завидовал. Не учат
Они Aorist первый и второй,
Грамматикой латинской их не мучат.
Пока бедняга с жгучею тоской
Смотрел, как в синем небе реют птицы,

Он получал нули да единицы.

XXVI

Когда зимой пленяло солнце взор
Сквозь дым багровый ласковым приветом,
И душный класс, и мрачный коридор
Был озарен янтарным полусветом, –
О, как Сережа рвался на простор,
И как хотел он, весь отдавшись бегу,
Лететь в санях по блещущему снегу!

XXVII

Над Ксенофонтом голову склонив,
Он забывал о грозном педагоге,
Смотрел куда-то вдаль и был счастлив...
Но вдруг звучал над ухом голос строгий:
«Скажите мне от amo[8] конъюктив!» –
И со скамьи мечтатель пробужденный
Вставал, дрожащий, робкий и смущенный.

XXVIII

Домой он не на радость приходил:
И отдохнуть не смел ребенок бедный.
Над Цицероном выбившись из сил,
Еще князей удельных он зубрил
До полночи, измученный и бледный,
Чтоб утром под дождем бежать скорей
В гимназию при свете фонарей.

XXIX, XXX, XXXI

.....

XXXII

Немудрено, что, кончив курс, Сергей
Считал весь мир печальною ошибкой.
Озлобленный, далекий от людей,
Он осуждал с презрительной улыбкой
Их с высоты учености своей,
Искал спасенья в отрицанье чистом –
И вообще был крайним пессимистом.

Но он – студент. Какой счастливый день!
С каким восторгом он вошел под сень
Таинственных больших аудиторий.
Он с трепетом заглядывает в тень
Немых библиотек, лабораторий;
На лекциях он – весь вниманье, слух...
Но скоро в нем научный жар потух.

XXXIV

С тупым лицом, рябой и косоглазый,
Какой-то метафизик примирял
Ученье церкви с Кантом. Он дремал,
Цедя сквозь сон медлительные фразы,
И, не боясь свистков, провозглашал
Тот принцип, что почтенье к людям надо
Определять количеством оклада.

XXXV

Сереже было стыдно; а потом
На кафедру взошел старик с лицом
Пергаментным, в очках; губа отвисла,
И мутный взор потух. Беззубым ртом
Зашамкал он уныло числа, числа...
История – без образов, без лиц,
Ряды хронологических таблиц! ..

XXXVI

Но вот – юрист; он обожал остроты,
Был фат, носил фальшивый бриллиант,
Не знал предмета, но имел талант
Придумывать словечки, анекдоты
И пошлости. Сереже этот франт
Казался неприличным и вульгарным;
Он, впрочем, был довольно популярным.

XXXVII

В своих товарищах не мог Сергей
Узнать студента добрых старых дней.
Где искренность, где шумные беседы,

Где буйный пыл заносчивых речей,
Где сходки, красные рубашки, пледы,
Где сумрачный Базаров-нигилист?..
Теперешний студент так скромен, чист

XXXVIII

И аккуратен: он смирней овечки
Он маменькин сынок, наследства ждет,
Играет в винт и в ресторане пьет
Шампанское, о тепленьком местечке
Хлопочет, пред начальством шею гнет,
Готовь стоять просителем у двери
И думает о деньгах, да карьере...

XXXIX

.....
XL
Был старичок-профессор: пылкий, страстный,
Гуманностью он увлекал без слов –
Одной улыбкой мягкой, детски ясной;
Идеалист сороковых годов,
Он умереть за правду был готов.

.....
.....
XLI

В морщинках добрых, с лысой головой,
Он был похож на маленького гнома.
На пятом этаже большого дома
В его квартирке плохонькой, порой,
По вечерам бывал и наш герой.
Жара, веселье, чай и папиросы,
И шум, и смех, и важные вопросы.

XLII

Один кричал: «Не признаю народа!..»
Другой в ответ: «Толстой сказал...» – «Он врет!»
– «Нет, черт возьми, дороже нам свобода...»
– «Пусть сапоги Толстой в деревне шьет...»

Все, наконец, сливалось в общем шуме.

Сергей внимал в глубокой, тихой думе.

XLIII

Пора домой. Он вышел. Ночь ясна.

Костры извозчиков пылают с треском,

А на Неве голубоватым блеском

Мерцают глыбы льда, и холодна

В кольце туманной радуги луна,

И полны Сфинксы грусти величавой,

И задремал Исакий златоглавый.

XLIV

Его столбов и портиков гранит,

Весь опущенный инеем, блестит,

И по углам склонились, недвижимы,

Чернея в звездном небе, херувимы...

А Невский электричеством залит,

Кареты, вывески, кафе, – и звонок

В морозной ночи гул последних конок.

XLV

И думал так наш скептик молодой:

«О чем они так спорили, кричали?

Народ, культура, знанье, – Боже мой,

Но здесь, пред этой ночью голубой,

Как жалки все тревоги и печали!

Мне в двадцать лет не страшно умереть.

И, право, в жизни нечего жалеть.

XLVI

Жалеть!.. Я даже рад тому, что болен.

Я волю жить сознанием превозмог,

Как Шопенгауэр говорит...» Доволен

Был юный наш философ тем, что мог

Цитатой подтвердить свой монолог.

Он чувствовал себя оригинальным,

Обиженным, и гордым, и печальным.

XLVII

В своих глазах он был почти велик.
Не понимал Сережа в этот миг,
Что пессимизм дешевый и банальный,
Всю эту грусть он взял из модных книг,
Из фельетонов да статьи журнальной,
Что свой красивый, мрачный идеал
Он у поэта Минского украл.

XLVIII

И между тем, как цепью бриллиантов
Над Невским ряд полночных солнц горел,
На улицу с презрением он глядел,
На бедняков, публичных женщин, франтов...
«Как я далек от их ничтожных дел!..
Живут, страдают, любят, суетятся,
А смерть придет, – как сон они умчатся!..»

XLIX

И в шубу он закутался плотней,
И сделалось тепло ему от меха,
От сладостного внутреннего смеха
Над глупой жизнью маленьких людей;
Он опьянен был горстью своей,
Она ему казалась необъятной:
Ведь над собой поплакать так приятно.

L

Пришел домой, разделся он и лег.
Но мучил кашель, голова горела...
Потухли грэзы. Слаб и одинок,
Он ласки жаждал и уснуть не мог.
А ночь в глаза так пристально глядела,
И, как могильный камень, тяжела,
Теперь уж скорбь не шуткою была.

LI

Ни сладких дум, ни слезь, ни вдохновенья,
Ему казалось глупым и смешным,
Что он считал великим за мгновенье.

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
Не скептиком, могучим, гордым, злым,
Он просто был несчастным и больным,
Покинутым ребенком. Одиноки
Теперь мы все: таков наш век жестокий!

LII

Мы думаем, безумцы, лишь о том,
Чтоб оградиться от людей наукой,
Правами, силой, деньгами, умом...
Но в нашем я, ничтожном и пустом,
Томимся одиночеством и скукой.
Борьба на смерть, – *Vae victis!* [9] – кровь за кровь,
У нас в руках – весь мир! Но где любовь?

LIII

Железные дороги, телефоны,
И Эйфелева башня до небес, –
Великий век открытый и чудес!..
А между тем нам как-то скучно... Стоны,
Разврат и голод... Жар любви исчез...
Вселенную мы знаньем победили,
А в сердце... в сердце мрачно, как в могиле.

LIV

И встал Сергей и к шкафу подошел.
Из книг он выбрал «Исповедь» Толстого.
Едва страницы первые прочел,
Он увидал софизмы, произвол...
Но сколько в вас для чувства молодого
Знакомой боли и родной тоски,
Гектографа заветные листки!

LV

Сережа думал: «Да, блаженны те,
Кто жизнь проводят в тишине, в заботе
Об урожае, в сельской простоте,
В слиянии с народом и в работе.
Но если верить жизни, не мечте,
Но если дел искать, не грез, – увидишь сразу
В непротивленье злу пустую фразу.

LVI

.....
LVII

Толстой! Надолго ли в тебе угас
Сомненья дух мятежный и суровый?
Увы, ты мира дряхлого не спас...
Как знать, теперь, быть может, веры новой
Ты жаждешь сам, невидимо для нас.
А веры нет и быть ее не может,
И скорбь по ней нам сердце вечно гложет.

LVIII

Наш век, как ни один из всех веков,
Неведомого ищет и томится,
От мук изнемогает, пасть готов
И вдруг опять из порванных оков
Встает непобедимый и стремится...
Куда?.. навеки скрыто Божество.
Погибнем мы, но не найдем его!»

LIX

Сидел он долго, долго на постели.
Свеча померкла, алый свет играл
В замерзших окнах; фабрики гудели;
Спешил рабочий; дым из труб вставал;
С балов кареты мчались... Замирал
далекий колокол, и сквозь дремоту
Столица принималась за работу.

LX

Забелин... (но героя моего
Я позабыл представить вам, читатель:
Забелиным я буду звать его).
Поближе из студентов никого
Не знал он, кроме Климова. Приятель,
Блондин в очках, высокий и худой,
Понравился Сереже добротой.

LXI

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
Как истинный народник, откровеньем

Он «Власть земли» Успенского считал,
Не мучился, как наш герой, сомненьем
И жизнь не в поэтический кристалл,
Но, как работник, трезво созерцал,
Был полон нежности, любви и чувства,
А между тем не понимал искусства.

LXII

Зато во всем Забелин до сих пор –
Лишь дилетант, а Климов просто, смело
И бодро примется за жизнь и дело.
Хотя едва не каждый разговор
Переходил у них в жестокий спор,
Они вполне сошлись, как два контраста,
Что в дружбе и любви бывает часто.

LXIII

Камин пылает, лампа на столе.
Сережа любовался в полумгле,
Как угольки просвечивали нежно
Сквозь тонкий пепел, и внимал небрежно,
С насмешливою думой на челе,
А Климов мерил комнату шагами,
Курил, кричал, размахивал руками:

LXIV

«Ты – баба, эгоист!.. Твоя тоска
И пессимизм, и жажда идеала –
Вздор, сущий вздор пред скорбью мужика
О том, что нынче подать велика,
А хлеб не уродился, лошадь пала!..
Ты – барин... ты чужим трудом живешь,
Вся жизнь твоя – бессмыслица и ложь!..

LXV

Нам, видите ли, скучно, мы не в духе...
Но, Боже мой, в деревне хлеба нет!
Там люди мрут от голода, как мухи,
Там нужен свет, пойми, – любовь и свет!..

А мы... Какая подлость!..» Но в ответ

Сергей: «За мной весь Запад, вся наука.

Там тоже – скорбь, отчаянье и мука!..

LXVI

За мной – Шекспир и Байрон...» – «Старый хлам!

Есть многое важней литературы:

Возьми народ, – какая свежесть там,

Какая сила! Будущность культуры

Принадлежит рабочим, мужикам...

Эстетика – черт с нею!.. Надоела...

Нам надо пользы и добра, и дела!»

LXVII

– «Ну, вот, начнется Писарев, готов

Ты сапоги признать важней Шекспира!..

Послушай, Климов, кроме мужиков,

Есть воздух, солнце, аромат цветов,

Вся красота и все величье Мира!

Ну, неужель и у тебя в крови

Нет жажды счастья, славы и любви?..

LXVIII

Ты, впрочем, взгляди изменишь, – я уверен...

А кстати вот что: в будущем году

Мы кончим курс, что делать ты намерен?»

– «В чиновники, конечно, не пойду!

Мне кажется, способен я к труду.

Учить ребят я буду в сельской школе,

И, право, мне не надо лучшей доли!»

LXIX

– «Как счастлив ты! – проговорил Сергей

С улыбкою печальной. – Верить страстно –

Вот Божий дар таких, как ты, людей.

Какой ты цельный!.. Все в тебе так ясно...

Завидую я простоте твоей...

А мы... несчастные!..» – и головою

Поник на грудь он с искренней тоскою.

LXX

«Но, Климов, тех, кому недостает
Простой любви, вы не судите строго...
О, жизнь в тебе ключом так мощно бьет!
Ну, дай мне этой силы, ради Бога!
Заставь меня поверить хоть в народ...
Без веры жить нельзя!...» – Он со слезами
Взглянул и вдруг закрыл лицо руками.

LXXI

В нем было столько боли и тоски,
Что, полон весь участия немого,
Глядел в смущеньи Климов сквозь очки,
Не выпускал из рук его руки
И жал ее до боли, и сурово
Твердил: «Дурак я!..» – И еще тесней
С тех пор сошелся с Климоюм Сергеем.

LXXII

Но кончен курс. Теперь бы жить, трудиться,
А он, Обломов в двадцать лет, скучал,
Не знал, что делать, жил на капитал,
В отчаянье, чтоб как-нибудь забыться,
Он сотни две томов перечитал,
Собой, людьми и жизнью недоволен...
А в сущности, Сергей был просто болен.

LXXIII

Гнилая петербургская весна,
Темнеет снег и тает понемножку.
Потоп! Столица вся запружена.
И барышня, показывая ножку,
Над лужею порой краснеть должна.
Но дворники работают повсюду:
И колят, рубят снег и валят в груду.

LXXIV

Лишь изредка, чтоб обмануть, блеснет
В туманах луч болезненного солнца, –
И вывеска над лавкою сверкнет,

Стекло, фонарь иль в глыбах синий лед
На санках с мокрой клячею чухонца...
И дождь да снег – опять на целый день,
И все больны, из дома выйти лень.

LXXV

чиновники о даче грезят снова,
И жаворонков в булочных пекут;
Мечтают дети, скоро ль побегут
Играть в серсо вокруг дедушки Крылова;
Кругом от тифа да чахотки мрут,
А Фофанов в невозмутимых грезах
Поет себе о соловьях да розах.

LXXVI

Забелин простудился, кашлять стал.
Ему лекарство доктор прописал.
Не помогло, – он осмотрел серьезно,
Послушал грудь и, наконец, сказал:
«Советую на юг, пока не поздно.
Вам вреден Петербург». Сергей тотчас
Собрался и поехал на Кавказ.

LXXVII

Порою как-то душно мне в вагоне...
Я отрицать не думаю прогресс, –
Но то ли дело бешеные кони,
И песня ямщика, и даль небес,
И вольный воздух, и сосновый лес
С росистым мхом, с весеннею фиалкой!..
Увы! мне нашей старой тройки жалко.

LXXVIII

Локомотив – хорош... Но сундучки
Капризных дам, кондуктора, билеты, –
Какая пытка!.. Копоть да свистки,
На станциях – холодные котлеты,
Рыдают дети и визжат болонки,
И на голову валятся картонки...

LXXIX

Зато герой наш сердцем отдохнул,
Когда из душного вагона вышел,
Еще на даль морскую не взглянул
И лишь, смутиясь, издалека услышал,
Какой-то грозный, непонятный гул,
И вдруг подумал: «Море!» – и, сверкая,
Пред ним открылась бездна голубая...

LXXX

Вот – пароход. Забелин – на корме,
Где пахнут дегтем влажные канаты.
Теснились думы чудные в уме,
Следил он, смутной радостью объятый,
Как выступали звезды в синей тьме
И как с чертой великой горизонта
Сливалась даль темнеющего Понта.

LXXXI

Он видит раз: над морем в небесах
Повисло ожерелье из алмаза.
Оно мерцало в утренних лучах,
И сердце сжал какой-то чудный страх:
То были вечные снега Кавказа.
Они внимали шуму волн морских, –
И холодом повеяло от них...

LXXXII

Привет мой вам, кавказские вершины!
Как облака, – чуть тронуты зарей, –
Вы блещете воздушной белизной...
У ваших ног зеленые пучины
Поют вам гимн... И думал наш герой:
«Там, в Петербурге, – снег, туман, ненастье,
А здесь... О, Боже мой, какое счастье!

LXXXIII

И как я смел роптать!...» Душой смирясь,
Перед лицом природы необъятной,
Он чувствовал свою живую связь

С какой-то силой вечной, непонятной,
И в глубь небес глядел, без слов молясь,
Как будто чем-то пристыжен, безгласен;
Он думал: «Господи, как мир прекрасен!..»

LXXXIV

Но здесь на время я оставлю нить
Моей унылой, будничной поэмы.
Нас, верно, будут критики бранить
За смелость рифм, за тон, за выбор темы,
Пожалуй, и Буренин уязвить
Захочет эпиграммой; но, конечно,
На рецензентов я смотрю беспечно.

LXXXV

Редакторы журналов – вот беда:
Какой почтенный вид, – и ни следа,
Ни проблеска свободной мысли, чувства!..
Число подписчиков – важней искусства.
да сохранит нас Феб от их суда:
Твой карандаш, о цензор, мне милее,
Чем важного редактора затеи!

LXXXVI

.....
LXXXVII
О, только бы читательницам милым
(для нас важней всего их приговор)
Не показался мой рассказ унылым.
Любезных дам неблагосклонный взор
Произведенье губит. До сих пор
В романе нет того, чем милы книги, –
Какой-нибудь таинственной интриги,

LXXXVIII

В чем каюсь от души... Зато в главу
Вторую поместить решил я сцены
Любви, свиданий, ревности, измены, –
И вдруг всю эту пеструю канву

На самом интересном месте: сладки
для наших дам любовные загадки.

LXXXIX

А, впрочем, может быть и то: умней
я сделаюсь с годами. Скуки ради
Маратъ стихи в заброшенной тетради –
Занятие, достойное детей...
Забуду я о повести моей
для дел серьезных, – и потонет в Лете
Забелин мой, как, впрочем, всё на свете.

ГЛАВА ВТОРАЯ

I

Как подымает с отмели волна
Дремавший челн, так легкий ямб уносит
Мои мечты, и, вновь пробуждена,
Гармонии душа моя полна,
И сердце рифм и нежной грусти просит.
Ну, что же, с Богом! Вольную ладью
Предав волнам, я счастлив и пою.

II

Пою опять... О, слезы вдохновенья,
Кто вами плакал, кто хоть раз вкусил
От муки творческой, тому нет сил
Молчать, и нет возврата и спасенья:
Он сердце музе строгой посвятил.
Что слава, радости, любовь земная?
Он был подобен Богу, созида!

III

Но я вернусь к Забелину. Исчез
Батумский берег; запах нефти, лес,
Под солнцем в лужах буйволы, дремотой
Объятые, туманный свод небес,
Стоячая вода, тростник, болото,
Имеретины в серых башлыках
И зелень кукурузы на полях.

IV

Сурам. долины, сосны, водопады;
В лицо пахнула свежая струя,
Меж гор цветущих – снежные громады,
И сладостен, как трели соловья,
В тени жасминов звонкий шум ручья.
А там, на скалах, в думы вековые
Погружены развалины седые.

V

Сергей на тройке мчится; вот Боржом;
Как с братом брат, обнялся с Югом нежным
Здесь наш родимый Север, и в одном
Они слились лобзанье безмятежном.
Улыбка Юга – в небе голубом,
А милый Север – в воздухе смолистом,
В бору сосновом, темном и душистом.

VI

Кура гудит, бушует, и волнам
Протяжно вторит эхо по лесам,
И жадно грудь впивает воздух горный,
И стелется роскошно по холмам
Сосна да ель, как будто бархат черный,
Как будто мех пушистый, и на нем
Лишь стройный тополь блещет серебром.

VII

О, если вы из городов бежали,
Чтоб отдохнуть от жизни и людей, –
Туда, под тень дубрав, туда скорей!..
Там шум лесной баюкает печали,
Там можно спать под пологом ветвей,
На свежем мху, на шелковой постели,
Как только спят в родимой колыбели.

VIII

Сергей в Боржоме комнатку нашел,
И зажил он, спокойный и счастливый,

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
Совсем один; приносит чай и пол

Ему метет стариk-грузин плешивый;
Он любит с ним беседовать; на стол,
Меж тем как он, открыв окно, читает,
Акация порой цветы роняет.

IX

Он утром пил две чашки молока
И с грубой палкой местного изделия,
Здоровый, бодрый, уходил в ущелье.
листок, былинка, горная река,
Молчанье скал и шорох ветерка
О смысле жизни говорили проще,
Чем все его философы; и в роще

X

Бродя весь день, он не был одинок:
Как будто друг забытый и старинный,
Что ближе всех друзей, в глуши пустынной
С ним вел беседу, полевой цветок
Он целовал; хотел – и всё не мог,
Когда глядел на небо голубое,
Припомнить то-то милое, родное.

XI

Как рад Забелин, что охоты нет
Читать весь хлам журналов и газет!
Он заходил в курзал патриархальный,
Чтоб освежиться ванной минеральной,
А в три часа садился за обед,
И весело струею кахетинской
Он запивал шашлык да сыр грузинский.

XII

По праздникам устраивался бал
В курзале. Гул Боржомки заглушая,
Оркестр военной музыки играл;
За парой пара, вихрем пролетая,
Кружится в легком вальсе; блещет зал;
И после света кажется темнее

Глубокий мрак каштановой аллеи.

XIII

А на веранде воздух так душист;
Там на скамейке барышне читает
Свои стихи влюбленный гимназист,
И местный дон-Жуан – телеграфист –
С княжной восточной под руку гуляет;
И важно оправляет свой мундир
Для польки батальонный командир.

XIV

Однажды на таком балу, случайно,
Сергей увидел девушку. Она
Была блондинка, высока, стройна...
Предчувствием, почти боязнью тайной
В нем сердце сжалось; грации полна,
Прошла она легко, небросив взгляда;
На освещенных листьях винограда

XV

В саду склоненный профиль чуть белел.
Герой наш отвернулся и хотел
Уйти, – была попытка бесполезна;
Старался не глядеть – и все глядел;
И как порой страшит и манить бездна,
Не взор, не прелесть юного чела, –
К ней сила непонятная влекла.

XVI

В чем женщины таится обаянье,
Того вовек не выразят слова,
Как музыки, как роз благоуханья.
Здесь гордый ум теряет все права:
И жалок тот, и в том душа мертвa,
Кто не сознал пред женщиной любимой,
Как многое в любви непостижимо.

XVII

О, вот один из вечных алтарей,

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
Чей фимиам для нас, как прежде, сладок!

Что груды книг, – вся мудрость наших дней, –
Любовь, любовь, пред тайною твоей,
Пред этой величайшей из загадок!
Пусть рушатся миры, – он не исчез,
Последний бог, последний луч небес!

XVIII

Поэзия любви первоначальной,
Улыбка первая и первый взгляд,
Вы отлетаете, как вздох печальный
Далеких струн, как легкий аромат,
И уж ничем вас не вернут назад:
Так вечером бывает час безмолвный,

Когда земля и небо, тайны полны,

XIX

Чего-то ждут, и вдруг звезда вдали,
Там где-то, в синей бездне, так глубоко,
Что взоры к ней едва достичь могли,
Затеплится... И, чуждая земли,
Она дрожит слезинкой одинокой;
Тебя все звезды ночи никогда
Нам не заменят, первая звезда!

XX

Но наш герой наивно верит власти
Рассудка; он ни разу не любил;
С душою девственной и полной сил,
Считал себя он неспособным к страсти.
Не зная женщин, он о них судил
С холодностью и с видом утомленным;
Ему смешно: как можно быть влюбленным?

XXI

Конечно, от чего не пошутить,
Не поиграть любовью для забавы;
Как знать, начнет интригу, может быть,
Он только для того, чтобы изучить
Провинциальных барышень и нравы.

Но я скажу, не тратя лишних слов,

Он по уши влюбиться был готов,

XXII

И вовсе не на шутку... Слава Богу,

давно пора ленивый мой рассказ

Мне вывести на торную дорогу.

Я с героиней познакомлю вас.

Забелин ей представлен; как не раз

О том мечтал, он принял вид небрежный;

Но взгляд, улыбка, платья шорох нежный –

XXIII

И вздрогнул он, смущением объят,

И оба кинули мгновенный взгляд,

Глубокий, любопытный и бесстрастный,

Как два бойца пред битвою опасной;

И ждут они, и пристально следят...

Так полководцы на полях сраженья

Обдумывают планы нападенья.

XXIV

Поклонников толпой окружена,

Она казалась резвою кокеткой;

Но видел он сквозь смех ее нередко,

Что грустью тайною она полна.

Так в горном озере блестит волна

И отражает солнца луч беспечный,

А там, на дне, – там мрак и холод вечный.

XXV

Как часто в поединок на словах

Они вступали, полные отваги,

И скрещивались в воздухе, как шпаги,

Вопрос с ответом; и порой в очах

Сверкали гнев, победа или страх.

Возбуждены приятно были нервы,

И каждый думал: кто-то сдастся первый?

XXVI

Сарказмами, иронией своей,
Язвит и сердит с вдохновеньем злобным.

Так и в любви томит сердца людей
Желанье власти над себе подобным.
Меж тем как быть счастливым он бы мог,
Из гордости остался одинок.

XXVII

Забелин увлечен игрой бесплодной.
Он очень мало с чувствами знаком,
А между тем исследует умом
Свою любовь с жестокостью холодной,
Как скальпелем пытливый анатом.
Но, к счастью, все сомненья и анализ,
Не разлагая чувства, притуплялись.

XXVIII

Сергей был некрасив, и худ, и мал.
Замечу в скобках: есть обыкновенье,
Чтобы герой поэмы представлял
Иль красоты, иль силы идеал;
Прошу у всех читательниц прощенья
За бедного героя моего,
Но истина дороже мне всего.

XXIX

В его лице был отпечаток серый
Родных небес, – на нем румянца нет;
Но Вера – героиню звали Верой –
Пленял порою мысли чудный свет
В его очах, среди живых бесед.
Дышала в нем та внутренняя сила,
Что больше красоты она ценила.

XXX

Ей нравился его свободный ум,
Непримиримый, дерзкий и печальный.
У них так много было общих дум;
Поклонники, интриги, сплетен шум –

Ей чуждо все в глуши провинциальной.

Так лилия порой грустить одна

Среди болот, чиста и холодна.

XXXI

На тихие боржомские долины

Нисходит южной ночи благодать.

Собрался маленький пикник в теснине

Окрестных гор прохладой подышать.

Сергей увидел Верочкину мать:

Она была вся в трауре, вдовою,

С лицом приятным, доброй и простою.

XXXII

Дремучий лес таинственно молчит,

Идут с водами пыльные обозы,

Ночной росы у неба просят лозы,

Как сердце слез любви, и не блестит

Луна большая, круглая, как щит.

Забелин с Верочкой ушли далеко

К волнами Куры и сели одиноко.

XXXIII

Луна встает – и лик ее бледней,

Бледней и ярче; мир простерт пред ней

Без сил, без воли, страстью побежденный.

Как перед своей царицей – раб влюбленный.

Под властью обаятельных лучей

Все замерло, затихло, покорилось

И томным, мягким светом озарилось.

XXXIV

О, если мир покорен ей, то нам,

Сердцам людей, неведомым цветам,

Как не дрожат от этой чудной власти,

Как не отдаться сладостным лучам,

Как не открыться и не жаждать страсти?

Когда цветы, когда сердца полны, –

Свой аромат пролить они должны.

В тот миг Сергей забыл про осторожность,
Он лгать не мог, опасности был рад,
Любил глубоко, чувствуя ничтожность
Коварных планов, хитростей, засад;
И, сердце обнажив, как друг и брат,
Доспехи сбросив, кинув меч ненужный, –
Перед врагом стоял он безоружный.

XXXVI

Взяв руку Веры трепетной рукой,
Он говорил ей: «Оба мы тоскуем,
О, если бы вы знали, как порой
Я ласки жажду, тихой и простой!
Зачем же лицемерим мы, враждуем?
Простите, я признаний не терплю,
Скажу вам попросту: я вас люблю...»

XXXVII

И, увлечен потоком красноречья,
Он ничего не видит, как поэт,
Не слушает, не ждет противоречья,
Не замечает, что ему в ответ
Она не говорит ни «да», ни «нет».
Он был так полн самим собою в счастье,
Что не подумал об ее участье.

XXXVIII

А ей на жертву весело глядеть,
Как рыбаку на золотую рыбку,
Что блещет, вьется, попадая в сеть.
О, если б только мог он рассмотреть
Румяных губ мгновенную улыбку,
Лукавую, как мягкий свет луны
На влажном лоне трепетной волны!

XXXIX

«Еще одно признание, о Боже!.. –
Так думала, не поднимая глаз,
Кокетка наша. – Все одно и то же...

Как я привыкла к звуку нежных фраз, –
Мне говорили их уж столько раз, –
Те – из любви, другие – по расчету...
Он, кажется, пятнадцатый по счету».

XL

Сергей любил – надолго ль – все равно;
Он говорил так сильно и умно,
Такою музыкой и вдохновеньем
Все было в речи пламенной полно,
Что даже Веру сладостным волненьем
Он заразил; она гордилась им,
А кем гордятся, тот почти любим.

XLI

Но на другое утро он в постели
Припомнил все... И вдруг вскочил Сергей:
«Да я в любви признался... в самом деле...
Вот глупость-то!» В дали грядущих дней
Он прозревал твой факел, Гименей,
Уж перед ним мелькал халат супруга...
И разлюбил он Веру от испуга.

XLII

Так вечером (предупреждаю вас,
для глупостей весьма удобный час)
Отважен ум, душа кипит страстями,
Но глянет утро бледное на нас
Холодными и строгими очами, –
Мы потухаем, мы полны стыдом
Перед его насмешливым судом.

XLIII

В тот вечер на балу она была.
Забелин Веру не узнал сначала:
Как эта ясность милого чела
Нежданной, дерзкой прелестью дышала!
Она ему чужда и весела,
И с видом легкомысленно-беспечным

XLIV

Она задела кружевом его...
Сергей был в бешенстве: «Нет, каково!
Прошла – и хоть бы взором подарила!
Как будто бы меж нами ничего
И не было!» В нем гордость говорила
Сильней любви. Угрюмый на балу,
Нахмурив брови, он сидел в углу.

XLV

«Постой же, – думал, – глупенькой девчонке
я отомщу!» Не прав был наш герой:
В ней резвая веселость, как в ребенке,
Была избытком жизни молодой;
Но он не мог бы, мелочный и злой, –
Так ум его тщеславье ослепило, –
Понять, как это плотское в ней мило.

XLVI

Чтоб слабой воле разумом помочь,
Он рассуждает: «Прочь отсюда, прочь!
Какая пошлость!» Но зачем без муки
Не в силах он припомнить, как в ту ночь
Любил ее? Зачем же о разлуке
Так больно думать? Или с гневом вновь
Воскресла в нем угасшая любовь?

XLVII

Они сидели в парке утром рано.
Он наставленья, важный вид храня,
Читал ей: «Вы не любите меня;
Но я не понимаю цель обмана...
К чему? Ужель кокетство? Здесь ни дня
Я не пробуду; жалкую победу
Оставив вам, я завтра же уеду».

XLVIII

Она в ответ: «Недобрый вы!» В тоске
Поникла головой и замолчала,

Лиши зонтиком чертила на песке.

Слезинка на конце ресниц блистала,

Как дождевая капля на цветке.

«И уезжайте, пусть я, пусть такая,

Кокетка, нехорошая и злая,

XLIX

Одна останусь... что ж, и все равно,

И пусть одна, — мне никого не надо;

Я — лгунья, гадкая — и очень рада!»

И слезы, накипевшие давно,

дрожали в голосе; потрясено

Все существо обидой нестерпимой...

А он... он встал, глухой, неумолимый.

L

«Прощайте». И мертвa и холода,

Непобедимой гордости полна,

С презрительной улыбкой — как ни больно —

Хотела руку протянуть она...

«И вам меня не жалко?» — вдруг невольно

У Веры вырвалось... и он упал

Пред ней и молча, горько зарыдал.

LII

Когда уйти хотел он, полюбила

Она его, быть может, в первый раз.

Так недоступное для женщин мило,

Так сердцу дорого в последний час

Разлуки то, что покидает нас.

Счастливым быть одно страданье учит;

Мы любим тех, кто нас сильнее мучит.

LIII

Он говорил, послушен, робок, тих:

«Я помню, как сердился; вдруг увидел

Я ваши ручки, — гнев в душе затих,

И я почувствовал, что вас обидел,

Что я жесток, когда взглянул на них.

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
Как не любить мне этих ручек бедных,

Почти что детских, тоненых и бледных!..»

LIII

Но Вера не глядела на него,
Стыдливая от счастья своего,
С улыбкой утомленной и спокойной.

Он ей твердил: «Прости мне!» – «Ничего,
Уж я простила...» Тополь нежный, стройный
листвой в лазури утренней звенел,
Как будто песнь любви над ними пел.

LIV

«Вчера, – промолвил он, – как это странно,
Вчера мне горько было не любить,
А между тем не мог я победить
В душе какой-то радости нежданной,
Что нет любви, что стало легче жить,
Что вновь свободен я, как птица в поле...
Я рад был одиночеству и воле.

LV

Себя мы слишком любим; не хотим
Иной любви, боимся, как недуга...
Но если мы тщеславья не смиrim,
Но если только оттолкнем друга друга,
Потом всю жизнь себе мы не простим.
Кто много любит, тот страдает много;
Верь, это крест, нам посланный от Бога».

LVI

Она молчала. Сердце сжалось в ней
Предчувствием неведомых скорбей.
Во взорах – отблеск грусти непонятной;
Меж тем, под лаской утренних лучей
Все так дышало жизнью благодатной,
В лазури тополь листьями звенел,
Как будто песнь любви над ними пел.

LVII

Ночь; спит Боржом; шумит один поток...

Уж утро близко. Открывает взоры
Росой умытая звезда Авроры;
На выси гор потухший месяц лег.
Лишь в комнатке у Веры огонек.
Открыв окно, она прохладой дышит
И в дневнике заветном что-то пишет.

LVIII

«Сергей влюблен; успеху своему
Дивлюсь я, право; неужель такая,
Как я, могла понравиться ему,
Капризная, ленивая, пустая?..
Я даже некрасива; почему
Я нравлюсь людям? Рада этой чести
Я от души, но будь на их я месте...

LIX

Ужель к любви я окажусь способной?
Едва ли, — слишком я люблю себя, —
О, как люблю! Все лучшее губя
В душе, люблю себя насильно, злобно,
И как стыжусь, как мучаюсь, любя...
Но чем ему я нравлюсь? Вот загадка.
А все-таки любимой быть так сладко...

LX

Чтоб сразу был развенчан мой герой
(я часто наблюдала), мне порой
Довольно слова, черточки ничтожной,
Во вкусах, в мненьях мелочи пустой,
Иль даже в разговоре нотки ложной;
Стыдишься вдруг того, кем был так горд;
Фальшивый тон — разрушен весь аккорд.

LXI

Когда он мне понравился, — я знала,
Что это очень важно, не умом,
А сердцем, — долго с жадностью искала
Я этой черточки фальшивой в нем:

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
В манерах, в мыслях, в голосе – во всем,

Искала так внимательно, злорадно –
И не нашла... и было мне досадно...

LXII

Люблю ли я его? И нет, и да...
Как человека – только иногда,
По вечерам, когда любовь сильнее
И как-то ярче... Утром же всегда
Мечты спокойней, сердце холоднее;
Тогда не человека, не всего, –
Люблю в нем только сердце, ум его.

LXIII

Он не простой; он чувствует так сложно,
Что я порой совсем теряю нить;
Он ищет, роется в душе тревожно,
Он не умеет попросту любить;
Рассудок может чувство в нем убить.
И это страшно мне, и я тоскую,
Его любовь к его уму ревную».

LXIV

Она закрыла тихо свой дневник.
Уж холод утра в комнату проник,
Звезда Авроры дивными огнями
Переливалась ярче над горами;
Ответила природа в этот миг
На первый луч денница безмятежной,
Как сонное дитя, улыбкой нежной.

LXV

Почти два месяца прошло с тех пор.
У них любовь – все тот же вечный спор
За первенство; поутру – охлажденье
И слезы горькие мгновенныхссор,
А вечером – восторги примиренья...
Счастливцы, не заметили они,
Как эти светлые промчались дни.

LXVI

Сбирался теплый дождь; в лесу молчанье;
Вечерний отблеск солнца в тучах гас;
Поцеловал он Веру в первый раз...
«И только-то?..» — шепнуло им сознанье...
Так много обещал им этот час,
Что каждый, грустью странною волнуем,
Разочарован первым поцелуем.

LXVII

Вдруг хлынул дождь из набежавших туч,
Но не померк вечерний солнца луч, —
Он полон к миру тихого участья,
И брызнул ливень, светел и певуч,
Как будто все заплакало от счастья.
Смешалось солнце с влагой нежных струй,
Как с теплыми слезами поцелуй.

LXVIII

Потом, когда они припоминали
Тот поцелуй чрез много-много дней,
Исполненный таинственной печали,
Он был для них чем дальше, тем милей, —
Им чудился и аромат полей,
И крыши дач Боржома дорогого,
И шум веселый ливня золотого.

LXIX

Однажды полдень пламенем дышал;
Лесной пожар волнующимся дымом
Вдали холмы и села облекал;
Там, над Курой, в обломках желтых скал
Все онемело в зное нестерпимом;
Лишь ящерица быстрая порой,
Как изумруд, блеснет в траве сухой.

LXX

Зато свежо — под влажной тенью парка,
Где пенится зеленая волна
Боржомки горной, вечно холодна.

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
Сергей, когда бывало слишком жарко,

Спускался к ней; здесь мрак и тишина,
И в чудный свод, таинственно шумящий,
Сплелись чинары, дуб и клен дрожащий.

LXXI

К потоку с нежною мольбой они
Протягивают ветви, словно руки,
И говорят: «Помедли, отдохни, –
У нас так хорошо; к чему же муки,
К чему борьба? Пора уснуть в тени.
Куда ты рвешься, плача и тоскуя?..»

А он в ответ гремит им, негодуя:

LXXII

«Из недр Кавказа, страшен и суров,
Я вырвался; внимая реву бури,
Я созерцал рождение громов,
И мне ль плениться запахом цветов,
И мирным сном, и прелестью лазури!
О, нет! Скорей на волю! Жизнь мою
Лишь с океаном вечным я солью!»

LXXIII

Сергей глядел, счастливый и безмолвный,
На Божий мир, и в первый раз он жил,
Не думая, – как лес живет и волны;
Он никогда так просто не любил,
Без гордости; непримиримых сил
Затихла в нем мучительная битва;
Теперь любовь спокойна, как молитва.

LXXIV

С дороги не видать Сергея; свет
Чуть проникал сквозь чащу; конский топот –
Два всадника... то Вера, с ней кадет,
Красавец; но... не может быть, – о, нет, –
Ему почудилось – влюбленный шепот...
Он руки жмет, целует, и она...
Она смеется, радости полна.

LXXXV

Она смеется... Смех знакомый, милый!
Он столько раз внимал ему в тиши...
Так это было все игра, — души
В ней нет!.. И вот на что он тратил силы!
Как счастливы они, как хороши!
Помчались вихрем; он высок и строен,
В сознании победы так спокоен.

LXXXVI

«Да полно, любит ли она? — шептал
Какой-то голос: любит, да, он молод,
Красив, а я смешон, и худ, и мал...»
Он вздрогнул, — пробежал по сердцу холод...
«Все кончено!» На землю он упал
С потухшими и мертвыми очами,
Без слез, немой, закрыв лицо руками.

LXXXVII

Когда б он знал, что, под улыбкой скрыв
К нему глубокой нежности порыв,
Как никогда, его любила Вера;
Лишь им полна, лишь им одним, забыв
Про все, не слыша глупой речи кавалера,
Она смеялась; счастлив был тот смех;
Он говорил: «Сергей мой лучше всех!»

LXXXVIII

Когда б он знал, как ночью, в ожиданье
Зари желанной, Вера не могла
Сомкнуть очей, как утром на свиданье
Она с тревогой радостною шла,
И как его любила, как ждала
Шагов, знакомой серой шляпы, встречи,
Улыбки, ласк и тихой милой речи!

LXXIX

Шел ночью дождь, разросся мутный вал
Боржомки бешеной, и с громом мчал

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
Он трупы сосен, вырванных с корнями,

И теплый ветер сыростью дышал;
Струился пар над влажными лесами,
На солнце каждый лист блестел, дрожа;
Лазурь была туманна и свежа.

LXXX

Вот подошел Сергей; спокойно, гордо
И вежливо ей руку протянул;
«На этот раз мое решенье твердо –
Я уезжаю вечером». Взглянул –
И вдруг лицо в смущеньи отвернуло:
С такой наивной, робкою мольбою
Она глядела: «Милый, что с тобою?»

LXXXI

– «К чему притворство, Вера?.. Я вчера
Узнал, что вы не любите, забавой
Была любовь... Наскучила игра...
Ну, что ж, нам разойтись давно пора.
Расстанемся без объяснений; право,
Так будет лучше». Молча, побледнев,
Она встает... И в нем проснулся гнев.

LXXXII

И, опьяненный сладким чувством мести,
Он ничего не помнил, говорил
Наперекор достоинству и чести,
Остановиться не имея сил, –
Разрушил все, что прежде так любил,
Несправедливо, грубо и без цели;
И очи злобным торжеством горели,

LXXXIII

Она спокойна; сомкнуты уста
Печально, строго. Ни одна черта
Не дрогнула в лице ее бесстрастном:
То мертвая, немая красота.
Когда ж Сергей пред этим взглядом ясным
И пред величием бледного чела

Умолк, – она в ответ произнесла:

LXXXIV

«Нам вместе жить нельзя, я это вижу.

Во мне вы ошибаетесь; но я

Любви до оправданий не унижу;

Скажу вам просто, сердца не тая,

Но и без клятв: чиста любовь моя.

Хотите верить – верьте; не хотите –

Удерживать не буду, – уходите.

LXXXV

Чего вам надо? – Власти надо мной?

В душе вы – деспот; но любви такой

Я не хочу, – неволя хуже смерти;

О, нет, из сердца вырву страсть, поверьте,

Но никогда не сделаюсь рабой.

Простимся». И не прежней робкой девой,

Она ушла надменной королевой.

LXXXVI

Сергей на вечер тройку заказал.

«Тем лучше, я свободен...» – он шептал,

Укладывая вещи, и руками

Дрожащими из шкафа вынимал

Белье, и пледы связывал ремнями.

А в комнате так пусто и темно,

Сверчок поет, и дождь стучит в окно.

LXXXVII

Слуга пришел с вечерним самоваром;

Сергей дал два рубля ему на чай;

И тот в восторге, с трогательным жаром,

Благодарил и кланялся: «Прощай,

Хороший, добрый барин! Приезжай

Опять в Боржом». Свеча во мгле мерцала

И одиночество напоминала.

LXXXVIII

Вдруг сделалось себя ему так жаль;

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
и безнадежно была печаль,

Как дождь ночной, унылый, однозвучный;
Казалась жизни сумрачная даль
Пустынею холодной, мертвой, скучной.

Он снова брошен всеми, одинок...
На старенький дорожный сундучок

LXXXIX

Он сел... Хотелось умереть Сергею...
Сверчок умолк, и самовар потух...
Чуть слышалось жужжанье сонных мух...
И он подумал вдруг: «А что-то с нею?»
От этой мысли захватило дух,
И сердце сжалось: вновь оно любило,
С тоской отчаянья, с безумной силой!

XC

Вдруг в двери легкий стук... Он отворил...
«Как, Вера... вы?» – пред ней он отступил.
Она под черной, длинною вуалью,
Вся бледная, дрожала; взор молил
О чем-то с тихой, робкою печалью.
«Прости, Сережа, мне, – я не могла...
Уж не сердись, мой милый, что пришла...»

XCI

убитый, жалкий, ноги обнимая,
Края одежды, мокрой от дождя,
Он целовал и повторял, рыдая:
«Ты ль это, Вера?.. Недостоин я
Тебя, родная, деточка моя...»
И с беспредельным, жгучим состраданьем
Он грел ей руки влажные дыханьем.

XCII

Покорно, ослабев, все существо
В ней отдавалось нежности его
С доверием, как материнской ласке.
Она в тот миг, не помня ничего,
В изнеможенье, закрывая глазки,

Склонив головку бедную свою,
Шептала: «Господи, как я люблю!»

XCIII

Я слабая и жалкая, ты видишь,
Уж я тебе всем сердцем отдаюсь;
Ты можешь зло мне сделать, – не боюсь;
Ведь деточку свою ты не обидишь...
Люблю – и не скрываю, не борюсь...
А знаешь, шла я по лесной дорожке, –
Там сырьо, страшно!..» – «Бедненькие ножки!..

XCIV

Совсем холодные!» – Ее жалел
Он как дитя больное, со слезами
Лаская, ножки маленькие грел,
Как птенчиков озябнувших, руками
И поцелуями... Но мрак густел.
«Пора!» – он встал, и с грустью молчаливой
Они простились... Он уснул счастливый.

XCV

.....
ХCVI
Кончался август; с ласкою печальной
Глядело солнце; мягок и душист
В тени лесных тропинок желтый лист;
А небосвод, глубокий и хрустальный,
Прозрачен, звонок, холоден и чист,
И с утренней росой на георгины
Ложатся нити тонкой паутины.

XCVII

Как веянье отрадной тишины,
Предсмертный сон объемлет мир неслышно,
Но грезы смерти негою полны,
Как счастья и любви живые сны.
Вознесся лес таинственно и пышно,
Как золотой, великолепный храм,

ХCVIII

Трепещущий, с улыбкою покорной,
Он, как жених – невесты, смерти ждет;
Она к нему, желанная, придет
Прекрасней жизни, с лаской благотворной...
Зачем, о смерть, твой радостный приход
В природе мы одни лишь, дети праха,
Клянем, полны отчаянья и страха?..

ХСIX

Сергей испуган жизнью и смущен;
Счастливым дням не доверяет он:
Так узник бедный, к воздуху темницы
Давно привыкший, солнцем ослеплен
И, отвращая взоры от денница,
Он все грустит в дубровах и степях
О сумраке тюремном и цепях.

С

Ужель опять Забелин мой тоскует?
Ужель к нему вернулся прежний сплин?
Он говорит: «Люблю», ее целует –
И думает: «Я – муж, я – семьянин,
Уж никогда не буду я один,
И днем, и ночью – всюду, вечно с нею...»
От этой мысли холодно Сергею.

СІ

Наедине он рассуждает так:
«Легко сказать – жениться!.. Это шаг
Непоправимый; разбирая строго,
Обуза тяжкая – законный брак;
И, право, в одиночестве так много
Поэзии...» Горюет всей душой
Сергей о жизни вольной, холостой.

СІІ

Герой наш, полон робости нежданной,
Остановился вдруг на полпути.

Чтоб жизнь начать, не может он найти
Решиности: как пред холодной ванной,
Дрожит, не знает, как в нее войти –
Нелепое, смешное положенье!
А силы нет, чтоб победить сомненье.

CIII

Опять сомненье! Бедный мой Сергей!
Уж он предвидит скуку и заботы,
И петербургских пятых этажей
Квартирки плохонькие, визг детей,
Кухарок, нянюшек, портнихи счеты
И запах от пеленок; дрязги, чад
Котлет из кухни и семейный ад.

CIV

«Но это вздор, ведь я люблю, мне честность,
Мне долг прямой велит любить...» И вдруг
Всю душу охватил ему испуг.
«А если...» – он не кончил; неизвестность
Его страшила; он искал вокруг
Поддержки иль опоры; ум слабеет
От ужаса в нем сердце леденеет.

CV

О, Боже мой, как тяжко сознавать,
Что все в любви зависит от мгновенья!
То любит, то не любит он опять.
И невозможно чувству приказать:
Оно – порыв, каприз воображенья,
Он не владеет им... Меж тем, грозя,
Пугает мысль, что не любить – нельзя.

CVI

Но что же делать? Страсть из чувства долга,
Как скучная обязанность, гнетет;
Возможное нам мило ненадолго,
Преступное нас манит и влечет.
Зачем так сладок нам запретный плод?

И как заставить полюбить насильно?

CVII

«Я разлюбил!..» – однажды этот крик
Из сердца вырвался в безмолвье ночи.
Он пристально заглядывал в тайник
души своей, до дна в него проник,
Смотрел, искал, прислушивался, очи
Вперив во тьму... и в сердце находил
лишь мрак и пустоту, – он разлюбил!

CVIII

А между тем она так свято верит;
Он победил, окончена борьба,
Она теперь покорна и слаба,
Не взвешивает чувств своих, не мерит;
Его мгновенных прихотей раба –
Идет на жертвы, горе и страданье
Безропотно, как агнец на закланье.

CIX

Увы! Для бедной девушки порой
так ясно, что ее покорность губит,
Что надо быть кокеткой, гордой, злой, –
Но силы нет, и с детской простотой
Она открыто, беззаветно любит;
И тем неумолимее Сергей,
Сознав вину, срывает гнев на ней.

CX

Послушная, она не возражает,
Не жалуется, – он бы и не мог
Ее понять, – тихонько вытирает
Глаза, в дрожащих ручках свой платок
Свернув, как дети, в маленький комок,
И слушает, и горько-горько плачет:
«Ну что же, Бог с ним, ничего не значит.

CXI

Пусть он не прав, я все перенесу...»

Сергей, смотревший с нежностью глубокой
на бледный, лик, на светлую косу,
на милую, печальную красу,
Теперь глядит так злобно и жестоко,
Как за слезою катится слеза,
И красные, опухшие глаза

CXII

Ему не нравятся. Уж в сердце глох
Вражда заговорила, – скука, лень
И отвращенье: так в осенний день
Бывает пыльно, ветreno и сухо;
И хоть бы капля чувства, хоть бы тень...
В душе он ищет жалости напрасно:
В ней все так жестко, холодно и ясно.

CXIII

«Ты разлюбил меня, Сережа?» – раз
Бедняжка молвит; ждет она лишь слова,
Одной улыбки, взора милых глаз,
Чтоб верить вновь и все простить тотчас,
Ему на шею броситься готова...
Сергей со злобой начал говорить,
Что он ее не в праве разлюбить.

CXIV

И как могло сомненье в ней явиться?
Ведь, кажется, вопрос решен; она
Уверенно быть вполне должна,
Что не раздумал он на ней жениться...
И Вера слушает, как смерть, бледна,
И только очи широко открыты,
Какой-то мертвый дымкою покрыты;

CXV

Их взор безжизнен, сух и воспален,
В Забелине кипело чувство злое;
«Как этот взгляд, – с досадой думал он, –
Невыразителен и неумен;

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
В нем что-то глупое, совсем тупое...»

Поняв, что уж ничем нельзя помочь,

Ему писала Вера в ту же ночь:

CXVI

«Я разлюбила вас, и не желаю
Притворствовать. Запомните, Сергей,
Хотя могли вы быть ко мне добрей,
Я вас ни в чем, ни в чем не обвиняю
И лишь прошу уехать поскорей.
Ведь искренность для нас всего дороже,
А вы не любите меня, – я тоже.

CXVII

Молю тебя, мой милый, уезжай,
я требую, ни дня не медли дольше;
Но, возвратясь в родной, далекий край,
Хоть изредка про Веру вспоминай.
я буду за тебя молиться... Больше
Не встретимся мы на земном пути;
да сохранит тебя Господь, – прости!»

CXVIII

Как плакал он, письмо ее читая,
От жалости не к Vere, а к себе...
достиг он цели, победил в борьбе
И утолил тщеславие. Пустая,
Ничтожная победа, что в тебе?..
Бесцельное совершил он преступление,
Навеки стыд в душе и угрызенье.

CXIX

Сумел любовь рассудком он убить.
Что пользы в том? Увы, за свежесть чувства,
За каплю нежности, за дар любить,
Как любят дети, просто, без искусства,
За тот порыв, дающий силу жить, –
Он отдал бы, раскаяньем томимый,
Свой гордый ум, – свой ум непобедимый.

CXX

Он молод, впереди вся жизнь, в нем кровь
Кипит, а уж в сознанье холод вечный...
«Нет, мысль – не все, есть вера, есть любовь;
Но где же взять их, как вернуться вновь
К любви без дум и к простоте сердечной?» –
Так размышлял он, в экипаж садясь.
«Ну, с Богом, в путь!» – и тройка понеслась.

CXXI

Холодный ветер; пыль встает клубами,
Вдоль по пути летят, за роем рой,
Сухие листья осени глухой...
Река бушует темными волнами,
А нежный тополь, что шумел весной
В лазури утренней и пел про счастье,
Теперь дрожит под холодом ненастья.

CXXII

Там, над дорогой, меж густых ветвей,
Стояла Вера. Все затихло в ней,
Как будто не сама она страдала,
А лишь рассказ давно минувших дней
В какой-то книге про себя читала,
Как будто только сон ей снился... Вдруг
Раздался колокольчик... Слабый звук

CXXIII

Все ближе, ближе... Он! «Сережа, милый!..»
Не слышит... тройка мчится, замер крик...
В ней сердце, мысли, очи, бледный лик,
Все существо с неудержимой силой
Туда, за ним, стремилось в этот миг:
Так стебли трав в воде дрожат порою,
Стремясь за убегающей волною.

CXXIV

Как листьев легкий шум, ее слова
Унес холодный ветер в даль, и голос
Затих, на грудь поникла голова;

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
Как скошенный на ниве бедный колос,

Без слез, без жалобы, почти мертвa,
Она упала... И ему так больно,
Так страшно сделалось, что к ней невольно

CXXV

Он обернулся; но вперед, вперед
Рванули кони и стрелой умчали...
Возврата нет! увы судьба не ждет,
И в даль она, как тройка, унесет
От всех, кого любили мы и знали;
Они с мольбой взывают нам вослед:
«Вернись, помедли!» – но возврата нет.

CXXV

Они к нам простирают руки, тщетно!
Мы далеко: «Прости!»... последний взгляд
С отчаяньем кидаем мы назад...
Наш крик замрет в пустыне безответной;
Взвосятся кони и летят, летят,
Чем дальше, тем скорей, неутомимо, –
Мечты, друзья, любовь – все МИМО, МИМО!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

I

«Beati possidentes», [10] – вот что важно:
Блаженны те, чей кошелек набит
Кредитными рублями! Пусть отважно
Их мысль в надзвездной области парит:
Пробудит вдохновенье аппетит
Для ужина. Но с пустотой желудка
Лирический восторг – плохая шутка!

II

На крыльях грез в какой-то чудный край
Летишь, бывало. Вдруг жена подходит:
«Прекрасно, милый друг, – пиши, мечтай!..
Вот до чего поэзия доводит, –
Сегодня нет обеда! Так и знай»...
Она права, скажу я между нами:

Не будешь сыт красивыми стихами.

III

Роптать и мне случается порой:
Зачем я не сапожник, не портной?
В хорошем сюртуке или ботинках
Есть польза несомненная: простой,
Понятный смысл, – а в звездах и в росинках,
И словьях – какой в них толк – для тех,
В ком вдохновенье возбуждает смех?

IV

Забавный титул юного поэта
Мне надоел. Что может быть скучней,
Как вечно у редакторских дверей
Стоять с портфелем? Слушаясь совета
Серьезных и практических людей,
Забуду с музой ветреную дружбу,
Остепенюсь и поступлю на службу.

V

Когда пустое место наполнять
Типографу приходится в журнале,
Поэту позволяют выражать
Свои восторги, думы и печали
Стихотвореньем строчек в двадцать пять, –
Никак не более. Вошло в привычку
У нас стихи печатать «на затычку», –

VI

Как говорил покойный Салтыков...
И, может быть, испуганный читатель,
Взглянув на ряд моих несчетных строф,
Воскликнет: «да хранит меня Создатель
Читать роман в две тысячи стихов!»
Он прав. Мне эта мысль тревожит совесть...
Но делать нечего, – окончу повесть.

VII

Сергей вернулся в Петербург: дома

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
В тумане желтом, дождь, гнилая осень,

Октябрьских полдней серенькая тьма...

Ему здесь душно: давят, как тюрьма,

Глухие стены. Запах южных сосен,

Лазурь небес припоминает он

На грязных, темных улицах, как сон.

VIII

Кругом все то же... дни его так пусты...

Знакомый красный дом, городовой,

И вывеска над лавкой мелочной

С изображеньем хлеба и капусты...

Узор на ширмах, запах комнат, бой

Часов в столовой, тишина, и снова -

Весь ужас одиночества былого.

IX

«Опять – унылый, бесконечный день!..»

Проснувшись утром, глаз не открывая,

Он думал. Скучно. Одеваться лень.

Часы обеда, ужина и чая –

Вот все событья. Он читает. Тень

Все гуще – сумерки; и в эту пору

Приносят лампу и спускают штору.

X

Ну, слава Богу, ночь уж близко! Цель

Его желаний – броситься в постель,

Скорей задуть свечу... дула устала...

Он с отвращеньем думал: «Неужель

И завтра то же, и опять сначала –

Вставанье, кофе, чтенье и опять, –

Обряд постылый жизни исполнять!..»

XI

Забелин к доктору зашел от скуки.

Тот взвешивал его: «Помог Кавказ!

Прибавилось полпуда. В добрый час!..

Что значит климат! – потирая руки,

Смеялся немец. – Поздравляю вас:

Теперь сто лет вам жить!» – и с жалкой, бедной
Улыбкою внимал Сережа бедный.

XII

«В труде – спасенье! – просветлев на миг,
Он раз подумал. – Буду на магистра
Держать экзамен!» – и за груды книг
Принялся лихорадочно и быстро.
Сидел две ночи, но едва проник
Он в смысл одной главы: душа тревожна.
Он чувствует – работа невозможна.

XIII

Однажды шел по улице Сергей.
Сквозь талый снег был слышен визг саней
На мостовой, и скользкие панели
Сияли в мутном свете фонарей;
Из водосточных труб ручьи шумели,
И пьяный пел у двери кабака,
И тихо падал мокрый снег... Тоска!

XIV

Сереже снилась комната; он весел,
Работает. Уютно и тепло.
И кроткое, любимое чело
На темном бархате глубоких кресел
Под лампой так нежно и светло...
И шьет она, – чуть слышен безмятежный,
Приятный звук иглы ее прилежной...

XV

Он все отверг. От счастья сам ушел.
Простая жизнь казалась пошлой долей.
Он гордую свободу предпочел,
И, одинок, самолюбив и зол,
Остался он с своей постылой волей.
Но что в ней? В сердце – холод смерти. Свет
Любви погас, и в жизни смысла нет.

XVI

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
Был вечер. Полон грустными мечтами,

За книгой у камина он сидел,
Вдруг дверь открылась: Климов! Он влетел,
Обняв его, холодными усами
К щеке прижался, хохотал, шумел.
«Ну, как живется, милый мой философ?»
И предлагал он тысячи вопросов.

XVII

«Да ты не знаешь горя моего:
Из школы выгнали. За что, – спроси-ка!
За вредные идеи!.. Каково?
Уж кажется старался никого
Не обижать... Все это глупо, дико...
.....
.....

XVIII, XIX

Голубчик, жаль, до слез мне жаль ребят:
Ведь дело-то пошло у нас на лад!..
Работа славная! Но нет нам ходу,
Пока в деревне кулаки царят.
Со всей любовью искренней к народу,
С образованьем, с жаждою труда
Кому теперь я нужен? Ну, куда,

XX

Скажи, куда прикажешь деться?..» Много,
Он в этом духе говорил. Потом
Расспрашивал Сережу обо всем
С участьем, с нежной, дружеской тревогой.
Тот рассказал, как ездил он в Боржом.
Он, впрочем, говорил довольно мало,
С улыбкою небрежной и усталой.

XXI

«Признайся-ка, Сережа, ты влюблён?..» –
«Помилуй, что за вздор!..» – и с лицемерной
Беспечностью он отрицал. – «Смущен...
Ага, краснеешь, – значит, это верно!..

Уж вижу по глазам...» – Был удивлен
Сергей. Один оставшись: «Неужели, –
Он думал, – Климов прав?.. Так, – в самом деле! –

XXII

И сердце в нем забилось. – Боже мой,
Зачем, зачем, все эти муки, бремя
Тоски и лжи?.. что сделал я с собой?..
Ах, Вера!..» – Слезы хлынули волной,
Душа смягчилась. «да, люблю, все время
Любил родную, бедную мою,
И как я думать мог, что не люблю!..»

XXIII

Увы! любовь сомнение затмило.
Так в комнате луна царить в ночи;
Внесут огонь, и месяц от свечи
Померкнет вдруг; уносят – с прежней силой
Сияют вновь стыдливые лучи:
В нас ложный свет рассудка чувство губит;
Любовь, как месяц, тихий сумрак любит.

XXIV

Он Вере написал. Теперь тоска
Ему почти отрадна и легка, –
Надеждой робкою она согрета.
И пишет вновь дрожащая рука
Слова любви; он молит, ждет ответа,
двух строк, хотя б упрека, и не лень
Ему на почту бегать каждый день.

XXV

Закрыв глаза, он шорох платья слышит
И милый, нежный голос. Чуть звонок,
В прихожую летит он на порог:
«Не почтальон ли?» Пятый раз ей пишет, –
Ответа нет. Он больше ждать не мог...
В душе росло безумное волненье –
То детский страх, то радость, то мученье.

XXVI

Он старое письмо хранил. В тоске –
То был последний луч его надежды.
В записке Веры, в желтом лоскутке,
Как в бедном увядающем цветке,
Был слабый аромат ее одежды,
Ее духов; и весь он трепетал,
Когда тот запах с жадностью вдыхал.

XXVII

Ответа нет как нет. Ужель не будет?
Ужель захочет Вера отомстить
И оттолкнет его? Ужель забудет?
Забыть нельзя... А он... ведь мог забыть!..
О, только бы позволила любить
Безмолвно, трепетно. Во мраке ночи
Он видит чьи-то горестные очи,

XXVIII

И все над ним летают в тишине
Какие-то мучительные звуки:
«Сережа, я больна... скорей ко мне!..»
Она зовет, протягивает руки, –
Он это знает, чувствует во сне...
В слезах проснется, смотрит: тьма ночная.
И он один, и мучит мысль иная:

XXIX

«Что, если Вера вовсе не больна,
И даже весела, и все забыла?
Приеду я некстати, и она
Промолвит мне, досадою полна:
„Ведь я писала вам, что разлюбила!..“»

От этих дум сошел бы он с ума,
Когда б, бедняга, наконец письма

XXX

Не получил. Писала мать из Крыма:
Опасно Верочка больна. Врачей
Пугает грусть ее. Необъяснима

Болезнь; и мать просила, чтоб Сергей
Приехал к ним, хоть на немного дней.

Он понял все: от горя умирая,
Она рвала все письма, не читая –

XXXI

Из гордости!.. И вот три дня подряд
Сергей на поезде курьерском скачет.
И по ночам, когда в вагон спать,
Он, на диване прикорнув, объят
Безвыходной тоской, тихонько плачет.

Очнувшись вдруг в возке на лошадях,
В унылых севастопольских степях,

XXXII

Он видит: мечется седая выюга.
Но только что через горный перевал
Байдарские ворота миновал, –
Пахнуло теплое дыханье юга;
В воротах снежный прах еще летал,
А там, у моря, солнце уж пригрело
Подснежник трепетный с головкой белой.

XXXIII

Весна! И он взглянул с обрыва вниз:
Там лавр, олива, стройный кипарис,
И тихо плещет море голубое,
И под январским солнцем вознеслись
Дворцы Алупки в сладостном покое,
Внимая вечно ропящим волнам,
И наш герой подумал: «Вера там!»

XXXIV

Над морем, в темной роще – домик белый...
Он – на крыльце. Еще в последний раз
Помедлил: «Неужель теперь, тотчас?..»
И сердце сжалось. В дверь рукой несмелой
Стучит; вошел, не поднимая глаз...
В прихожей – мать. Пред ней, как виноватый,

XXXV

Потом он только помнит чей-то лик
В подушке... свет сквозь спущенные шторы,
Лекарства душный запах... слабый крик:
«Сережа!..» – счастьем вспыхнувшие взоры...

«Она!..» – узнал он, бросился, приник...
«Голубчик!..» – голову ему руками

обняв, как мать, прижавшись к ней губами,

XXXVI

Шептала Вера: «О, побудь со мною
Вот так, еще минутку, бедный мой,
Хороший мальчик!..» – и его жалела, –
Простила все и волосы рукой
Тихонько гладила... но ослабела,
Сомкнулись очи, замерли слова,
Упала на подушки голова.

XXXVII

В ее чертах искал он Веры прежней...
Все, все, что было с ней, он понял вдруг,
Прочел всю повесть гордых, тайных мук...
Чем дольше смотрит он, тем безнадежней
Его тоска. Из жалких, слабых рук
Она его руки не выпускала:
«Теперь мне так легко, легко!.. Я знала,

XXXVIII

Что ты придешь когда-нибудь ко мне...
Все время я томилась одиноко,
Как будто в темной, страшной глубине,
Где холодно и душно, как на дне
Пруда... а ты был там, где солнце... так далеко;
Но первый луч мне в сердце горячо
Проник, и хочется еще, еще...

XXXIX

О, разве мог покинуть ты родную?!

Ты – мой. Одна я в жизни у тебя,

Не выдумаешь деточку другую,
Как ни старайся!.. Прежде для себя
Любило сердце, мучилось, любя;
Теперь ты мне, как я сама, – и сила
Любви навеки гордость победила...»

XL

Они твердят: «Люблю», душой, умом
Все глубже, глубже входят в это слово,
Уж больше, кажется, нельзя, – потом
Нежданный смысл в нем открывают снова,
Опять «люблю», хотят исчезнуть в нем,
И чувству нет границ, и манят бездной
Слова любви, как тайны ночи звездной.

XLI

А дни проходят. Миндали в садах
Покрылись цветом розовым. В горах
Растаял снег. Больная солнцу рада.
Надежда робко светится в очах:
Так вспыхивает бледная лампада
Пред тем, чтобы потухнут в вечной мгле.
Зазеленели травы на яйле,

XLII

Дымились тучи на скалах Ай-Петри.
В сырому овраге желтый анемон
Уж распустился, воздух напоен
Весной, и запах моря – в теплом ветре.
Перенесли больную на балкон.
Она за белым парусом следила
Вдали... Потом, вздохнув, чело склонила:

XLIII

«Как хочется мне жить!..» Сергей цветов
Принес, и Вера с жадностью дышала
Благоуханьем свежих лепестков
И прятала лицо в них, и шептала:
«Как хорошо!..» Он плакать был готов:

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
Бескровный лик ее так худ и жалок

Среди росой обрызганных фиалок.

XLIV

Однажды у окна они вдвоем
Сидели в тихий вечер. Огоньком
Дрожал маяк на темном Ай-Тодоре,
И в лунном свете, мягким, золотом,
Едва дышало трепетное море,
И лишь одна горела над землей
Звезда, непобежденная луной.

XLV

Он ей шептал: «Нам больше слов не надо.
То вечное, что светится в лучах
далеких звезд – и у тебя в очах
Горит и веет в душу мне отрадой,
Блаженства нет вне нас, оно – в сердцах,
Нельзя достичь его, понять лишь можно, –
Все остальное призрачно и ложно.

XLVI

Бывало, в детстве молишься порой,
И вдруг, о чем молился, позабудешь,
Лишь чувствуешь младенческой душой,
Что близко Бог, что Боженька с тобой,
Вот тут, сейчас, и если добрым будешь,
Он не уйдет: так и теперь – в моей
Душе покой и счастье детских дней»...

XLVII

Они умолкли. Тишина царила.
И только сердце билось; и за них,
О чём они молчали, говорила
Природа вечным шумом волн морских,
Мерцаньем звезд... И Божий мир затих,
Чтобы внимать, как там в ночном просторе,
Про их любовь немолчно пело море.

XLVIII

«Прошу тебя, Сережа, об одном, –

Однажды, подозвав его с улыбкой,
Она сказала, – помни, я во всем
Сама виновна. Не считай ошибкой
Того, что было, и себя ни в чем
Не обвиняй: я писем не читала, –
Из гордости любовь я заглушала.

XLIX

Во мне самой – причина мук и зла,
Твоя любовь лишь счастье мне дала;
Я снова бы как прежде полюбила,
И если б прошлое вернуть могла,
Я ничего бы в нем не изменила.
О, что бы ни случилось, знай, Сергей,
Что нет раскаянья в душе моей!..

L

Я испытала радостей так много,
И каждый взор твой в прошлом сердцу мил;
Я не хотела б, чтоб меня любил
Ты по-другому, – нет!.. Прошу у Бога,
Чтоб Он тебя за все вознаградил, –
За все, что ты мне дал, – и вечно, всюду
Твою любовь благословлять я буду!»

LI

Увы! то был последний разговор,
И ей все хуже делалось с тех пор.
Предчувствуя, что уж близка могила,
Вперив на друга долгий, долгий взор,
Больная ничего не говорила,
Как будто с ним прощалась, и порой
Качал в тревоге доктор головой.

LII

Меж тем вставало в памяти Сергея
Все прошлое; он позабыть не мог,
Как был тщеславен, мелочен, жесток,
Как сам разрушил счастье, не жалея.

И смех ее, и блещущие глазки,
И нежность первой, трогательной ласки,

LIII

Боржомский парк, любимую скамью,
В сосновой роще милую тропинку...
давно, давно... то было, как в раю!..
Чтоб искупить одну ее слезинку,
Чтоб видеть Веру прежнюю свою,
Он отдал бы всю жизнь. Но нет возврата!..
И вечной тьмой душа его объята.

LIV

Он раз проснулся ночью. Отчего –
И сам не знал; как будто до него
Коснулось что-то. В комнате соседней
Все замерло... Не слышно ничего...
Но сердцем понял он, что час последний
Был близок... К Вере бросился: она
Лежала неподвижна и бледна.

LV

Он увидал, что больше нет надежды.
Чуть слышался дыханья слабый звук,
И тихо, тихо приподнялись вежды;
В очах – не смутный бред, не ужас мук, –
В них мысль, почти сознательный испуг...
Тихонько мать заплакала... сиделка
Перекрестилась... Часовая стрелка

LVI

Показывала три... и за стеной
Сверчок был слышен в тишине ночной.
Вдруг Вера прошептала: «Там... смотрите!
Вот там... все ближе, ближе... Боже мой!..
Ко мне, Сережа, мама... защитите!..»
И, задыхаясь, думает Сергей
И просит Бога: «Только б поскорей!»

LVII

Он на колени стал, изнемогая.
Мать подошла, и, полная тоской,
Вся бледная, но тихая, простая,
Она его жалеет: «Бедный мой
Сережа!» – гладит волосы рукой
И плачет с ним, и он, внимая звуку
Простых речей, целует эту руку.

LVIII

К рассвету Вере стало легче. Страх
Совсем исчез. Но не было в чертах
Уж ничего земного: в них другое –
Великое, спокойное, чужое.
Он отблеска любви искал в очах;
Она смотрела пристально, глубоко,
Но как-то странно, словно издалёка.

LIX

С восходом солнца Вера умерла,
Все так же безмятежна и светла;
Когда прильнул дрожащими губами
Сережа к бледной ручке со слезами,
Уж холодна, как лед, она была...
Ее в уста целуя на прощанье,
Тихонько мать сказала: «до свиданья».

LX

Он выбежал из комнаты... Меж скал
Волна, не находя себе приюта,
Шумела и металась. Он не знал,
Что с ним и где он... Разум потухал...
Порой хотелось отомстить кому-то
И громко, громко закричать, проклясть
Какую-то бессмысленную власть,

LXI

Людей гнетущую... Он думал: «Боже,
Ведь я люблю, люблю еще сильней!..
О, где она?.. Люблю кого?.. Кого же?..»

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
Что нет ее, не мог понять Сергей, –

Так чувствовал он связь живую с ней.

Он углублялся в скорбь, ее измерить

Хотел умом, но в смерть не мог поверить,

LXII

Не мог... и даже мысль, что Веры нет,

В сознанье не входила... Мягкий свет

Упал из туч разорванных на море,

И море небу ясному в ответ

Затрепетало, засмеялось... Горе

Затихло в нем. Он вдруг отдался весь

Нахлынувшему чувству: «Вера здесь!»

LXIII

Не в душной, темной комнате, а в лоне

Природы вечной, в шорохе листа,

В лучах, в дыханье ветра, в небосклоне

Душа ее незримо разлита,

Как мысль, как свет, как жизнь и красота!

Его любовь росла, росла без меры,

И все ясней, понятней близость Веры.

LXIV

И каждый луч, и каждая струя,

И каждый вздох волны, былинки трепет, –

Все, все слилось в один любовный лепет,

В одну живую ласку: «Это – я,

Всегда с тобою деточка твоя!...»

Он отвечал, от счаствия рыдая:

«Я слышу, слышу, милая, родная!»

LXV

Что было с ним, он сам понять не мог.

Перед лицом пустыни молчаливой,

Меж скал, у волн шумящих, одинок,

Колена преклонил он на песок,

Подняв сквозь слезы к небу взор счастливый.

«Отец небесный мой...» – шептал Сергей

Забытую молитву детских дней.

LXVI

Она – в гробу. Вокруг цветы живые.
Открыты окна: падают лучи
Весенние на ризы золотые,
На дым кадил, на серебро парчи...
И тускло пламя восковой свечи.
А голубое море ярко блещет,
Смеется, дышит, пеной волн трепещет.

LXVII

Среди подснежников, фиалок, роз,
Как будто спит она... и прядь волос
Колеблет ветерок... и слышно пенье:
«Рабу усопшую прими в сelenья
Блаженные, Господь, где нет ни слез,
ни вздоханья, ни земной печали...»
Слова святые радостью звучали

LXVIII

И прямо к небу уносился дым
Кадил звенящих, легкий и прозрачный.
Сергей взглянул, – она была перед ним,
Как будто перед избранником своим
Невеста юная в одежде брачной.
И с ней тогда он заключил союз
Ненарушимых клятв и вечных уз...

LXIX

И сделалась любовь великой силой,
Всю жизнь согрела теплотой своей, –
Он чувствовал, что не изменит ей.
И многому страданье научило:

Он стал сердечней, проще и добрей.
Урок судьбы прошел ему недаром, –
Сергей под первым жизненным ударом

LXX

Окреп душой. И вера с ним была –
Всегда, везде, ревниво берегла,

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
Как будто бы следила нежным взором.

И с милой тенью связан договором,
Сергей не смел, не мог бы сделать зла,
Мучительно боясь ее обидеть,
Немой укор в очах ее увидеть.

LXXI

В большой аудитории шумит
Толпа студентов... Сквозь морозный иней
дерев развесистых в окно глядит
С далекою звездою вечер синий.
Уж с легким шумом в лампах газ горит...
Вошел профессор молодой – и волны
Толпы затихли... Все вниманья полны.

LXXII

Он говорил, – и речь его лилась
С волнующей сердца свободной силой,
Как будто бы меж ними родилась
Глубокая, невидимая связь, –
Он знал, что слово каждое входило
В их душу молодую глубоко.
Ему немного страшно, но легко.

LXXIII

И бесконечно радостно, и ново...
Ты в нем героя повести моей
Узнал, читатель. Обаяньем слова
Лишь потому в толпе царит Сергей,
Что сам был молод, сердцем близок ей.
Он чувствовал с улыбкой гордой, смелой,
Что делал доброе, святое дело.

LXXIV

Но не видал он, радостью объят,
Как там в окно из синевы глубокой
Упал сквозь иней луч звезды далекой:
Он был похож на благодарный взгляд,
Когда в нем слезы нежности дрожат, –
Мерцающий из бесконечной дали

и полный тихой, сладостной печали.

LXXV

Рогожей крытый, маленький возок
Тащился в снежных тундрах под метелью...
Сидел в нем Климов. В дальний уголок
Сибири едет он все с той же целью –
Узнать народ; как прежде, одинок,
Он странствовал в деревню из деревни,
Ночуя в юрте у якут, в харчевне

LXXVI

Или в избе, – при свете ночника
Он слушает рассказы ямщика,
Мотивы заунывных русских песен
Иль разговор о Боге старика...
И если матерьял был интересен,
Торжествовал исследователь наш,
И в книжке быстро бегал карандаш.

LXXVII

Он счастлив был, как птица на свободе.
Родную землю всей душой любил
За то, что дремлет в ней так много сил;
И как Сергей в науке, он – в народе
Успокоенье сердцу находил.
Был каждый прав в своем любимом деле,
И оба шли к одной великой цели.

LXXVIII

Бог помочь всем, кто в наш жестокий век
Желает блага искренне отчизне,
В ком навсегда не умер человек,
Кто ищет новой меры, новой жизни,
Кто не изменит родине вовек!
Привет мой всем, кто страстно жаждет Бога,
В ком не затихла совести тревога!

LXXIX

Пусть к вам летит простая песнь моя,

Мы все полны одним негодованьем,
Одной любовью и одним страданьем.
Нас, братья, много: мы – одна семья,
Мы одного мучительно желаем,
Мы вместе плачем над родимым краем.

LXXX

Там, на прибрежье теплых синих волн,
вблизи часовни ветхой над аулом,
Откуда виден в море дальний челн,
Где ароматный, свежий воздух полн
Зеленых сосен бесконечным гулом,
Есть одинокая могила. В ней
Уснула та, кого любил Сергей.

LXXXI

Кругом покой и тишина: лишь пчелы
В цветах шиповника гудят весной;
О чем-то детском шепчет ключ веселый...
Как реквием таинственный, порой
Здесь слышен моря вечного прибой.
И радостна, тиха ее могила:
Она была любима и любила.

1890

ПЕСНИ И ЛЕГЕНДЫ

ПРОРОК ИСАЙЯ

Господь мне говорит: «Довольно я смотрел,
Как над свободою глумились лицемеры,
Как человек ярмо позорное терпел:
    Не от вина, не от сикеры –
    Он от страданий опьянел.
    Князья народу говорили:
„Пади пред нами ниц!“ и он лежал в пыли,
Они, смеясь, ему на шею наступили,
И по хребту его властители прошли.
    Но я приду, Я покараю

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
Того, кто слабого гнетет.

Князья Ваала, как помет,
я ваши трупы разбросаю!

Вы все передо Мной рассеетесь, как прах.

Что для Меня ваш скиптр надменный!

Вы – капля из ведра, пылинка на весах

У Повелителя вселенной!

Земля о мщенье вопиет.

И ни корона, ни порфира –

Ничто от казни не спасет,

Когда тяжелая секира

На корень дерева падет.

О, скоро Я войду, войду в мое точило,

Чтоб гроздья спелые ногами растоптать,

И в ярости князей и сильных попирать,

Чтоб кровь их алая Мне ризы омочила,

Я царства разобью, как глиняный сосуд,

И пышные дворцы крапивой порастут.

И поселится змеей в покинутых чертогах,

Там будет выть шакал и страус яйца класть,

И вырастет ковыль на мраморных порогах:

Так пред лицом Моим падет земная власть!

Утешься, Мой народ, Мой первенец любимый,

Как мать свое, дитя не может разлюбить,

Тебя, измученный, гонимый,

Я не могу покинуть и забыть.

Я внял смиренному молению,

Я вас от огненных лучей

Покрою скинией Моей,

Покрою сладостною тенью.

Мое святилище – не в дальних небесах,

А здесь – в душе твоей, скорбями удрученной,

И одинокой, и смущенной,

В смиренных и простых, но любящих сердцах.

Как нежная голубка осеняет

Неоперившихся птенцов,

Моя десница покрывает
Больных, и нищих, и рабов.
Она спасет их от ненастя
И напитает от сосцов
Неиссякаемого счастья.
Мир, мир Моей земле!.. Кропите, небеса,
Отраду тихую весеннего покоя.
Я к вам сойду, как дождь, как светлая роса
Среди полуденного зноя».

1887

НЕБО И МОРЕ

Небо когда-то в печальную землю влюбилось,
С негою страстной в объятья земли опустилось...
Стали с тех пор небеса океаном безбрежным,
Вечным, как небо, – как сердце людское, мятежным.
Любит он землю и берег холодный целует,
Но и о звездах, о звездах родимых тоскует...
Хочет о небе забыть океан и не может:
Скорбь о родных небесах его вечно тревожит.
Вот отчего он порою к ним рвется в объятья,
Мечется, стонет, земле посыает проклятья...
Тщетно! Вернется к ней море и, полное ласки,
Будет ей вновь лепетать непонятные сказки.
Мало небес ему, мир ему кажется тесным,
Вечно земное в груди его спорит с небесным!

1889

У МОРЯ

Сквозь тучи солнце жжет, и душно пред грозой.
Тяжелый запах трав серебряно-зеленых
Смешался в воздухе со свежестью морской,
С дыханьем волн соленых.
И шепчет грозные, невнятные слова
Сердитый вал, с гранитом споря...
Зловещей бледностью покрылась синева

О мощный Океан, прекрасен и угрюм,
Как плач непонятый великого поэта, –
Останется навек твой беспредельный шум
Вопросом без ответа!

1889

НА ЮЖНОМ БЕРЕГУ КРЫМА

Немая вилла спит под пенье волн мятежных...
Здесь грустью дышит все – и небо, и земля,
И сень плакучих ив, и маргариток нежных
Безмолвные поля...

Сквозь сон журчат струи в тени кустов лавровых,
И стаи пчел гудят в заросших цветниках,
И острый кипарис над кущей роз пунцовых
Чернеет в небесах...

Зато, незримые, цветут пышнее розы,
Таинственнее льет фонтан в тени ветвей
Невидимые слезы,
И плачет соловей...

Его уже давно, давно никто не слышит,
И окна ставнями закрыты много лет...
Меж тем как все кругом глубоким счастьем дышит, –
Счастливых нет!

Зато в тени аллей живет воспоминанье
И сладостная грусть умчавшихся годов, –
Как чайной розы теплое дыханье,
Как музыка валов...

1889

Мисгор

МОНАХ Легенда

Над Новым Заветом склонился монах молодой,
Он полон святой, бесконечной отрады;
На древнем пергаменте с тихой зарей
Сливается отблеск лампады;
И тусклые, желтые грани стекла

В готических окнах денница зажгла.

Прочел он то место, где пишет в послании Павел:

«Как день перед Господом – тысячи лет!» –

И Новый Завет

В раздумье оставил

Смущенный монах, и, сомненьем объят,

Печальный идет он из кельи, не видит, не слышит,

Как утро в лицо ему дышит,

Как свеж монастырский запущенный сад.

Но вдруг, как из рая, послышалось чудное пенье

Какой-то неведомой птицы в росистых кустах –

И в сладких мечтах

Забыл он сомненье,

Забыл он себя и людей.

Он слушает жадно, не может наслушаться вволю,

Все дальше и дальше, по роще и полю

Идет он за ней.

Той песней вполне не успел он еще насладиться,

Когда уж заметил, что – поздно, что с темных небес

Вечерние росы упали на долы, на лес,

Пора в монастырь возвратиться.

Подходит он к саду, глядит – и не верит очам:

Не те уже башни, не те уже стены, и гуще

Деревьев зеленые кущи.

Стучится в ворота. «Кто там?» –

Привратник глядит на него изумленный.

Он видит – все чуждо и ново кругом,

Из братьев-монахов никто не знаком...

И в трапезу робко вступил он, смущенный.

«Откуда ты, странник?» – «я брат ваш!» – «Тебя никогда

Никто здесь не видел»... Он годы свои называет –

Те юные годы умчались давно без следа...

Седая, как лунь, борода

На грудь упадает.

Тогда из-за трапезы встал

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
Игумен; толпа расступилась пред ним молчаливо,

Он кипу пергаментов пыльных достал из архива

И долго искал...

И в хронике древней они прочитали

О том, как однажды поутру весной

Пошел из обители в поле монах молодой...

Без вести пропал он, и больше его не видали...

С тех пор три столетья прошло...

Он слушал – и тенью печали

Покрылось чело.

«Увы! три столетья... о, птичка, певунья лесная!

Казалось – на миг, на один только миг

Забылся я, песне твоей сладкозвучной внимая –

Века пролетели минутой!» – и, очи смежая,

Промолвил он: «Вечность я понял!» – главою поник

И тихо скончался старик.

<1889>

ИМОГЕНА Средневековая легенда

«Лютой казни ты достоин...

Как до высоты небосклона, –

далеко оруженосцу –

до наследницы барона!

Но в любви к тебе призналась

Имогена, – я прощаю;

Божий суд великодушно

Вам обоим предлагаю.

Ты возьмешь ее на плечи,

По скалам и по стремнине

Ты пойдешь с бесценной ношней

Ко кресту на той вершине.

Путь не легок: поскользнешься –

Смерть обоим... Если ж с нею

До креста дойдешь, – навеки

Будет дочь моя твою.

Что ж, согласен?» – «Да». – «До завтра».

Грозный час настал. Собранье
Ждет, окованное страхом,
Рокового испытанья.

Сам барон мрачнее ночи.
Опустил угрюмо вежды;
Только те, кто любят, полны
Чудной силы и надежды.

И с отвагой, и с любовью,
Он берет ее на плечи,
И она ему, краснея,
Шепчет ласковые речи...

Вот сигнал, – по дикой круче
Он идет... Пред ними бездна...
Но в очах его отвага,
С милой смерть ему любезна.

Из-под ног сорвался камень, –
Он дрожит, изнемогает...
Но так нежно Имогена
Кудри милого ласкает.

И в очах блеснуло счастье,
И легко над страшной кручей
Он прошел каким-то чудом,
Безмятежный и могучий.

А над ним она, в лазури,
С золотыми волосами,
В белом платье – словно ангел
С белоснежными крылами.

Но таков удел наш горький:
Кто нам дорог, кто нас любит, –
Обнимая, вместе в бездну

С каждым шагом все тяжеле
давит ноша, и, склоняясь:
«Тяжко мне, я умираю...» –
Прошептал он, задыхаясь...

Но она взглянула в очи
И «люблю» ему сказала,
И безумная отвага
В гордом взоре заблистала.

Вся – надежда, вся – молитва,
Имогена, в страстной муке,
Чтобы легче быть – высоко
Подымает к небу руки...

Вот и крест... Еще мгновенье –
И достиг он цели... Бледный,
Пал он с ношей драгоценной,
И раздался крик победный:

«Ты моя, моя навеки!»
«Поскорей разнять их!» – грозно
Закричал барон... Со свитой
Он примчался – было поздно...

Слишком крепко Имогена
обвила его руками...
На лице – покой и счастье,
И уста слились с устами.

«Что ж вы медлите? Скорее
Разлучить их!» Но стояли
Все, поникнув головою,
Полны страха и печали.

Лишь один ответил робко:
«Никакая власть и сила
Разделить, барон, не может

то, что смерть соединила...»

1889

СМЕХ БОГОВ

Легок, светел, как блаженный
Олимпийский смех богов,
Многошумный, неизменный
Смех бесчисленных валов!

Страшен был их гимн победный
В бурной тьме, когда по ним
Одиссей, скиталец бедный,
Мчался, ужасом томим.

И, покрытый черной тиной,
Как обломок корабля,
Царь был выброшен пучиной,
Нелюдимая земля, —

На пески твоей пустыни,
И среди холодных скал
С благодарностью Афине
Он молитвы воссыпал...

В Привиденье веры полный,
Ты не видишь, Одиссей,
Как смеются эти волны
Над молитвою твоей.

Многошумный, неизменный
Смех бесчисленных валов —
Легок, светел, как блаженный
Олимпийский смех богов.

1889

На Черном море

ГИМН КРАСОТЕ

Слава, Киприда, тебе, —
Нам — в беспощадной борьбе

Жизнь красотой озарившая,
Пеной рожденная,
Мир победившая,
Непобежденная!

Из волны зеленої вышла ты, стыдливая,
И воздушна, как мечта,
Тела юного сверкала нагота
Горделивая!
Укротительница бурь,
Улеглась у ног твоих стихия злобная, –
Нектару подобная,
Вокруг тебя кипела, искрилась лазурь...

Как от розы – благовоние, –
Так от тела твоего
Веет силы торжество,
Счастье и гармония!..

Все ты наполняешь, волны и эфир,
И как пахарь в ниву – семена несметные,
Ты бросаешь в мир
Солнца искрометные!..

Ступишь – пред тобою хаос усмиряется,
Взглянешь – и ликует вся земная тварь,
Сам Тучегонитель, Громовержец-царь
Пред тобой склоняется...

Все тебе подвластно, все – земля и твердь;
Ты одной улыбкой нежною,
Безмятежною
Побеждаешь Смерть!

Слава, Киприда, тебе, –
Нам в беспощадной борьбе
Жизнь красотой озарившая,
Пеной рожденная,
Мир победившая,
Непобежденная!..

1889

На Черном море

ОДИНОЧЕСТВО

Поверь мне: люди не поймут

Твоей души до дна!..

Как полон влагою сосуд, –

Она тоской полна.

Когда ты с другом плачешь, – знай –

Сумеешь, может быть,

Лишь две-три капли через край

Той чаши перелить.

Но вечно дремлет в тишине

Вдали от всех друзей, –

Что там, на дне, на самом дне

Больной души твоей.

Чужое сердце – мир чужой, –

И нет к нему пути!

В него и любящей душой

Не можем мы войти.

И что-то есть, что глубоко

Горит в твоих глазах,

И от меня – так далеко, –

Как звезды в небесах...

В своей тюрьме, – в себе самом –

Ты, бедный человек,

В любви, и в дружбе, и во всем

Один, один навек!..

1890

ХРИСТОС, АНГЕЛЫ И ДУША Мистерия XIII века

I

Ангелы

Как нищий с сумкой бедной,

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
Куда идешь, Христос,

Ты горестный и бледный,
Один в юдоли слез?

Христос

Иду я в мир унылый
К возлюбленной моей,
Назвав невестой милой,
Я сердце отдал ей.

Она меня любила,
Но, клятвы не храня,
Невеста изменила,
Покинула меня.

И все о ней тоскую,
И все ее люблю,
Люблю я дщерь земную
Избранницу мою.

Я дал ей дух свободный,
Ее одну любя,
Я сделал благородной,
Похожей на себя.

Я дал ей плоть в рабыни
И волю для борьбы,
Она же стала ныне
Рабой своей рабы.

Она – во власти тела,
И, Господа забыв,
Дары мои презрела,
Отвергла мой призыв

Ангелы

Но той, кто всех дороже,
Кого ты так любил,
Сказать ли нам, о Боже,
Что ты ее простил?

Христос

Возлюбленной моей,
Что я простил невесте,
Что я грущу о ней!
Зачем же длить разлуку?
Скажите, чтоб пришла,
Чтоб милого на муку,
На смерть не обрекла.
И брачные одежды
Я возвращу ей вновь, –
И все мои надежды,
И всю мою любовь!

II

Ангелы

Душа в оковах тела
И смерти, и греха,
Ты Господа презрела,
Отвергла Жениха.
Поднять не смеешь вежды,
Не можешь встать с земли,
Разорваны одежды,
Чело твое – в пыли.

Душа

Изгнанницею рая
Живу я во грехе,
Скорбя и вспоминая
О милом Женихе.
И тщетно, умирая
В пороке и во зле,
Покинутого рая
Ищу я на земле.

Ангелы

Омой слезами очи,
С надеждой подымись,
Скорей из мрака ночи

Ты к Господу вернись.

Тебя Он примет снова,

Забудь печаль и страх,

Не скажет Он ни слова,

Не вспомнить о грехах.

Душа

О где же Он?.. далеко

от Бога моего,

я плачу одиноко,

Умру я без Него...

Скажите мне, скажите,

Видал ли кто-нибудь,

Где Милый, укажите

К возлюбленному путь!

Ангелы

Мы видели: распятый,

Один на высоте

Голгофы, тьмой объятои,

Страдал Он на кресте.

В тоске изнемогая,

Но все еще любя,

Спаситель, умирая,

Молился за тебя...

Душа

Я плакать буду вечно.

За мир Он пролил кровь,

Любил так бесконечно

И умер за любовь!..

В любви – какая сила!..

Любовь, о для чего,

Безумная, убила

Ты Бога моего?

Томимый грустью непонятной,
Всегда чужой в толпе людей,
Лишь там, в природе благодатной,
Я сердцем чище и добрей.

Мне счастья, Господи, не надо!
Но я пришел, чтоб здесь дышать
Твоих лесов живой прохладой
И листьям шепчующим внимать.

Пусть росы падают на землю
Слезами чистыми зари...

Твоим глаголам, Боже, внемлю:
Открыто сердце, — говори!

1890

«Что ты можешь? в безумной борьбе...»
Что ты можешь? в безумной борьбе
Человек не достигнет свободы:
Покорись же, о дух мой, судьбе
И неведомым силам природы!
Если надо, — смирись и живи:
об одном только помни, страдая, —
Ненадолго — страданья твои,
Ненадолго — и радость земная.
Если надо — покорно вернись,
Умирая, к небесной отчизне,
И у смерти, у жизни учись —
Не бояться ни смерти, ни жизни!

<1891>

ВОЛНЫ

О, если б жить, как вы живете, волны,
Свободные, бесстрастие храня,
И холодом, и вечным блеском полны!..
Неправда ль, вы — счастливее меня?
Не знаете, что счастье — ненадолго...
На вольную, холодную красу

Гляжу с тоской: всю жизнь любви и долга
Святую цепь покорно я несу.
Зачем ваш смех так радостен и молод?
Зачем я цепь тяжелую несу?
О, дайте мне невозмутимый холод
И вольный смех, и вечную красу!..
Смирение!.. Как трудно жить под игом!
Уйти бы к вам и с вами отдохнуть,
И лишь одним, одним упиться мигом,
Потом навек безропотно уснуть!..
Ни женщине, ни Богу, ни отчизне,
О, никому отчета не давать,
И только жить для радости, для жизни
И в пене брызг на солнце умирать!..
Но нет во мне глубокого бесстрастья:
И родину, и Бога я люблю,
Люблю мою любовь, во имя счастья
Все горькое покорно я терплю.
Мне страшен долг, любовь моя тревожна.
Чтоб вольно жить – увы! – я слишком слаб...
О, неужель свобода невозможна,
И человек до самой смерти – раб?

<1891>

«Он про любовь ей говорил...»
Он про любовь ей говорил,
Любви покорный, полный горя,
А вольный ветер приносил
Во мраке свежий запах моря.

И там, в прозрачной глубине,
У самых ног меж струек звонких
Виднелись камни при луне
И листья водорослей тонких.

И в глубине, и в небесах –
Все чисто,ечно и спокойно...

И только страсть в его словах
Была томительной и знойной.

Не внимая, смотрит, как луна
Песок подводный озаряет,
И молча думает она:
«Зачем он любит и страдает?

Земной любви, земной мечты
Он раб: душою несвободной
Не понимает красоты
Спокойной, вечной и холодной.

Зачем не хочет он дышать
Морской, полночною прохладой?
Зачем нельзя ему сказать,
Что никого любить не надо?»

Она с улыбкой смотрит вдаль...
Он молит жалости напрасно,
Он плачет... Но его не жаль,
Она внимает безучастно:

Она, как ветер и волна,
Без гнева и без страсти губит.
Душа в ней тайною полна,
И сердце никого не любит.

<1891>

РИМ

Кто тебя создал, о Рим? Гений народной свободы!
Если бы смертный, навек выю под игом склонив,
В сердце своем потушил вечный огонь Прометея,
Если бы в мире везде дух человеческий пал, –
Здесь возопили бы древнего Рима священные камни:
«Смертный, бессмертен твой дух; равен богам человек!»

1891

РИМ

ПАНТЕОН

Путник с печального Севера к вам, Олимпийские боги,
Сладостным страхом объят, в древний вхожу Пантеон.
Дух ваш, о люди, лишь здесь спорит в величье с богами!
Где же бессмертные, где – Рима всемирный Олимп?
Ныне кругом запустение, ныне царит в Пантеоне
древнему сонму богов чуждый, неведомый Бог!
Вот Он распятый, пронзенный гвоздями, в короне
терновой.

Мука – в бескровном лице, в кротких очах Его – смерть.
Знаю, о боги блаженные, мука для вас ненавистна.
Вы отвернулись, рукой очи в смятенье закрыв.
Вы улетаете прочь, Олимпийские светлые тени!..
О, подождите, молю! Видите: это – мой Брат,
Этой – мой Бог!.. Перед Ним я невольно склоняю колени...
Радостно муку и смерть принял Благой за меня...
Верю в Тебя, о Господь, дай мне отречься от жизни,
дай мне во имя любви вместе с Тобой умереть!..

Я оглянулся назад: солнце, открытое небо...
Льется из купола свет в древний языческий храм.
В тихой лазури небес – нет ни мученья, ни смерти:
Сладок нам солнечный свет, жизнь – драгоценнейший
дар!..

Где же ты, истина?.. В смерти, в небесной любви и
страданьях,
Или, о тени богов, в вашей земной красоте?
Спорят в душе человека, как в этом божественном храме, –
Вечная радость и жизнь, вечная тайна и смерть.

1891

РИМ

БУДУЩИЙ РИМ

Рим – это мира единство: в республике древней – свободы
Строгий языческий дух объединял племена.
Пала свобода, – и мудрые Кесари вечному Риму
Страница 151

Мыслью о благе людей вновь покорили весь мир.
Пал императорский Рим, и во имя Всевышнего Бога
В храме великом Петра весь человеческий род
Церковь хотела собрать. Но, вслед за языческим Римом,
Рим христианский погиб: вера потухла в сердцах.
Ныне в развалинах древних мы, полные скорби, блуждаем.
О, неужель не найдем веры такой, чтобы вновь
Объединить на земле все племена и народы?
Где ты неведомый Бог, где ты, о будущий Рим?

1891

КОЛИЗЕЙ

Вступаю при луне в арену Колизея.
Полуразрушенный, великий и безмолвный,
Неосвещенными громадами чернея,
Он дремлет голубым, холодным светом полный.
Здесь пахнет сыростью подземных галерей,
Росы, могильных трав и мшистых кирпичей.

Луна печальная покрылась облаками,
Как духи прошлого, как светлые виденья,
Они проносятся, с воздушными краями
Над царством тишины, и смерти, и забвенья.
В дворце Калигулы заплакала сова...
На камне шелестит могильная трава.

Как будто бы скользят по месяцу не тучи,
А тени бледные... сенаторские тоги...
Проходят ликторы – суровы и могучи,
Проходят консулы – задумчивы и строги...
Не буря на полях к земле колосья гнет,
Пред императором склоняется народ...

И месяц выглянул, и тучи засияли:
Вот кроткий Антонин и Август величавый,
Воинственный Троян и мудрый Марк Аврелий...
В порфирах веющих, в мерцанье вечной славы

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
Грядут, блаженные!.. И складки длинных риз –

Подобны облакам... И тени смотрят вниз

На семихолмный Рим. Но в Риме – смерть и тление:

Потухли алтари, и форум спит глубоко,

И в храме Юлиев колонна в отдаленье

Обломком мраморным белеет одиноко.

И стонет в тишине полночная сова,

На камне шелестит могильная трава...

И взоры Кесарей омрачены тоскою.

Скрывается луна, безмолвствует природа...

Я вспоминаю Рим, и веет надо мною

Непобедимый дух великого народа!..

Мне больно за себя, за родину мою...

О Тени прошлого, пред вами я стою, –

И горькой завистью душа моя томима!..

И, обратив назад из бесконечной дали

Печальный взор на Рим, они все мимо, мимо

Проносятся, полны таинственной печали...

И руки с жалобой я простираю к ним:

О слава древних дней, о Рим, погибший Рим!..

1891

МАРК АВРЕЛИЙ

Века, разрушившие Рим,

Тебя не тронув, пролетели

Над изваянием твоим,

Бессмертный Марк Аврелий!

В благословенной тишине

Доныне ты, как триумфатор,

Сидишь на бронзовом коне,

Философ-император.

И в складках падает с плеча

Простая риза, не порфира.

И нет в руке его меча, –

Он провозвестник мира.

Невозмутим его покой,
И все в нем просто и велико.
Но веет грустью неземной
От царственного лика.

В тяжелый век он жил, как мы,
Он жил во дни борьбы мятежной,
И надвигающейся тьмы,
И грусти безнадежной.

Он знал: погибнет Рим отцов.
Но пред толпой не лицемерил.
Чем меньше верил он в богов, –
Тем больше в правду верил.

Владея миром, никого
Он даже словом не обидел,
За Рим, не веря в торжество,
Он умер и предвидел,

Что Риму не воскреснуть вновь,
Но отдал все, что было в жизни –
Свою последнюю любовь,
Последний вздох отчизне.

В душе, правдивой и простой,
Навеки чуждой ослепленья,
Была не вера, а покой
Великого смиренья.

Он, исполняя долг, страдал
Без вдохновенья, без отрады,
И за добро не ожидал
И не хотел награды.

Теперь стоить он, одинок,
Под голубыми небесами

И ясными очами

Глядит на будущее, в даль:
Он сбросил дольней жизни тягость.
В лице – спокойная печаль
И неземная благость.

1891

РИМ

ТЕРМЫ КАРАКАЛЛЫ

Дремлют сумрачные залы,
Зеленеет влажный мох,
Слышен в термах Каракаллы
Ветра жалобного вздох.
Меж аркад синеют тучи,
Сохнет мертвый и колючий
лист терновника в пыли,
Там, где прежде, в сладкой тени,
Мозаичные ступени
К баням мраморным вели;
Где сенаторы-вельможи,
Главы царственных семей
Императору на ложе
Приводили дочерей;
Жертвы слышалось стенанье
И во мгле, как поцелуй,
Сладкогласное журчанье
В мрамор падающих струй;
Где лукаво-благосклонный,
Нежный лик склоняя вниз,
Улыбался Адонис,
Солнцем юга озаренный;
Где смотрели с высоты,
Как послушные рабыни,
Олимпийские богини
В обаянье красоты...

А теперь пугают взгляды
В блеске солнечных лучей
Только пыльные громады
Обнаженных кирпичей.
Все погибло невозвратно...
Голубые небеса
Меж развалин, – мне понятна
Ваша вечная краса!
Мир кругом, и рядом с тленьем
Сердцу кажется живой,
Полной вечным вдохновеньем
Песня птички полевой!..

1891

РИМ

СОРРЕНТО

О, Помпея далекая, рощи лимонные.
Очертанья Везувия легкие, чистые,
В темнолистых поникших ветвях золотистые,
Разогретые солнцем, плоды благовонные!..
О Сорренто, великого моря дыханье, –
Это все обаяние
Возвращает меня к моей первой любви...
Не ревнуй и природу чужой не зови,
И не бойся, что я предаюсь ее нежности,
Что забуду тебя я в безбрежности
Тихо спящего моря, вдали от людей,
Что сравню с красотою мгновенной твоей
Красоту эту вечную...

Милая, душу живую твою
Здесь я в природе еще беззаветней люблю,
Душу твою бесконечную!

1891

КАПРИ

Больше слов твоих ласковых, больше, чем все,
Страница 156

Успокоили бедное сердце мое
Эти волны, к страданьям моим равнодушные,
И над радостным морем вдали,
В золотистой пыли,
Очертанья Капри воздушные!

1891

ПРАЗДНИК СВ. КОНСТАНЦИЯ

Меж седых утесов Капри,
У залива голубого –
Третий день веселый праздник
В честь Констанция Святого.

Розы падают с балконов,
Дети пляшут и хохочут,
И счастливого народа
Волны пестрые клокочут.

Промелькнуло знамя Капри...
И церковные напевы
Раздаются над толпою,
И в венках проходят девы.

Словно ангелы, сияют
Белизной одежд лилейной,
И умолк, и расступился
Весь народ благоговейно.

Вот и сам Констанций в митре
С высоты на чернь взирает,
Как живой, и в блеске солнца
Лик серебряный мерцает.

На носилках он, как идол,
Восседает величаво,
Словно кот – на солнце, жмурясь,
Улыбается лукаво...

Песни грянули, литавры,

Грохот праздничных хлопушек...

И в прибрежье диком эхо

Скал отвесных громче пушек.

И кругом – восторг безумный...

Но в душе моей – тревога:

Это праздник всенародный –

В честь языческого бога.

Где же дух Христовой церкви?

Где смиренные молитвы?

Вокруг Святого бомб гремящих

Вьется дым, как после битвы!..

Хорошо, что здесь, на Капри,

Не живу я за три века:

Древним идолам – опасен

Дух свободный человека.

Втайне думает Констанций,

На меня взирая строго:

«Хорошо бы скечь безумца

На костре во славу Бога!»

.....

Из лимонных рощ Сорренто

Свежий ветер прилетает,

И божественной улыбкой

Море вечное блистаёт.

И кругом в ответ народу

На восторженные крики

В самом сердце скал гранитных

Содрогнулся остров дикий...

1891

Капри

ВЕЗУВИЙ

Глубоко тонуть ноги в теплом пепле,

И ослепительно, как будто солнцем
Озарена, желтеет сера. К бездне
Я подошел и в кратер заглянул:

Горячий пар клубами вырывался...
Послышались тяжелые удары,
Подземный гром и гул, и клокотанье...
Сверкнул огонь!..

Привет тебе, о древний,
Великий Хаос, Праотец вселенной!
Я счастлив тем, что нет в душе смиренья
Перед тобой, слепая власть природы!..
Меня стереть с лица земли ты можешь,
Но все твое могущество – ничто
Перед одной непобедимой искрой,
Назло богам зажженной Прометеем
В моем свободном сердце!..
Я здесь стою, никем не побежденный,
И, к небесам подняв чело,
Тебя ногами попираю,
О древний Хаос, Праотец вселенной!

1891

ПОМПЕЯ

I

Беспечный жил народ в счастливом городке:
Любил он красоту и дальней жизни сладость;
Была в его душе младенческая радость.
Венчанный гроздьями и с чашею в руке,
Смеялся медный фавн, и украшали стену
То хороводы муз, то пляшущий кентавр.
В те дни умели жить и жизни знали цену:
Пенатов бронзовых скрывал поникший лавр.
В уютных домиках все радовало чувство.
Начертан был рукой художника узор
Домашней утвари и кухонных амфор;

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
У древних даже в том – великое искусство,

Как столик мраморный поддерживает Гриф
Когтистой лапою, свой острый клюв склонив,
Их бани вознеслись, как царские чертоги,
Во храмах мирные, смеющиеся боги
Взирают на толпу, и приглашает всех
К беспечной радости их благодатный смех.

Здесь даже в смерти нет ни страха, ни печали:

Под кипарисами могильный барельеф
Изображает нимф и хоры сельских дев,
И радость буйную священных вакханалий.

И надо всем – твоя приветная краса,
Воздушно-голубой залив Партенопеи!

И дым Везувия над кровлями Помпеи,
Нестрашный никому, восходит в небеса,
Подобный облаку, и розовый, и нежный,
Блистая на заре улыбкой безмятежной.

II

Но смерть и к ним пришла; под огненным дождем,
На город падавшим, под грозной тучей пепла
Толпа от ужаса безумного ослепла:
Отрады человек не находил ни в чем.

Теряя с жизнью все, в своих богов не веря,
Он молча умирал, беспомощнее зверя.

Подножья идолов он с воплем обнимал,
Но Олимпийский бог, блаженный и прекрасный,
Облитый заревом, с улыбкой безучастной
На мраморном лице, моленьям не внимал.

И гибло жалкое, беспомощное племя:
Торжествовала смерть, остановилось время,
Умолк последний крик... И лишь один горит
Везувий в черной мгле, как факел Евменид.

III

Над городом века неслышно протекли,
И царства рушились; но пеплом сохраненный,
Доныне он лежит, как труп непогребенный,

Среди безрадостной и выжженной земли.

Кругом – последнего мгновенья ужас вечный, –
В низверженных богах с улыбкой их беспечной,
В остатках от одежд, от хлеба и плодов,
В безмолвных комнатах и опустелых лавках
И даже в ларчике с флаконом для духов,
В коробочке румян, в запястьях и булавках;
Как будто бы вчера прорыт глубокий след
Тяжелым колесом повозок нагруженных,
Как будто мрамор бань был только что согрет
Прикосновеньем тел, елеем умащенных.
Воздушнее мечты – картины на стене:
Тритон на водяном чешуйчатом коне,
И в ризах веющих божественные Музы;
Здесь все кругом полно могильной красоты,
Не мертвой, не живой, но вечной, как Медузы
Окаменелые от ужаса черты...

А в голубых волнах белеют паруса,
И дым Везувия, красою безмятежной
Блистая на заре, восходит в небеса
Подобный облаку, и розовый, и нежный...

1891

ТИБУР

Тибур, Тибур, зеленый многоструйный,
Священные руины, водопады,
Ревущие в скалах волною буйной,
Нептунов грот, исполненный прохлады,
И радуги на солнце – в легкой пыли
Шумящих вод, дыханье белых лилий
И сосен южных плоские вершины,
А там вдали, в сияющем просторе –
Великий Рим и светлые равнины,
Волнистые, похожие на море...

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
О древнее жилище Мецената,

Как жалобной мелодией, невольно
О прежних днях душа тоской объята!..
Мне Рима жаль, мне радостно и больно...
В раздумии пред виллой Марка Брута
Стою в тиши заветного приюта,
Где горевал о гибнущем народе,
О древности великой и свободе
Убийца твой, о Цезарь Всемогущий!..
А рядом здесь, под миртовою кущей
Еще звучит, полна любовной неги,
Гармония Тибулловых элегий...

Благослови, о странник, эти воды,
И влажные, таинственные своды,
Жилище нимф и Рима прах священный...
Тибур, Тибур, о край благословенный!..

1891

Рим

«ADDIO, NAPOLI»

Слабеет моря гул прощальный,
Как сонный шепот Нереид,
Напев далекий и печальный –
«Addio, Napoli» звучит...

Как тихий жертвенник, дымится
Везувий в светлой вышине,
Огонь краснеет при луне,
И белый дым над ним клубится...

Мне бесконечно дорога
Земля твоих цветущих склонов,
Сорренто с рощами лимонов,
О, золотые берега!..

Прохлада гротов – в полдень жаркий,
Где голубым огнем горит

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
Волна, кидая на гранит

дрожащей влаги отблеск яркий,

Где камни скрыл подводный мох,

Где днем и ночью Океана

В глубокой бездне слышен вздох,

Подобный музыке органа.

И в том, как шепчется трава,

И в том, как плачет непогода,

Хотел подслушать я, Природа,

Твои сердечные слова!

Искал я в ропоте потоков,

Искал в тиши твоих ночей

Еще не понятых намеков,

Твоей души, твоих речей...

Теперь ты кажешься мне сказкой,

Сорренто! Север впереди...

Но шепчет Юг с последней лаской:

«Не уходи, не уходи!»

Слабеет моря гул прощальный,

Как сонный шепот Нереид,

Напев далекий и печальный:

«Addio, Napoli» звучит...

1891

Неаполь

ВОЗВРАЩЕНИЕ

О, березы, даль немая,

Грустные поля...

Это ты, – моя родная,

Бедная земля!

Непокорный сын к чужбине,

К воле я ушел,

Но и там в моей кручине

Там у моря голубого,

У чужих людей

Полюбил тебя я снова

И еще сильней..

Нет! Не может об отчизне

Сердце позабыть,

Край родной, мне мало жизни,

Чтоб тебя любить!..

Теплый вечер догорает

Полный тихих грез,

Но заря не умирает

Меж ветвей берез.

Милый край, с улыбкой ясной

Я умру, как жил,

Только б знать, что не напрасно

Я тебя любил!

1891

СЕМЕЙНАЯ ИДИЛЛИЯ

I. ВСТУПЛЕНИЕ

Ужель нельзя писать, забыв хотя на миг

Про то, как пишутся новеллы и романы,

Отвергнув, наконец, условные обманы

Ненужных вымыслов и спутанных интриг?

Ужель изобразить мне легче смерть и муку

Героев, гибнущих в невиданном бою,

Чем разговор с женой и комнату мою,

Унылый вид в окно и будничную скуку?

А между тем из них, из этих мелочей,

Забытых книгами и слишком некрасивых,

Чтоб их рассказывать в строфах красноречивых,

Слагается вся жизнь, простая жизнь людей.

И мысль одна давно мне не дает покоя:

Перенести в рассказ из жизни целиком
Тот маленький мирок, с которым я знаком?
Мне было жаль срывать живой и благовонный
Цветок, чтоб положить в гербарий запыленный;
Из недр родных полей заботливой рукой
Я вырежу его с дрожащими листами –
Таким, каков он есть – с пахучею землей,
И каплями росы, и влажными корнями...

II. НА ДАЧЕ ПОД МОСКВОЮ

Бранят наш Петербург, наш Север, а меж тем
Что может быть скучней деревни подмосковной!
Страна фабричная: я сам не знаю, чем
Мне здесь противно все, – уныло, плоско, ровно...
Сквозь вырубленный лес, среди бесплодных нив,
По рельсам блещущим гремит локомотив.
А в селах – кабаки, огромные заводы,
Рабочий пьяный люд: здесь больше нет природы.
И вечно к небесам возносятся клубы
Фабричной копоти, и силуэт трубы,
Царящий надо всем, мне портит голубую
Таинственную даль, печальную, родную...
должно быть, этот край недаром угнетал
Наш современный бог, могучий капитал!
А между тем и здесь, в прогулке одинокой,
Зайдешь, бывало, в глушь: кругом лесная мгла,
Зеленый мох, грибы, мохнатая пчела,
А небо меж ветвей так ясно, так глубоко,
Что чувствуешь себя от всех людей вдали,
В деревне под Москвой, как на краю земли.
довольно двух иль трех деревьев, чтоб понятной
Нам сделалась вся жизнь природы необъятной:
Так двух иль трех людей довольно, чтоб познать
Все бездны темные души, весь мир сердечный
С его поэзией, любовью бесконечной
И всем, чего нельзя словами рассказать...

III. БАБУШКА

Но приступить давно пора к моей задаче.
Хотел я описать, без вымысла, одну
Семью, с которой жил я некогда на даче,
В деревне под Москвой. Я с бабушки начну.
Когда-то и она хозяйкой домовитой
И матерью была, и любящей женой;
Теперь, чужая всем, она в семье родной,
Как призрак дней былых, живет почти забытой.
Есть что-то строгое в чертах, как будто след
Невзгод пережитых; она одета просто;
Согнувшись, сгорбившись – почти такого роста,
Как внучка младшая – одиннадцати лет,
Не помнит бабушка, что было с ней – ни муки,
Ни радости: она как в полусне живет.
Сидит на сундучке и целый день от скуки
Ест кашку манную да чай в прикуску пьет;
Порой по комнатам чего-то ищет, бродит,
Храня заботливый и недовольный вид,
И, думая, что в дверь отворенную входит,
У отпerteых шкафов задумчиво стоит.
«Куда вы, бабушка?» – кричат ей, но слепая
Предмет ощупает тихонько, не спеша,
Потом уйдет, вздохнув, платок перебирая
Худыми пальцами и туфлями шурша.
И пахнет табачком от кацавейки длинной,
От рук морщинистых, – так пахнет иногда
В шкатулках дедовских, где многие года
Таится аромат под крышкою старинной...
Порою бедная, подняв упорный взгляд,
Речам живых людей с усилием долго внимлет,
Ей хочется понять, но скажет невпопад
И вновь беззубым ртом жует и будто дремлет.
Как малое дитя, она глядит на всех
С недоумением и робостью послушной,

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
и у нее такой бессильный, добрый смех,

Просящий жалости, как будто простодушно
Старушка над собой смеется, и порой
Я думаю: зачем жила она, любила,
Страдала? Где же цель всей жизни прожитой?
И вот, что всех нас ждет, а впереди – могила.
Осталось ей одно: с корзинкою грибов,
Бывало, девочки усталые вернутся,
«Где, родненькие, где?..» – на звук их голосов
Слепая ощупью бредет. Они смеются,
Обняв ее... Едва их голос прозвенел,
Старушка ожила, и взор не так печален,
Как будто золотой луч солнца заблестел
На сумрачных камнях покинутых развалин...
В слепые бедные глаза, в беззубый рот
Губами свежими ее целуют внучки, –
Веселью нет конца, – и маленькие ручки
В дрожащую ладонь, смеясь, она берет.
И рядом с желтою, пергаментной кожей
Поблекшего лица лукавый блеск в очах,
И смех, и ямочки на розовых щеках
Мне кажутся еще прекрасней и моложе.
И кротко светится бессмертная любовь
В глазах у бабушки. Так вот – чего могила
У нас не может взять!.. И мне понятно вновь,
Зачем она жила, зачем она любила.

IV. ТЕТЯ НАДЯ

А все же бабушка от внучек далека,
И смотрят девочки на бедную старушку
Так снисходительно, немного свысока,
Как на старинную, любимую игрушку.
Душою близкий к ней и преданный навек
Остался на земле один лишь человек –
То тетя Надя, дочь старушки...

Она красавицей была. Теперь некстати
Еще кокетлива; в дырявых башмаках
И с заспанным лицом, и скучою в глазах,
Всегда растрепана, в замаранном халате,
Она по комнатам блуждает. В пустоте,
В которой жизнь ее проходит, сплетни с прачкой,
Забота, чтоб вскипел кофейник на плите,
Прогулка в лавочку за нитками, за пачкой
Каких-то пуговок, пасьянс, потом еда,
И сон, и штопанье чулок, – вот все занятья.
И так влечит она недели и года...
Порою шьет она причудливые платья
Из кружев, пышных лент и ярких лоскутков –
Приманка жалкая, соблазн для женихов.
А чаще попросту, сложив покорно руки,
На крышу, на ворон глядит в окно от скучи
И только медленно, зевая, крестит рот.
А рядом, на софе, лежит сибирский кот –
Пушистый, с нежными прозрачными глазами,
Как изумруд – но злой и с острыми когтями.
Лампадка теплится пред образом в тиши...
Так много лет втроем вдали от мира жили
Старушка, серый кот и тетя. В нем души
Они не чаяли, но, верно, обкормили
Любимца жирного, и бедный кот издох.
Все счастье тетеньки его последний вздох
Унес навек. С тех пор пустая жизнь без дела
Еще печальнее. Но я подметить мог
И в ней один святой, заветный уголок:
Холодная ко всем, любовью без предела,
Ревнивой, женскою она любила мать;
И днем, и ночью с ней, – умела разговором,
Картинкой, лакомством иль просто нежным взором
Старушку, как дитя больное, утешать.
И кто бы ни дерзнул обмолвиться намеком,

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
Что память бабушки слабеет, в тот же миг

Вся вспыхнет тетенька, и нет конца упрекам,
Уйдет из комнаты, поднимет шум и крик, –
Ей верить хочется, что бабушка такая,
Как все, и умная, и даже не слепая.
Старушка для нее – не призрак дней былых,
Как для семьи, а друг – живой среди живых.
два бедных существа, отживших, одиноких,
Не нужных никому и от людей далеких,
друг друга с нежностью любили, и вдвоем
Отрадней было жить им в уголке своем.
Когда же бабушка умрет, никто не будет
О бедной горевать: лишь тетенька над ней
Поплачет искренно и друга не забудет –
Едва ли не одна из всех живых людей.
И здесь, и в пошлости глубоко прозаичной,
Есть жертва, есть любовь, ее тепло и свет!..

V. КРОКЕТ

Я слышу голосок голубоглазой Наты:
«Хотите в крокет?» – «Да!» Мы в сад уходим. День
Склоняется. Длинней берез плакучих тень,
Сильнее в парке лип цветущих ароматы.
Люблю я звонкие, тяжелые шары
И простодушие семейственной игры.
Люблю квадрат земли, песчаный, желтый, плоский –
На зеленеющих под липами лугах,
Люблю то красные, то черные полоски –
Условные значки на крокетных шарах.
Смеются девочки: у них одна забота –
«Крокировать» меня за тридевять земель,
Чтоб вместе выиграть, и в тесные ворота
Проносятся шары, и вот уж близко цель...
Слежу с улыбкою, как худенькая Ната
Кричит и прыгает, волнением объята.

В ней все – порыв, огонь... А старшая сестра
Тиха, безропотна, ленива и добра.
Вся жизнь их общая, но все в них так различно.
Они друзья, меж тем я наблюдал порой,
Как младшая царит и правит деспотично
Румянай, толстою, покорною сестрой,
Здоровой Татою. По робким выраженьям
Взаимной нежности, по взглядам и движеньям
могу предугадать две разные судьбы:
Без мук, без гордын дум одна из них, наверно,
Спокойно проживет хозяйкою примерной,
Счастливой матерью. Другая – для борьбы,
для горя создана. Я вижу в ней задаток
Страданья долгого, тех вечных, горьких дум,
Что в наши дни томят неверующий ум;
И жизни внутренней глубокий отпечаток
Таится в голубых мечтательных глазах
И бледном личике... Так с грустью бесконечной
Люблю грядущее обдумывать порой,
Когда идут они, обнявшись, предо мной
Под сумраком берез аллеи вековечной,
И Тата «пеночкой» сестру свою зовет...
Люблю их комнатку, с игрушками комод,
Бумажные дома и куклы из резинки.
Когда же на столе кипящий самовар
Над чайником струит голубоватый пар, –
Люблю раскрашивать наивные картинки:
Румяных девочек, зеленые леса...
Бывало, кисточку я обмокну неловко:
И с пятнами воды выходят небеса,
Расплывшись, дерево сливаются с головкой
Несчастной девочки. И пальчиком грозит
Мне Тата кроткая. Всю прежнюю отвагу
Теряет кисть моя; а Ната мне кричит
В негодовании: «Испортили бумагу!..»

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
Когда же загляну им в глубину очей, –

Какие бы мечты мой ум ни волновали,
Мне сразу так легко, я чище и добрей,
И утихают все тревоги и печали...
И что-то чудное мерцало мне не раз,
Непостижимое, как тайна звезд далеких,
И все же близкое из этих детских глаз,
Подобно небесам, безгрешных и глубоких.

VI. БУРИ В СТАКАНЕ ВОДЫ

Услышав крик и шум семейной, бурной сцены,
Я голос тетеньки и Даши узнаю,
Почтенной нянюшки, и в комнату мою
Порой доносится сквозь тоненькие стены
Ожесточенный спор. За съеденный калач,
За сломанный стакан, горшочек манной каши –
Вся ярость тетеньки и озлобленье Даши,
Весь этот ад, и крик неистовый, и плач.
Так в кухне каждый день у них едва не драка.
Но тетя на свою противницу глядит,
Храня презрительный и величавый вид,
А Даша – вне себя, она – краснее рака...
Неутолимая, смертельная вражда:
Как много хитростей им нужно и труда,
Чтоб уколоть врага, чтоб чем-нибудь обидеть!
Так только женщины умеют ненавидеть.
С душою деспота, когда бы не жила
В России нянюшка, а в Риме, в век античный,
Она бы сумрачным Тиберием была
Иль грозным Клавдием. Но в век наш прозаичный
Ее владычества не признают. Меж тем
Ей хочется в семье царить и править всем.
И в кофте ситцевой, с надменными губами,
И острым носиком, и хитрыми глазами,
Проворная, как мышь, но с важностью лица,
По дому бегает, хлопочет без конца,
На взрослых и детей кричит, дает советы...

Пророческие сны, народные приметы,
И новости газет, и жития святых,
Секреты кушаний и сплетни о родных,
Рецепты всех лекарств и тайны всех настоек –
Скрывает ум ее, находчив, смел и боек.

И Даша, в нянюшках лет тридцать прослужив,
С любовью в памяти хранит благоговейной
Преданья старины и хроники семейной, –
Житейских случаев – она живой архив.

Расскажет вам о том, как Тата на крестинах
Папаше крестному испортила халат,
И был ли с кашею пирог на именинах
Или с вязигою лет шесть тому назад.

Порой случается, что няня глупой сплетней
Иль даже дерзостью хозяйку оскорбит.
«Я вам даю расчет!..» – ей барыня кричит
В негодовании. Но Даша безответней,
Смирней овечки вдруг становится. В слезах
У доброй госпожи валяется в ногах,
Целует руки ей, и каётся, и молит,
Пока ей барыня остаться не позволит.

Тогда, свой прежний вид обиженный храня,
Начнет она мести и чистить мебель щеткой,
И моет все полы, и делается кроткой
И добродетельной, но только на два дня.

Потом не выдержит, и снова – крики, споры,
И жажда властвовать, и прежние раздоры.
Что делать? Жить она не может без семьи:
Она искахла бы от грусти одинокой
Без тех, с кем ссорится всю жизнь, полна глубокой,
Но скрытой верности и преданной любви.

Одни лишь девочки ей дороги на свете:
И ненавистна всем, презрительна и зла,
Она всю нежность им, всю душу отдала.
И «нянечку» свою недаром любят дети:

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
я знаю, злобные, надменные черты

И хитрые глаза становятся добре, –
Как будто в отблеске духовной красоты, –
А руки жесткие любовней и нежнее,
Когда детей она в уютную кровать,
Крестя с молитвою, укладывает спать.
Опустит занавес, поправит одеяло,
Посмотрит издали в последний раз на них,
И этот взор любви так светел, добр и тих:
«Она не злая, – нет!» – подумаешь, бывало.

VII. МАМА

Она – не модный тип литературной дамы:
«Сонату Крейцера» не может в пять минут
Подробно разобрать и автора на суд
Привлечь, и заключить: «Я здесь не вижу драмы!..»
Не режет в перламутр оправленным ножом
Изящные листы французских книг Лёмерра
И не бранит, гордясь критическим чутьем,
Столь непонятного для русских дам Флобера;
И в светской болтовне, как будто невзначай,
Ни мыслию книжною, ни фразой либеральной
Не думает блеснуть, и, разливая чай,
Не хвалит Рaul Bourget с улыбкою банальной...
В лице глубокая печаль и доброта,
Она застенчива, спокойна и проста,
И, вместо умных книг, лишь предана заботе
О кашле Наточки, о кушанье, дровах,
О шубках для зимы – об этих мелочах,
Что иногда важней серьезных дел. В капоте
Домашнем, стареньком, наружностью своей
Не занимается и хочет некрасивой
И старше лет своих казаться: для детей
Она живет. Но я считал ее ленивой
И опустившейся. Я помню, иногда
Они к ней прибегут: «Пусти нас на качели!»
Но мама много раз клялась, что никогда

Не пустить, а меж тем, они достигнут цели.
«Родная, милая!..» и, наконец, она
Уступит, ласками детей побеждена,
Хоть слышать, бедная, не может хладнокровно,
Как подозрительно скрипят гнилые бревна.
При первой шалости детей она опять
Прибегнуть к строгости решается, горюет,
Что портит девочек, что слишком их балует,
И все-таки ни в чем не может отказать.
Она казалась мне такой обыкновенной,
Такою слабою... Потом я видел раз
Ее в несчастии: я помню, в трудный час,
Почти веселая, с улыбкой неизменной,
Она была еще спокойней. В эту ночь
Лежала при смерти ее родная дочь.
Я чувствовал, что смерть подходит к изголовью
Любимой женщины... Со всей моей любовью
Я был беспомощен и жалок, как дитя.
А мать легко, без слез, как будто бы шутя,
Что нужно делала и что-то говорила
Простое, нежное... На выраженье глаз,
На кроткое лицо взглянув, — какая сила
У этой женщины, я понял в первый раз.

VIII. ПРОЗА ЛЮБВИ

О беззаботная, влюбленная чета!
Что может быть милей? Вы думаете оба,
Что жизнь — какая-то воздушная мечта,
Что будут соловьи вам песни петь до гроба?
Но ведь придется же заказывать обед,
С какой бы высоты на жизнь вы ни взглянули, —
Не меньше страстных клятв необходим буфет,
Белье и утюги, лоханки и кастрюли —
Эмблемы вечные супружеской любви.
Попробуйте пожить вдвоем, — увянут розы,
Потухнет свет луны, умолкнут соловьи

Бывало, с нежностью, поникнув головой,
Шептала ты «люблю», когда звезда в эфире
Струила тихий свет, а ныне... Боже мой!..
«Куда девался рубль и пятьдесят четыре
Копейки?» – юная хозяйка говорит,
Над счетной книжкою приняв серьезный вид.
Увы! таков наш мир... Но хуже всякой прозы –
Упреки в ревности, домашняя война
За первенство, за власть, и сцены, крики, слезы:
«Не хочешь ли гулять?» – мне говорит жена. –
«Я занят, не мешай!» – и мы не в духе оба...
Хандра, расстройство нерв... Из этих пустяков
Выходит глупый спор: предлог уже готов;
В душе – холодная, мучительная злоба.
И мне чрез полчаса, как злейшему врагу,
Жена в отчаянье кричит: «Меня ты губишь...
Уйди... оставь!.. Я жить с тобою не могу!..»
А я в ответ: «Теперь я знаю: ты не любишь!»
И грубые слова, и хлопанье дверей...
А Булька серая, любимый мопс, меж нами
В тревоге бегает, как между двух огней,
И смотрит умными, печальными глазами.
Не правда ль, ты же не весь мир отдать готов,
А кресла мягкого иль книги не уступишь;
Ей счастье на земле ценою жизни купишь,
А не простишь двух-трех пустых обидных слов.
Но тяжелей всего – болезнь: какая мука,
Едва заметив жар, в тревоге пульс считать,
Способность потеряв работать и читать,
И думать. А в душе – томительная скука...
Поставишь градусник, и страшно заглянуть
На цифру, и следишь, тревогою объятый,
Веселым притворясь, как медленная ртуть
Все подымается, и от одной десятой
Проклятых градусов – я чувствую порой –

Зависит жизнь моя, и счастье, и покой...
О, как вы далеки, таинственные встречи
И первая любовь, и безотчетный страх,
Признанье робкое в потупленных очах,
И торопливые, взволнованные речи!..
Вы не вернетесь вновь: простите навсегда!
Но как ни дороги утраченные грезы,
Я знаю: в пошлости, среди житейской прозы
И будничных забот, и скучного труда –
Все крепче с каждым днем, все глубже и сильнее
Моя печальная, спокойная любовь:
Нет, я бы не хотел, чтоб сделалась ты вновь
Такою, как была: ты мне еще милее!
Теперь – пред силою любви моей простой,
Пред этой жалостью друг к другу бесконечной –
Нам кажется почти ребяческой игрой
Тот первый сон любви неопытной, беспечной!..

IX. ОТЪЕЗД С ДАЧИ

Осенний день. В лесу – все мертвенно и пышно:
ни томной иволги, ни зябликов не слышно.
И как в дому, людьми покинутом, полна
Чего-то грустного лесная тишина.
Порой волнуются дрожащие осины,
И солнце заблестит, и листья зашумят,
Как в летний день, но миг – и желтые вершины
Вновь успокоятся и сразу замолчат.
Не пролетит пчела над цветником унылым,
В аллеях падают увядшие листы
И блещут в сумраке, подобно златокрылым
Июльским бабочкам. Как алые цветы,
Два мертвых листика трепещут и краснеют
На голых сучьях. Дождь и карканье ворон,
Солома влажная на избах, небосклон
Туманный... озими лишь ярко зеленеют.
На даче холодно, и потолок течет,

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
И печки скверные дымят, из окон дует,

И даже булочник возить перестает

Свой хлеб, и тетенька на скуку негодует...

В тревоге девочки, – в гимназию пора.

Из ранца вынули учебник запыленный

Сегодня свой урок твердят они с утра:

Знакомый переплет, оборванный, зеленый,

С воспоминанием о страшных, злых глазах

Учителя, опять на них наводит страх.

«Лакедемоняне в бою при фермопилах...» –

Выводит Таточка унылым голоском,

Зевая, морщится и лижет языком

Свой пальчик розовый, запачканный в чернилах.

Но вот уж ломовой приехал. На возу

Навален всякий хлам: там сундуки, игрушки,

Ногами вверх столы, матрацы и подушки,

И клетка с петухом у кучера внизу,

А в самой вышине, как символ дома, яркий

Блистал самовар в объятьях у кухарки.

И с высоты кричит она вознице: «Эй,

Смотри-ка, моего корыта не разбей!»

Собака, хвост поджав, должно быть, в мыслях грустных,

Сидит: увы! пора голодная придет,

Не будет ей костей, не будет корок вкусных.

А дворник, шапку сняв, двугривенного ждет.

С бутылкой молока, закупоренной тряпкой,

Одета в серенький поношенный бурнус,

Но с очень яркою, оранжевою шляпкой,

С подвязанной щекой (осенний дачный флюс),

Хлопочет тетенька и между двух картонок

В коляску бабушку старается втолкнуть.

Слепая, бедная старушка, как ребенок,

Покорна. Все теперь готово. С Богом – в путь!

Но Даша сердится и хочет верх коляски

Поднять: «Что если дождь? не думает никто

О детях!..» В шарфы, плэд, потом башлык, пальто

Она их кутает. Им душно: только глазки
Блестят... Поехали. Уж церковь – за холмом,
Вот роща, где грибов так много, вот паром...
Вдруг тетенька кричит в отчаянье: «Забыла!..
Ах, Боже мой, назад!.. Забыла башмаки!..
Я сбегаю: ведь здесь – недолго... пустяки!..»
Но Даша, полная воинственного пыла,
Вступает в спор, – она ликует больше всех,
Злорадствуя... И крик, и шум, и общий смех...
С улыбкой Таточка на все глядит практично,
И ей на даче ли, в Москве ли – безразлично.
Из хрестоматии французской наизусть
Твердит она урок. А Нате жаль природы,
Прогулок и грибов, и солнца, и свободы!
В задумчивом лице – недоуменье, грусть,
Как будто бы вопрос, зачем в глубокой думе
Так сумрачен и тих – там, на краю небес –
Волшебно-золотой и все же мертвый лес,
Зачем уныние – в поблекшем поле, в шуме
Осенних непогод, и в тучах, и во всем?..
Сердечко бедное в ней чутко встрепенулось, –
Кто знает, может быть, предчувствие проснулось
Того великого, что смертью мы зовем?..

Х. ЧИТАТЕЛЮ

Мне страшно на лицо читателя взглянуть:
«Где собственно герой, завязка, в чем же суть?
И как печатают серьезные журналы
Подобный вздор!.. Какой упадок небывалый!..»
Минутку погоди, мой строгий судия,
Не горячись: ты прав! Мы – слабы, мы – ничтожны.
Все эти новые поэмы – невозможны;
В них скука царствует! Но разве жизнь твоя,
Читатель, веселей? Ты умываешь руки
Во всем, но кто, скажи, виновник этой скуки,
Упадка, пошлости и прозы наших дней?

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
Ты ропщешь, а меж тем всю жизнь тебя нимало

Родной поэзии судьба не занимала.

Что книги!.. для тебя отрадней и милей

Партнер за карточным столом, да оперетка!

Ты любишь фельетон забавный пробежать,

И если шуточка довольно зла и метка,

Привык ты гаэру газетному прощать

Всю пошлость. Ты не прочь от модного скандала,

И надо дерзким быть, чтоб угоджать тебе...

Но что ты любишь? Чем душа твоя страдала?

Когда ты жертвовал, кому, в какой борьбе?..

С умом расчетливым, с душой неверной, зыбкой,

И с этой вечною, болезненной тоской,

И с этой мертвою, скептической улыбкой, –

Вот он, наш судия, читатель дорогой!..

Смотри: мы – казнь твоя, мы – образ твой. Меж нами

Есть непонятная, невидимая связь.

Ты знаешь: до сих пор она не порвалась, –

О, слишком крепкими мы связаны цепями!

Тебя не трогает наш робкий, бедный стих, –

Что делать? Видишь сам: наш мир угрюм и тесен,

Не требуй же от нас могучих, вольных песен, –

Они – не для тебя, ты недостоин их!

Теперь расстанемся... Но, кажется, с дороги

Я сбился и зашел Бог весть куда. Сейчас

Я кончу. Вот – вся мысль поэмы. В эпилоге

Я повторяю то, чем начал мой рассказ.

XI. ПОЭЗИЯ БУДНИЧНОЙ ЖИЗНИ

Где два, три дерева, там – целый мир пред нами,

Там всей природы жизнь, там вся ее краса,

И бесконечные синеют небеса,

Сквозя меж темными, поникшими ветвями, –

Так двух иль трех людей довольно, чтоб порой,

В житейской пошлости великое, святое, –

Что есть у всех, – любовь просветом в мир иной

Сияла, вечная, как небо голубое!

1890

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ПРИРОДЕ Драматическая сказка

действующие лица:

Базилио – правитель страны. Сильвио – его сын. Клотальдо – приближенный Базилио. Шут. Придворные. Военачальник. Виночерпий. Казначей. Беатриче – куртизанка. Дамы, фрейлины. Пажи. Эстрелла – молодая фрейлина. Народ, ремесленники, воины, горожане и др.

Действие происходит во владениях Базилио, в сказочной стране.

Внутренность высокой башни[11]

Перед открытым окном, в которое виднеется звездное небо, стоят Базилио и Шут.

Базилио

Неведомая творческая Сила
Во всех мирах бесчисленных явленья
В одну живую цепь объединила,
И в цепи той небесные светила –
Последние сверкающие звенья.
Туда, туда, к ночному небосводу
С несметными лампадными огнями
Летит чрез все века, чрез всю природу
Движение незримыми волнами, –
Так зыбь от камня, брошенного в воду,
Широкими расходится кругами.
Все выше, выше к сумрачной лазури
Возносится и детский слабый лепет,
И гром лавин, и рев могучей бури,
И над прудом плакучей ивы трепет.
В безмолвных звездах будущее дремлет.
Как в золотых клубках, в них скрыты нити
Изменчивых, неведомых событий...

.....
(входит Вестник.)

Вестник

Поздравить я пришел, о царь самодержавный,
Страница 180

Тебя с наследником твоей короны славной!

Базилио

Вели скорей коня седлать!

Я к ним лечу, бегу обнять

Младенца милого и мать.

(Вестник уходит.)

Но нет, о сердце, не за тем

Сюда пришел я: глух и нем

К земному счастию мудрец.

Я не супруг, я не отец,

Я здесь не счастлив, не люблю

И радость в сердце подавлю.

Во тьму времен гляжу теперь,

Как в распахнувшуюся дверь.

И вас молю я в тишине,

О сонмы звезд, откройте мне

Новорожденного судьбу,

Науки верному рабу.

(Идет к окну, смотрит на звезды и составляет гороскоп.)

О горе мне! Среди небес,

Как в складках порванных завес,

Над краем сумрачной земли

Комета вспыхнула вдали.

И мир смятением объят,

Бледнеют звезды и дрожат

Пред тем, чтоб в ужасе упасть

В ее зияющую пасть.

Мой сын – злодей, мой сын – тиран

И, жаждой крови обуян,

Как зверь, кидается на всех.

Разврат... и оргий дикий смех...

Мятеж, – и царство, как в огне, –

В братоубийственной войне.

Но чем младенец виноват,
За что невинного казнят?
Пока беда висит над ним,
Он дремлет, чистый херувим,
Без дум, без воли и греха –
И колыбель его тиха.

Я не пророк, я не мудрец,
Я только любящий отец,
Но что порыв моей любви?
Что слезы жалкие мои?..

Все видеть, чувствовать и знать –
И покоряться и молчать!..

(входит Клотальдо, королевский канцлер.)

Клотальдо

Тебя с наследником, мой царь,
Поздравить я пришел...

Базилио

Клотальдо, я не царь.
Ты знаешь ли пред кем, благоговея,
Колена ты склонил?.. Перед отцом злодея!..

Клотальдо

Кто лживый, дерзостный пророк,
Кто царский дух смутил лукавыми речами,
Кто нечестивыми устами
Судьбу ужасную наследнику предрек?

Базилио

Он тот, кому и мстить я не могу!
Что мой палач, моя секира
Созвездьям вечного эфира –
Неодолимому врагу!
Увы! от них какие брони,
Какие крепости спасут,
От их безжалостной погони

Какие бешеные кони
добычу рока унесут?

Клотальдо

Тебе ли, царь, склониться в детском страхе
Под иго случая главой покорной?
Взгляни – ничтожный червь и тот во прахе
С врагом пред смертью борется упорно.
Ты сам себя, о смертный, будь достоин.
Коль надо пасть, – пади на поле брани,
Бразды судеб сжимая в твердой длани,
Лицом к врагу, как побежденный воин!

(Базилио в глубоком раздумье.)

Шут

(напевает про себя)

Если б капля водяная
Думала, как ты,
В час урочный упадая
С неба на цветы,
И она бы говорила:
«Не бессмысленная сила
Управляет мной.
По моей свободной воле
Я на жаждущее поле
Упаду росой!»
Но ничто во всей природе
Не мечtaет о свободе,
И судьбе слепой
Все покорно – влага, пламень,
Птицы, звери, мертвый камень;
Только весь свой век
О неведомом тоскует
И на рабство негодует
Гордый человек.
Но увы! лишь те блаженны,

Сердцем чисты те,
Кто беспечны и смиренны
В детской простоте.
Нас, глупцов, природа любит,
И ласкает, и голубит,
Мы без дум живем,
Без борьбы, послушны року,
Вниз по вечному потоку,
Как цветы, плывем.

Базилио

(выходя из задумчивости)

Клотальдо, что же делать?

Клотальдо

дай мне сына.

От мира надо скрыть ребенка твоего,
Народу возвестив, что ранняя кончина
Похитила его.

И тихо заживу я с ним в уединенье;
Мой царь, мой друг, доверься мне:
Его, как нежное растенье,
Я воспитаю в тишине,
Не будет горестной его простая доля:
Не лучше ль всех корон – сердечный мир и воля –
В глуши неведомых лесов,
Вдали от шумных городов?..
О, если гложут нас бессонные печали
На ложах пурпурных и в мраморных дворцах,
О, если мы одну, одну лишь скорбь познали
В заветах мудрости, в богатстве и пирах, –
Быть может, нет ли там от жгучих дум спасенья,
Здоровья, счастья и забвенья
Там, в простоте, в затишье лугов,
Где на заре последняя былинка
И одинокая росинка

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
Так жадно солнце пьют, так счастливы без слов!..

Отдай младенца мне!..

Базилио

Ты прав.

Мне долг велит – иного нет исхода –

Все чувства нежные поправ,

Пожертвовать младенцем для народа.

Но все ж я человек... о, слишком тяжело

Гнетет корона золотая,

И клонится к земле, изнемогая,

Под бременем венца усталое чело.

(Базилио и Клотальдо уходят.)

* * *

Скалы, покрытые лесом

У входа пещеры Клотальдо.

(После первой сцены прошло восемнадцать лет.)

Клотальдо

Уж вечереет; солнца луч

Не так отвесен, бел и жгуч;

И золотистый, мягкий свет

Какой-то благостью согрет.

Как пар, волнуясь над землей,

Еще тяжелый дышит зной

На голой, розовой коре

Огромных сосен на горе,

На серых мертвых лишаях,

На диких выжженных камнях.

А там – меж ясеней немых,

дубов и вязов вековых –

Уж ночь зеленая: там – тень

И усыпительная лень;

Там на гнилой коре стволов

Наросты влажные грибов,

Там слышен вздох уснувших фей –

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
То между спутанных ветвей

Журчит невидимый ручей
И нежный мох кропит росой...
Но луч прорвался золотой
В ту ночь, – и блеском залита
Стрекоз влюбленная чета...
О, как прекрасен Божий мир,
Как чист сияющий эфир!..
Природа молится и ждет,
Что ангел мира снизойдет,
И небо говорит «прости»
Земле пред тем, чтоб отойти
Ко сну... пред тем, чтоб задремать,
Они целуются; так мать,
От колыбели уходя,
В последний раз свое дитя,
Чтобы спалось ему светло,
Целует в сонное чело.

(Вдали появляется Сильвио.)

Вот и Сильвио, под мехом,
С луком звонким и копьем,
Он добычу мчит со смехом,
С торжествующим лицом.
То с блестящими клыками
Окровавленный кабан;
С этой ношней над скалами
Мчится юный великан.

(вбегает Сильвио.)

Клотальдо
С добычей, Сильвио!

Сильвио
Весь день среди болот
Сегодня я блуждал; в траве, во мхах, в трясине

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
Искал я с жадностью чуть видимых примет,

Стоял до пояса в гнилой зловонной тине,
Чтоб зверя в камышах найти пахучий след...
Но тщетно! тиши кругом; над головой жужжала
Лишь туча комаров; ни знака, ни следа;
И ослепительно недвижимо дремала
Под пленкой радужной стоячая вода.
И сон, и блеск в очах; ослабевало зренье...
Вдруг – шелест в тростнике... О, сладкое мгновенье!
Как сердце дрогнуло! едва сдержал я крик
Безумной радости, как зверь, могуч и дик,
Я к зверю кинулся, вонзил мой дротик в спину
И кровью обагрил косматую щетину.
От боли он завыл и прыгнул на меня;
Я спрятался за пень, – то был мой панцирь крепкий, –
И белые клыки, раскидывая щепки,
Вонзились в дерево расколотого пня.
Как змей, одним прыжком я бросился, проворный,
К врагу; хребет ему коленами сдавил –
И впёрь к земле приник: он из последних сил
Рванулся; но меж игл щетины непокорной
Я в ребра острый нож чудовищу вонзил.
И, сердце щупая, предсмертным трепетаньем
Упился с жадностью, и пальцы погружал
Во внутренности, в кровь, лицо к ним приближал
С неведомым, но сладким содроганьем.

Клотальдо

Опомнись, Сильвио... Я вижу в первый раз
Такой зловещий блеск у этих милых глаз –
В них что-то чуждое мелькнуло... Что с тобою?
О, сын мой, не давай ты овладеть душою
Жестокости...

Сильвио

Прости, увлек меня рассказ...

Не правда ли, не мог ты наслаждаться кровью?
О, я воспитывал тебя с такой любовью,
Ты зла, людского зла не видел с первых лет.
Когда затравлен зверь и, раненный смертельно,
К тебе подымет взор с тоскою беспредельной,
Тот ясный, страшный взор, где мысли виден след,
Ты жалость чувствуешь к нему, не правда ль?

Сильвио

Нет!

Мне никогда рука не изменяет,
Не дрогнет верный меч!

Клотальдо

Но зверь страдает,

Страдает он, как ты...

Сильвио

Какое дело мне!

Кто хочет жить – борись в безжалостной войне!
Смерть – побежденным! Прав лишь тот, кто побеждает.

Клотальдо

Но жалость лучшее, что есть в сердцах людей...

Сильвио

В лесу я никогда не видел состраданья,
В лесу мы счастливы победою своей,
И падшего врага нам сладостны стенанья!

(Клотальдо в ужасе смотрит на Сильвио.)

* * *

Зал во дворце

Базилио и Клотальдо.

Базилио

Благодарю тебя за преданную службу,
Но я прошу, как царь и любящий отец,

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
Теперь в последний раз ты докажи мне дружбу

С царевичем скорей вернитесь во дворец.

Клотальдо

О сжался, сжался, друг, над нами...

Ужели в бездну мой цветок

я брошу старыми руками,

чтоб растерзал его волнами

Ваш мутный, бешеный поток!

Базилио

Он сын мой...

Клотальдо

Нет, он мой – по праву,

Я жизнь, я счастье дал ему...

Базилио

Я дам престол, отчизну, славу...

Клотальдо

Ты заточишь его в тюрьму.

Как будто здесь, в роскошной клетке,

В унылых мраморных дворцах,

Забудет птица о полях.

О колыхающейся ветке,

О беспредельных небесах!..

Базилио

Я должен на краю могилы

В последний раз обнять его...

Старик, терпеть нет больше силы –

Отдай мне сына моего!..

(Король и Клотальдо уходят. Входит толпа придворных, дам и шут.)

Дама

Флакон, скорей флакон духов...

Я зверя видела: как лунь, седой, косматый,

Со взором бешеным, под шкурою мохнатой,

Он шел за королем; и от его шагов

Вся мраморная лестница дрожала.

Молодая дама

Едва я в обморок от страха не упала...

Кавалер

О да, синьора, видел я:

Позвали вы к себе хорошенъкого пажа,

Чтоб распустить шнурки атласного корсажа.

Царедворец

А между тем, вы знаете ль, друзья,

Что этот варвар, зверь двуногий –

Любимый канцлер короля!..

Старая дама

Не может быть! Клотальдо?

Царедворец

Да.

Старая дама

О, боги!

Куда стремишься ты, развратный век!

Увы! мне этот бедный человек

Воспоминаниями дорог:

Я помню времена – тому уже лет сорок –

Когда Клотальдо был блестящий кавалер,

Исполненный приятнейших талантов,

Ума, изящества и грации пример:

Он первый моду ввел из крупных бриллиантов

Носить большие пряжки на чулках

И к шпагам золотым серебряные ленты.

Бывало, как зефир, он мчится на балах;

Какие нежные шептал он комплименты –

И вдруг – Создатель мой – теперь, на склоне лет,

Он зажил диким зверем со зверями,

Какие времена! О, что-то будет с нами!

Царедворец

Осмелюсь ли, синьоры, перед вами
Его преступное ученье изложить:
В деревню он зовет работать с мужиками,
На лоне любящей природы жить;
Чтоб для какого-то неведомого братства
Мы бросили чины, и службу, и богатства,
Чтоб наравне с последним батраком
Мы, графы и князья, навоз в полях возили,
Чтоб фрейлины двора ходили за скотом,
И чтоб – простите мне – коров они доили!..

Старая дама

Какая дерзость!..... .

Молодая дама

Нет, вы сердитесь напрасно;
Охотно бы ушла я с ним в долины, в степь,
Мечтать, грустить, внимать свирели сладкогласной,
Глядеть на твой закат, о лучезарный феб...
Плела бы я венки, пастушкою гуляла,
Соломенная шляпка мне пристала,
И, право, я люблю горячий хлеб.

Кавалер

я буду спутник ваш, Анета, –
Уйдем туда, под тень лесов;
Хотя мне жаль немногого света,
И маскарадов, и балов –
Но рад я скрыться от укоров
Родни озлобленной моей,
От беспощадных кредиторов
И от проклятых векселей!

* * *

Среди обнаженных скал над пропастью
Клотальдо указывает Сильвио на пролетающего орла.

Клотальдо

Взгляни, мой сын, орел над нами,
Покинув скучный дольний мир,
Стремится плавными кругами
В недосягаемый эфир.

Сильвио

Отец, я догоню орла,
Взберусь на каменные кручи,
Его настигнет в самой туче
Моя пернатая стрела!

Клотальдо

Он обгонять умеет бури;
Не раз он в вихре грозовом
Встречал, как ласку, Божий гром,
Дитя заоблачной лазури!..

Сильвио

Ужели робкий, пристыженный
Смотреть я молча осужден,
Как в небесах исчезнет он,
Лучами солнца озаренный,
И отомстить ему нет сил...

Клотальдо

О, если, друг мой, разлюбил
Ты нашей скромной жизни сладость, –
Есть мир иной, иная радость...

Сильвио

Как я беспомощен и слаб!

Клотальдо

О чём ты слезы льешь?

Я раб...

.....
Клотальдо

Вина отведай...

(Подает ему кубок с сонным напитком. Сильвио пьет.)

Сильвио

Лучшей доли

Я не узнаю никогда!..

Среди томленья и стыда

Я должен вечно жить в неволе!..

Клотальдо

Скажи, о чём твоя печаль,

Чего ты хочешь?

Сильвио

Сам не знаю...

Я рвусь душой куда-то вдаль,

Но силы нет – и я страдаю...

О, если б мог, я б полетел

Туда, в заоблачный предел...

(Сильвио лежит на скале и молча смотрит на небо. Потом глаза его под действием сонного напитка смыкаются, и, засыпая, он говорит с улыбкой.)

Сильвио

Я крылья чувствую, и рада

Душа подняться от земли...

Прощай!.. Уж грохот водопада

Едва мне слышен издали...

Как сладко, страшно... Сердцем чую

Я беспредельное кругом,

Но выше... выше... и орлом

Лечу я в бездну голубую!..

(Засыпает; являются слуги и уносят его.)

Клотальдо

(один)

дитя мое, прости!

* * *

В королевском дворце

Толпа придворных и дам. Сильвио. Шут.

Сильвио

О где я? Что со мной? Ужель все это сон?..

За миг лишь перед тем уснул я над стремниной,

Беспомощный, нагой, под шкурою звериной, –

И вдруг мелодией волшебной пробужден –

Я не в глухом лесу, а в царственном покое,

Над головой моей – не синева небес,

А складки голубых, таинственных завес,

Не камни подо мной, а ложе золотое...

И девушки, склонив серебряный сосуд,

Мне воду розовую льют.

Благоуханьями обрызганного тела

Их руки нежные касаются порой,

Мне кудри расчесал их гребень золотой,

И ткань пурпурная, как облако, одела

Мне члены мягкою, ласкающей волной.

Шут

Еще вопрос никем доныне не решен,

Где твой конец, о Жизнь, твое начало, Греза,

Где бред мечтателей, где будничная проза,

Где – истина, где – ложь, действительность и сон:

Все в этом хаосе подвижно, мутно, слито,

И вереницею полубезумных снов,

Как бледно-радужной гирляндою цветов,

Существование волшебно перевито.

Не вдумывайся в жизнь, разгадки не найдешь,

Коль можешь верить – верь в пленительную ложь.

Сильвио

Кто ты?

Шут

Я шут.

Так люди мудрецов непонятых зовут.

Сильвио

Но что ты делаешь?

Шут

Смеюсь я надо всем.

И ни любовью, ни врагами,

Как буревестник над волнами,

Как вольный вихрь, – не связан я ничем.

Смеюсь над верой и неверьем,

Смеюсь над глупостью людей,

Над рабством, злом и лицемерьем,

И над величием королей.

Я полон дерзостной отваги,

Я здесь презреннейший из всех, –

Но прямо в сердце, лучше шпаги,

Разит ударами мой смех!..

Первый министр

(на пурпурной подушке подает Сильвио корону)

Великий государь, в благоговейном страхе

Позволь склониться мне и к трону подойти,

Чтоб здесь, у ног твоих, во прахе

Тебе корону поднести.

Верховный судия

(на подушке подносит Сильвио золотой скиптр)

Вот скиптр, могучий царь, твой грозный атрибут.

Пускай же под его хранительною сенью

Все добродетели в стране твоей цветут

И, длань царственной покорны мановенью,

К тебе, наш судия, на неподкупный суд

Земные племена, как воды, притекут!

Шут

Я видел грозного судью;
Упитанный и жирный,
Склонил он голову свою
С улыбкой детски мирной.
Недаром лик его так горд
И потом блещет ярко:
Он переваривает торт
И трюфели с пуляркой.
Очки сползли, и взор померк,
И на нос муха села;
Не слышит он, как тощий клерк
Пред ним читает дело...
Судья так громко захрапел,
Что вдруг прервалось чтение дел,
И муха улетела...

Главный казначей

(подносит Сильвио червонцы)

Вот золото, мой царь.

Сильвио

Как блещут эти свитки,
Как весело звенят они в руках!

Казначей

В подвалах у тебя, в железных сундуках,
Мерцая, тихо спят нетронутые слитки
И только слова ждут, чтоб вырваться на свет
И загреметь дождем сверкающих монет.
Их схватят с жадностью протянутые руки,
Благословят тебя промышленность и труд,
Искусства вольные, ремесла и науки,
Как розы, — мертвые пустыни расцветут.
Возникнут фабрики, театры и музеи.

И смелый рудокоп во внутренность земли
За жилой золотой пророет галереи,
И с моря синего примчатся корабли.
Здесь, в золоте твоем, владыка всемогущий,
Таится, как зерно, весь этот мир цветущий!

Сильвио

(рассматривая золото)

Так вот где ключ к сердцам людей!
Но нет, не верю я, чтоб эта горсть металла
Игрушка жалкая, достойная детей, –
Такою властию над миром обладала...

Виночерпий

(подает Сильвио кубок)

О, дай мне только знак – и брызнет из бочонков
Кипящее вино, и в белых колпаках,
Над жаркою плитой, с кастрюльками в руках,
Забегает толпа проворных поваренков,
И чудный аромат из кухни долетит.
Под крышкой золотой дымящиеся блюда
На снежной скатерти заискрятся, и груда
Прозрачных хрусталей на солнце заблестит.
Великий государь, отпразднуй новоселье,
Вели устроить пир.

Сильвио

Да здравствует веселье!

Я всех на пир зову!..... . . . .

(Придворные толкают друга друга и теснятся к трону.)

Первый

Быть стольником твоим мечта моя, король!

Второй

Фазанов поставлять на кухню мне дозволь!

Третий

В моих озерах водятся форели...

Четвертый

Гранаты у меня в садах давно созрели!..

Первый

Будь милостив, мои владенья округли...

Второй

Оклады увеличь слугам твоим покорным...

Третий

Назначь меня, король, поставщиком придворным...

Четвертый

Меня подрядчиком...

Пятый

Мне денег...

Шестой

Мне земли...

Шут

Мухи роем облепили

Сладкой патоки горшок,

Волки с воем обступили

Жирный лакомый кусок...

Придворный

что думает король о женщинах?

Другой

А вот

Посмотрим: фрейлина к монарху подойдет,

Чтоб испытать его.

Молодая дама

(склоняясь перед Сильвио и целуя его руку)

О, дай рабе смиренной

Коснуться, государь, руки твой священной.

Сильвио

(в волнении, наклоняясь к даме)

Прижать тебя хочу я к пламенной груди...

Дама

При всех, король?..

Сильвио

Так что ж?

Дама

(убегая)

Мне стыдно...

Сильвио

Погоди,

Красавица, вернись!..

Церемониймейстер

Опомнись, принц!

Сильвио

Прочь руки!

Бегу за ней!..

Церемониймейстер

Что скажет свет!..

Сильвио

Я полон сладкой муки...

Церемониймейстер

Ты нарушаешь этикет...

Кавалер

Бедняк!

Старая фрейлина

(тихо с ужасом)

Он пьян!

Кавалер

Но не вином, любовью!

Второй кавалер

К кому?

Первый

К той даме молодой.

Одна из фрейлин

Счастливица!

Вторая

Как быстро!

Третья

Боже мой!

Играть беда с такой горячей кровью!

Вторая

Как порох вспыхнул...

Третья

да, не то

Что наши франты...

Четвертая

При дворе никто

Не мог бы с ним поспорить в этом деле.

Придворный

А ловко мы его на удочку поддели!

Другой

Он наш вдвойне: к нему нашли мы два пути –

Вино и женщин...

Церемониймейстер

(на ухо Сильвио)

Государь, прости, –

На пару слов: скажи, кого ты любишь боле,

Брюнеток иль блондинок? принц, по воле
Твоей доставить я готов
Красавиц лучших в целом свете
Всех возрастов, племен, наречий и цветов!..
Уж и теперь в моем букете –
Немало чудных роз и лилий на примете.

Маршал

(склоняясь и подавая Сильвио меч)
Солдаты ждут, возьми твой меч,
И за тобой пойдем мы следом...
Полки в огонь кровавых сечь
На страх врагам веди к победам.

Шут

(напевает)
«На чарку водки, куманек!» –
Робер зовет Жуана;
В таверне слышится: чок-чок,
Веселый звон стакана.
Но вот подрался царь с царем,
Робер Жуану стал врагом;
Уж не под звон стакана –
В лихом бою, как с зверем зверь,
Два друга встретились теперь
Под грохот барабана,
Робер приятеля убил
И крест за подвиг получил,
Робер убил Жуана...
Снопами валятся тела,
И не осталось ни кола
От вражеского стана;
Ура, победа! Но никто
Не объяснил бы нам, за что
Робер убил Жуана.

Маршал

Монарх, ты грозный вождь бесчисленных полков,
явись же к ним на миг и взором их обрадуй!
За долгие года лишений и трудов
да будет твой привет им лучшею наградой.
Взгляни, вот рать твоя!

(отдергивает занавес, – и с террасы открывается вид на площадь, покрытую войсками.)

Войска

да здравствует наш царь!

Сильвио

И это – не мечта, не ложь, не сновиденье!..

Я царь!.. В самозабвенье

Как сладко повторять мне гордые слова...

И кружится над бездной голова...

Рабы, я принимаю

Ваш блещущий венец бестрепетной рукой,

И над простертою у ног моих толпой

Я скиптр высоко подымаю!..

Все

да здравствует наш царь!

(король и придворные уходят.)

* * *

Зал во дворце

Входят двое придворных, разговаривая.

Первый

Каков наш принц!.. И день и ночь похмелье!

Не только всех вельмож – он дам перепоил,

В разбойничий вертеп чертог свой превратил:

Разврат, безумство, пьяное веселье...

Второй

Толпа гуляк, по городу блуждая,

Врывается порой, как бешеная стая,

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
В дома почтенных горожан, —

и бьет, что под руку попало, наш буйн, —

Лакеев, рыцарей, посуду.

Беда красавицам и бочкам сладких вин:

И в кладовых, и в девичьих — повсюду

Хозяйничает он, как полный властелин.

Не быть добру...

Первый

А слышали вы новость?

Он с нашим добрым старым королем

дерзнул выказывать надменную супровость.

Его поссорили с отцом.

Второй

За что?

Первый

Он раздражен интригами и сплетней;

Узнал он, что отец венца его лишил

По воле рока и светил;

С тех пор он каждый день мрачней и неприветней.

Второй

Шаги... Прощайте...

(Входят Сильвио, придворные и Шут.)

Шут

Таков удел земной: природа для людей

Заемодавец беспощадный.

И все один процент — сто на сто — платят ей

За каждый светлый луч, за каждый миг отрадный,

Кто бы ни был должником — сапожник иль король.

Вчера любовь, вчера веселье, —

Сегодня скука и похмелье,

И мудрость поздняя, и головная боль.

Сильвио

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
Бездельники, льстецы и дармоеды,

Так вот как служат королю!
Где хохот, шутки и беседы?
Я лиц унылых не терплю.
Пляшите, смейтесь – чем хотите –
Умом иль глупостью – царя развеселите!..
Найдите для меня игру, забаву, труд...
Что делают у вас, когда не спят, не пьют
И не целуются с красотками?..

Канцлер

Великий

И доблестный порыв премудрого владыки
Мы все приветствуем; твой юный дух растет
И жаждет к подвигам направить свой полет.

Дерзну ль, монарх, к делам правленья
Привлечь твой милостивый взгляд:
Мои бумаги, повеленья
Давно без подписи лежат.

Взглянуть на них царю не будет ли угодно?
Вот кипа пыльных, старых дел:
Когда б просить тебя я смел,
Чтоб ты, пожертвовав минуткою свободной,
Хотя б важнейшие бумаги просмотрел...

Сильвио

Подать мне свитки.

Канцлер

Вот, мой царь.

Сильвио

(бросая свитки)

Возьмите их, солдаты,
Скорей в огонь весь этот хлам проклятый
И пепел по ветру разведите!

Канцлер

Государь,
Здесь важные дела!

Сильвио

Повелеваю,
Чтоб по всему подвластному мне краю
дела и рапорты, какие б ни нашли –
Рукою палача немедленно сожги.

(Солдаты, взяв бумаги, удаляются.)

Где мой шут? О нем тоскую...
Мой дурак – умнее всех.
Спой мне песенку простую,
дай услышать вольный смех!

Шут

(напевает)

то не в поле головки сбивает дитя
С одуванчиков белых, играя:
то короны и митры сметает, шутя,
Всемогущая Смерть, пролетая.

Смерть приходит к шуту: «Собирайся, дурак,
я возьму и тебя в мою ношу,
И к венцам и тиарам твой пестрый колпак
В мою общую сумку я брошу».

Но, как векша, горбун ей на плечи вскочил,
И колотит он Смерть погремушкой,
По костлявому черепу бьет, что есть сил,
И смеется над бедной старушкой.

Стонет жалобно Смерть: «Ой, голубчик, постой!»
Но герой наш уняться не хочет,
Как солдат в барабан, бьет он в череп пустой,
И кричит, и безумно хохочет:
«Не хочу умирать, не боюсь я тебя!
Жизнь, и солнце, и смех всей душою любя,
Буду жить-поживать, припевая:

Гром побед отзвучит, красота отцветет,
Но дурак никогда и нигде не умрет –
но бессмертна лишь глупость людская!»

Сильвио

Спасибо, шут, ты рассмешил меня.
Исчез похмелья чад тяжелый.
Вина, рабы! За пир веселый,
Скорей за стол, друзья!

Старый слуга

(выходя из толпы)
Побойся Бога!..

Сильвио

Берегись!..

Слуга

Чего

Беречься мне? Меча и скиптра твоего?
Когда еще, мой принц, вас не было на свете,
Ни крови не щадя, ни сил,
Во брани, мире и совете
Народу моему я правдою служил...

Сильвио

Молчи!..

Слуга

Мой долг свершу я до конца,
И я скажу тебе, как старый воин:
Ты недостоин
Великого отца!

Сильвио

Молчи!

Слуга

Молчать мне поздно,

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
довольно я терпел, нет больше сил молчать,

Клянусь – пред истиной грозной,

Тебя заставлю я дрожать!

И знай, не защитят от праведного Бога

ни грозные полки, ни шайки палачей:

Небесный гром найдет и за стеной чертога

Тебя, убийца и злодей!..

(Сильвио кидается на слугу и закалывает его. Придворные разбегаются, на сцене остаются Сильвио и Шут. Входит Базилио.)

Базилио

Кровь – на руках его!.. О, сила

Жестокая, над участью людей

Царящая, Судьба! не отдавайся ей,

Борись, дитя мое...

Сильвио

Не рок и не светила,

А прихоть старого глупца

Меня лишила

Престола и венца.

Не обвиняй судьбы: не ты ль, отец преступный,

По мнимой воле рока и светил

Меня в неведомых лесах похоронил?

И брошенный в пустыне недоступной,

Как сорная трава, я рос... И вот, теперь

Ты удивляешься, что дик я и мятежен,

И непочтителен, и не довольно нежен...

Кого мне почтить, кого любить?.. Я зверь!..

Ни совести, ни Бога, ни отчизны

Нет у меня: ты сам лишил меня всего!..

И мне ли слушать укоризны

Мучителя, тирана моего!

Базилио

Мой сын, ты опьянен могуществом и властью,

Но знай: изменчив рок, не доверяйся счастью.

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
Величие царей и слава промелькнет,

Как тучка на заре, мгновенно потухая,

С чела корона золотая

И пурпур с плеч твоих спадет.

И ты останешься забытым, одиноким,

И ты очнешься вновь, могучий грозный царь,

В глухи немых лесов – неведомый дикарь,

И будет трон тебе казаться сном далеким...

Прости, мой бедный сын, прости навек!..

(Базилио уходит и за ним Сильвио в глубоком раздумье.)

Шут

(один над трупом слуги)

Нет, не буду унижать

Шутки вольной. Вы богаты,

Золоченые палаты...

Только нечем здесь дышать!

Я помчусь, отваги полный,

Прочь из клетки золотой,

Окунусь, как рыба, в волны

жизни бедной и простой!

Царедворцев знаменитых,

Гордых рыцарей и дам

За отверженных, забытых

Я так радостно отдам.

И по бургам, и по селам

Вместе с труппой кочевой

Стану циником веселым

Я бродить в толпе людской.

Под дощатым балаганом,

С арлекином полупульяным

Буду счастлив я душой.

Здравствуй, бедность, здравствуй, воля,

Аромат ночного поля,

Ястреб в небе голубом,

И грачи, и скрип телеги,

И цыганские ночлеги

За пылающим костром!..

* * *

Пир

Сильвио, кавалеры и дамы. В стороне Базилио, инкогнито, в темном плаще, и
Виночерпий

Базилио

(тихо)

Вот яд. Но волю нашу

Исполнишь ли ты, раб?

Виночерпий

Царь, нет слуги верней

Меня...

Базилио

Так знака жди, и в чашу,

По манию руки моей,

Ты принцу Сильвио отравы сонной влей.

(в другом конце залы разговаривают двое придворных.)

Первый

Кто эта девушка, синьор, что с принцем рядом

Сидит на троне золотом?

Она – царица гордым взглядом

И повелительным челом.

Второй

Как, вы не знаете? То лучший перл в короне;

В одном из кутежей король ее нашел

В каком-то уличном притоне,

И, фрейлинам назло, блудницу он возвел

На опозоренный престол.

Беатриче

(подходя к окну и откидывая занесу)

Что боитесь вы рассвета?

И с зарей потоки света
В залу душную впустите!
Солнце, солнце! Меркнут свечи,
Ветерок подул из окон,
И дрожат нагие плечи,
Золотистый вьется локон...
Но зачем же ваши очи
Малодушно пред зарею
Ищут тени, ищут ночи,
Как пред грозным судиею?

(Беатриче подымает кубок и обращается к Сильвио).

За подвиги твои грядущие я пью!
За Сильвио-вождя я тост провозглашаю
И чашу полную мою
Навстречу солнцу подымаю!

Сильвио

За победы!..

(По знаку старого короля Виночерпий подает Сильвио кубок с ядом; он его выпивает. После молчания.)

...Глаза застилает туман...
Тише... слышите, ржут где-то кони...
Вот и трубы звучат, и гремит барабан,
И, как молния, вспыхнули брони...
Легионы, вперед! Проношусь я грозой,
И бегут племена и народы –
Как пески перед самумом, бегут предо мной,
И как бурей гонимые воды!

(Чаша падает из его рук, и он склоняется, одолеваемый дремотой.)

Я весь мир победил, я бессмертен, как Бог.
Подо мной, пресмыкаясь во прахе,
Где-то там, далеко, у подножия ног,
Мне вселенная молится в страхе,

Выше, выше... Не видно земли, и кругом

Беспредельное сердцем я чую,

И несут меня крылья, несут... и орлом

Прямо в бездну я мчусь голубую!..

(Засыпает. Базилио, сбросив плащ, является в царском одеянье. Все перед ним преклоняются. Он подходит к Сильвио и снимает с него корону).

Король

Вот человек: он стремился к величию и власти,

Людям и Богу грозил он рукой дерзновенной,

душу его волновали могучие страсти;

Мало казалось для них необъятной вселенной...

Где же, герой, твои смелые, гордые мысли,

Силы, надежды?..

Руки повисли,

Сомкнуты вежды...

Меч и несметное войско, и гром твоей славы –

Вся твоя сила

Не победила

Капли отравы!

Все, что так жаждал обнять ты душой ненасытной, –

Все улетело,

И беззащитно –

Жалкое тело.

Вот – наша доля!.. Какая-то вечная Сила,

Скрытая тайной,

Нас одарила

Жизнью случайнай.

Не для себя – для нее мы живем и страдаем,

Полны томленья,

И улетаем,

Как сновиденья!..

(Слуги уносят спящего Сильвио.)

* * *

Обнаженные скалы в пустыне

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
Сильвио спит под звериной шкурой; над ним стоит Клотальдо, указывая ему на небо.

Сильвио

(открывая глаза)

Где я?..

Клотальдо

Орел давно исчез.

Потухло солнце за горами...

Светила бледные с небес

Взирают кроткими очами.

Проснись!..

Сильвио

Где мой престол?..

Клотальдо

Дитя,

Опомнись: жадными очами

За птицей гордою следя,

Здесь, над угрюмыми скалами,

Уснул ты в полдень золотой, –

Теперь уж ночь – пора домой.

Сильвио

Так это был лишь сон!..

Клотальдо

Но что же

Во сне ты видел, сын мой?

Сильвио

Боже,

я видел блещущий дворец,

Неодолимую державу...

я видел пурпур и венец,

Могущество, победы, славу...

Клотальдо

Сильвио

Нет, лучше – смерть!

Клотальдо

Мой друг,

Взгляни, как ясен мир природы,
Как спят озера немые воды,
И гор знакомый полукруг...
Туман клубится, и над бездной
Едва блестят меж облаков
Под тихим светом ночи звездной
Громады вечные снегов...

Сильвио

(не слушая)

Стремиться к подвигам великим,
Достигнуть трона, счастье, власть
Держать в руках – и сразу пасть,
И пробудиться зверем диким, –
Насмешка горькая! .. . . . .

.....

(плачет)

Но если все, чему так твердо
Я верил – сила, красота,
Любовь, величье власти гордой –
Неуловимая мечта,
И жизнь, как молния, умчится, –
То где ж не призрак, не обман,
Не мимолетная зарница
И не блистательный туман?..
Быть может, сон – и эти горы,
Луга, долины, небеса...
Быть может, призрак – и леса,
И звезд таинственные хоры, –

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
Весь мир – создание мечты,

И все величие вселенной

Над бездной вечной пустоты –

Лишь отблеск радуги мгновенной...

Куда несется жизнь моя

Над беспредельным океаном,

Как налетевшим ураганом

Полуразбитая ладья?

Опоры нет: под бурей вечной,

Как искра, меркнет свет ума...

Бессилье, ужас бесконечный,

И одиночество, и тьма!..

Лес родимый! я спрячусь в безмолвье твоем

В изумрудной, таинственной мгле,

И к холодной земле

Я приникну челом.

об утесы дробись и шуми, водопад,

Пусть студеные слезы твои окропят

Мне горячую грудь...

Позабыться, уснуть!..

Нет, не буду, как прежде, могуч и здоров,

Со зверями под свежею тенью дубров:

Человека в себе не убить мне ничем;

А природе... на что я природе теперь,

Развращенный, больной и измученный зверь?..

Я печален и нем

Буду в мире блуждать,

И закрыт для меня первобытный Эдем:

Буду вечно томиться и вечно страдать!

* * *

Внутренность пещеры

Сильвио читает книгу при свете лампады. Клотальдо входит незамеченный.

Клотальдо

...Тихо кругом... Только летучие мыши вьются, шурша, над лампадой; со сводов висят сталактиты, и капли стекают по ним и падают на пол, как слезы. Бедный мой Сильвио!

Сильвио

Кто зовет меня?

Клотальдо

Это я пришел тебя проводить.

Сильвио

Тяжко мне, отец... Прежде я смутно чувствовал, что жизнь только гряза, теперь мудрость подтвердила мой опыт... Она доказала, что вся природа – сон, и человек никогда не узнает, что кроется там, за призрачной дымкой явлений и форм... Никогда, никогда!..

Клотальдо

дитя, о чём ты горюешь? К чему тебе тайна природы? Удел человека – работа, а для работы тебе довольно и того, что можешь познать.

Сильвио

Нет, лучше убью себя, но не отрекусь ни на одно мгновение от моей неутолимой жажды... Для меня нет другого исхода – или проникнуть в тайну, или погибнуть!

* * *

Народ. Площадь перед дворцом

На ратуше звонят в колокол. Крестьяне, ремесленники, купцы, нищие – толкаются, кричат и пробегают толпой.

Герольд

(с трубою)

На площадь, граждане, на площадь!

Купец

Эй, сосед,

Куда бежишь?

Ремесленник

Бегу, как бык – на красный цвет.

Не знаю сам куда: на месте не сидится!..

Когда народ бушует и ревет

И зверем бешеным стремится

На приступ, бунт, пожар – мне все равно – вперед

Бессмысленно бегу, куда толпа влечет,

И силы нет остановиться.

Купец

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
(запирая лавку)

И мне не терпится, и я с тобой бегу,
Меня несут, как ветер, ноги,
И удержаться не могу.

(входят Придворный, переодетый в платье рабочего, и Крестьянин.)

Придворный
Ведь юный царь, и щедрый, и нестрогий,
И вам же обещал он облегчить налоги.

Крестьянин
Что молвил ты? Отец родной! Не может быть,
Налоги?..

Придворный
Да, на шерсть, и соль, и водку...

Крестьянин
Ну нет, уж я теперь за Сильвио! На сходку
Я приведу тебе здоровых молодцов,
Налоги! Боже мой, да я на все готов!
Ах, светики мои, вот счастье-то какое!
Задел же ты нас, братец, за живое..
За Сильвио мы все, за Сильвио! Лечу,
На площади я весь народ перекричу!

(Пьяные солдаты выходят из таверны и разговаривают.)

Первый
Какой у нас король – не царь он – а старуха.

Второй
В нем нет воинственного духа.

Третий
А Сильвио в поход вести нас обещал!
Вот – нашей армии достойный генерал!..

Четвертый

Уж то-то привезем любовницам обновки!

Один из солдат

Войны, мы требуем войны!

Другой

Мы постоим

За Сильвио, отдайте нам героя,

Не то возьмем его мы с боя!

Солдаты

Где принц, где новый вождь? вся армия за ним!

* * *

Пустыня

Народ и войско. Сильвио под звериной шкурой. Военачальник на коленях подает ему корону.

Военачальник

Царем мы Сильвио избрали;

И умолять его пришли,

Чтоб он в смятенье и печали

Не покидал родной земли.

Прими же, Сильвио, корону;

Мы за тобой на смерть пойдем;

И путь к наследственному трону

Тебе проложим мы мечом.

Сильвио

Уйдите прочь!..

Военачальник

Ужель, монарх, лишенный чести,

Обиды и позор оставил ты без мести?

Сильвио

Мстить – для чего?.. За что?.. Кто мог меня обидеть?

Ведь люди – призраки, действительность – обман...

Не стоит их любить, не стоит ненавидеть:

Они рассеются, как утренний туман!..

убить врага – к чему? Чрез два иль три мгновенья
не будет ли и он, как я, добычей тленья?
За всех живых в груди моей – тоска,
И мстить не хочется, и потухает злоба
Пред холодом и тишиною гроба,
И падает с мечом бессильная рука!..
уйдите!..

Военачальник

дорого нам каждое мгновенье,
Несметные полки тиран ведет на нас.
Подумай, скольких жертв в руках твоих спасенье;
должны с отцом твоим вступить мы в бой тотчас.
Победа – или смерть, нам больше нет исхода...
Спаси нас, будь царем! Глас Божий – глас народа!..

Сильвио

Мне все равно... На трон ведите,
Я вновь готов принять порфириу и венец...
В груди нет воли, сил, желаний... Что хотите
Вы делайте со мной, я буду, как мертвец,
Как бездыханный труп, безропотно послужен,
И нем, и холоден, и к власти равнодушен.

Народ и войско

На щит царя!

(Сильвио подымают на щит.)

Сильвио

(про себя)

Противны мне и дики

Толпы восторженные крики...
войска, народ – и всё, что вижу пред собой –
Мне кажется теперь какой-то грезой дальней
Иль сказкой, полною иронии печальной,
И жалок сам себе, в короне золотой,
Я, призрачный монарх – над призрачной толпой!

Народ

Умрем за Сильвио!

(войско и народ уносят Сильвио на щите.)

* * *

После победы

Над полем сражения высокий холм. Шум битвы. Сильвио в полном вооружении.

Войска

Привет царю, привет!

Солдаты

(приводят старого короля Базилио в оковах)

Монарх, мы привели

Тирана пленного, врага родной земли.

Базилио

Я вижу: прав ваш приговор,

Неодолимые светила!

Давно влекла слепая сила

Меня на гибель и позор.

И вот – свершилось. Победила

Судьба. Мой сын, не ты жесток,

Не ты казнишь меня, а Рок!

Сильвио

Пред ужасающей тайной,

Как я – беспомощен и слеп, –

Ты был игрушкою случайной

Непознаваемых судеб...

Нет виноватых! Гнев бесплоден...

Снимите цепь с него... Старик,

Ты был в несчастиях велик –

Иди... прощаю, ты свободен...

* * *

Терраса над морем. Лунная ночь. Пир

Сильвио на троне. Базилио, Клотальдо, Беатриче, придворные. Певец играет на арфе. По знаку Сильвио он умолкает.

Сильвио

На что, певец, мне эти звуки?
должны когда-нибудь они умчаться прочь,
и будут после них еще тяжеле муки,
Еще томительнее ночь.
Могильный остов прячет в розы
Поэтов детская мечта;
но если правды нет – на что мне красота?
на что – обман, на что мне – грезы?
уйди, певец!

Беатриче

Ко мне! Я разум усыплю,
Боль ненавистного сознанья утолю!..

(Беатриче хочет его обнять, но он отталкивает ее.)

Сильвио

довольно! факелы и свечи потушите...
Мне страшно быть с людьми! Уйдите все, и пусть
растет в безмолвии моя немая грусть.
Вино и чаши унесите!

(Гости уходят, слуги уносят кубки, явства и свечи; остаются Клотальдо, старый король и Сильвио.)

Базилио

Умом бесстрастным побеждая муки,
Забудь себя, отдай всю жизнь науке.
Могильный прах – и чистый луч рассвета,
Звезду, что перлом в сумраке повисла,
Мечту, что родилась в душе поэта –
ты разлагай на меру, вес и числа.
Исследуй все в тиши лабораторий:
Гниющий труп и нежный запах розы,
Людских сердец возвышенное горе,
И брызги волн, и вдохновенья слезы.
Тогда спадет с очей твоих завеса,

Поймешь ты жизнь таинственную мира
И в ропоте задумчивого леса,
И в трепете полночного эфира:
Как звук созвучием – душой смиренной
Сольешься ты с гармонией вселенной.

Сильвио

Скажи, достигну ли я тайны роковой?
Проникну ль хоть на миг к источнику явлений,
К той грозной глубине, к той пропасти немой,
Что скрыта облаком блистательных видений?

Базилио

Нет, лгать я не хочу, там, за пределом знаний,
Тебя наука к Тайне приведет;
Твой ум слабеющий коснется вечной грани –
И больше ни на шаг не двинется вперед.
И как бы ни дерзнул глубоко погружаться
К началам бытия, в природу, человек –
Он будет к роковой загадке приближаться –
И не решит ее вовек.

Сильвио

На что же мне твоя наука?
Чем безнадежнее, чем глубже сознаю
Пред тайной мировой беспомощность мою,
Тем жизнь бессмысленней, тем нестерпимей мука!

Базилио

Ты к невозможному стремишься...

Сильвио

Если так,
Кто в сердце мне вложил безумное стремление;
Зачем я не могу не рваться в тайный мрак
К тому, что – не обман, не призрак, не виденье?..
Проклятье – знанию! Оно гласит: «Смирись,
Ты жалкий раб, не царь в природе,

От смысла жизни отрекись,
Не требуй истины, не думай о свободе».
Проклятье знанью твоему!
Оно лишь муки сердца растравляет,
И, как услужливый тюремщик, освещает
Порабощенному уму
Его огромную и страшную тюрьму!..

Клотальдо

Наука – ложь. Спасенье там – в природе;
Вернись же к ней, простой рабочей жизни,
К земле родимой, к миру и свободе,
К затишью сел, к покинутой отчизне.
Попробуй жить с крестьянами на воле,
Попробуй взять лопату, плуг иль молот,
И на заре иди работать в поле –
Ты будешь вновь душою бодр и молод.

Сильвио

О пусть в груди моей – безумная тоска:
За мирный сон души я не отдам сознанья!
Не надо мне тупого прозябанья,
Покорности и счастья мужика!
Проклятье вам! Вы лжете оба,
В груди от ваших слов сильней тоска и злоба.
Там, в мирной тишине жилища твоего,
Старик, ты выдумал слияние с народом,
А ты, король, свою науку, для того,
Чтоб утешать себя хоть призрачным исходом,
Чтоб хоть миражем заслонить
Зияющие бездны...

Но я правдивей вас: я смел разоблачить
Трусливый ваш обман, смешной и бесполезный.
Удите прочь!

(Базилио и Клотальдо уходят.)

Теперь мы, скорбь, с тобой вдвоем.
Я не дрожу, я не бледнею,
И если узел твой распутать не сумею –
Я рассеку его мечом!
Удар – и смолкнет боль сознанья
Среди мгновенной тишины,
Удар – и кончены страданья,
И все вопросы решены...

Там, на глади морской, исчезая вдали,
Блеск луны отражен, как серебряный путь,
Если б мог я умчаться по нем от земли,
Чтобы в лунном сиянье навек потонуть.
я без дум и без мук невозвратно б исchez
В этом мягкком, волнистом тумане небес...
я бы умер, как отблеск холодной луны,
На трепещущем лоне певучей волны...
Если б знать мне, о чем это волны поют?..
И не та же ли скорбь, как меня, их гнетет?..
обещая мне вечный покой и приют,
Что-то к пропасти манит меня и влечет...
Слышу, волны, призыв ваш: я скоро приду!..

(За сценой слышатся голоса.)

Голос Эстреллы, молодой фрейлины
я должна его видеть!.. Пустите меня!..

Голос пажа
Король велел никого не принимать.

(Входит Паж со светильником, который он ставит на стол, и Эстрелла.)

Паж
Не моя вина, государь... Я предупреждал...
(По знаку Сильвио Паж уходит).

Эстрелла

Я пришла умолять...

Сильвио

Вы могли обратиться к министрам...

Эстрелла

Я просила всех, но напрасно...

Сильвио

В чем ваша просьба?

Эстрелла

Помилуйте моего брата...

Сильвио

Что он сделал?

Эстрелла

Фернандо де-ла-Сена в междоусобной войне против вашего отца остался верен старому королю Базилио. Когда все от него отступили и перешли на сторону врагов, Фернандо, в числе немногих, сохраняя верность присяге, сражался за своего государя. Мой брат схвачен в плен вместе с другими рыцарями. Ваши приверженцы объявили его мятежником, заключили в темницу, и завтра должен исполниться смертный приговор, подписанный вашей рукою, государь!.. Где же справедливость?.. За что он умрет?.. Пощады, Сильвио, пощады невинному!..

Сильвио

Какое дело мне до вашего брата?.. Его осудили на смерть, – пусть он умрет.

Эстрелла

Не будьте жестоким!..

Сильвио

Я делаю это не из жестокости, но из равнодушия... Зачем я буду прощать его?

Эстрелла

(падая на колени)

Умоляю, государь, именем справедливого Бога, помилуй невинного, сжался!

Сильвио

Я не жалею себя, как могу я жалеть других?.. Уйди прочь!

Я не встану, пока ты не простишь!..

Сильвио

Я позову слуг...

Эстrellа

(встает)

Хорошо. Но знай, король, что правды нет в твоей земле... Ты дашь ответ перед Богом за кровь невинных!..

Сильвио

Тише, тише... Я не понимаю, что такое правда, и не знаю, что такое Бог.

Эстrellа

Ты поймешь, когда будет поздно.

Сильвио

Ты гневаешься?.. Напрасно. Я не жесток.

(после молчания)

Для того, чтобы показать, как я спокоен и равнодушен, – пусть брат твой живет... Я прощаю его, хотя думаю, что даровать человеку жизнь более жестоко, чем отнять ее.

(Сильвио подходит к столу и пишет.)

Вот две строчки к министру. Подай эту записку, и твой брат будет свободен.

Эстrellа

О, государь...

Сильвио

Благодарить не за что: я прощаю не из милосердия. Чего ты ждешь?.. Иди.

Эстrellа

Я думала, государь...

Сильвио

Что?..

Эстrellа

Простите и тех несчастных, с которыми брат мой должен был завтра умереть.

СИЛЬВИО

Вот смертный приговор.

(Берет бумагу со стола, развертывает и читает равнодушно.)

я забыл подписать... Как много их!..

Эстрелла

Не подписывайте, разорвите бумагу!..

СИЛЬВИО

Зачем?.. Разве ты можешь меня уверить?..

Эстрелла

Милосердие, государь...

СИЛЬВИО

Пустое слово!..

Эстрелла

Молю вас!

СИЛЬВИО

Это – сильнее...

Эстрелла

Я не умею ничего сказать... Простите их!..

СИЛЬВИО

Простить?.. Ты думаешь, что так надо, что так хорошо?

Эстрелла

Да.

(Сильвио разрывает смертный приговор и бросает клочки бумаги в море.)

Эстрелла

СИЛЬВИО!..

(Бросается к Сильвио и целует его руку.)

СИЛЬВИО

(в волнении)

Оставь меня!.. уйди!..

Эстrellа

Молю тебя, не говори, что ты простил равнодушно, нет! я знаю: у тебя – величное сердце!

Сильвио

Во имя чего же я мог простить?

Эстrellа

Во имя Бога!..

Сильвио

я Его не знаю... Его нет!..

Эстrellа

Он есть!

Сильвио

(в волнении, почти в ужасе)

уйди, говорю тебе, уйди прочь! Зачем ты хочешь вернуть меня к жизни? Зачем ты пришла?.. Его нет!

Эстrellа

Он есть!.. Он один только есть, всё, что не Он – призрак и обман! Сильвио! Разве ты не чувствуешь?.. Посмотри на небо, посмотри в глаза мои... Разве ты не видишь?.. Вот – Он!

Сильвио

Нет! Когда я смотрю в небо и в твои глаза, я только вижу в них что-то далекое и забытое. Хочу вспомнить и не могу... Но Его – нет! Пойми же, там – за этими призраками – пустота, мрак! Там – смерть!..

Эстrellа

Сильвио, там – Бог!..

Сильвио

О, если бы я мог верить!..

(Он закрывает лицо руками и плачет.)

Эстrellа

Я иду, государь, чтобы возвестить помилование осужденным.

Сильвио

Эстрелла!..

Эстрелла

Сейчас взойдет солнце... Пора!

(Эстрелла уходит.)

Сильвио

(один в предрассветном сумраке)

Верить?.. Но где же Ты? Зачем Твое небо – такое холодное и пустое? Зачем Ты покинул меня одинокого в этой тьме, окруженного ужасом и смертью?.. Если Ты скрываешься за призраками мира, отклиknись!.. Где Ты? Услышь меня, Господи!

(Первые лучи солнца вырываются из-за облаков; Сильвио стоит в немом созерцании, потом опускается на колени.)

Солнце!.. Твое ли это – Солнце, Боже мой? Ты ли мне первыми лучами его ответил: «Вот – я!» Вся природа – не глагол ли уст Твоих? Всеми голосами мира не говоришь ли Ты от вечности: «Это – я!» Верю, Господи, помоги моему неверию!..

(Солнце из-за тучи медленно подымается и озаряет Сильвио, простирающего к нему руки.)

Сильвио

Солнце над морем восходит из туч...

Бездну зажег его розовый луч...

Солнцу, великому солнцу – привет!

Слава Тебе, показавшему Свет!

Чрез борьбу и хаос дикой,

Чрез отчаянье и ложь,

Ты к гармонии великой

Мир измученный ведешь.

О, согрей же теплотою,

Состраданьем без конца,

Утомленные враждою,

Наши бедные сердца.

Видишь здесь, Тобой спасенный,

В теплых, радостных, слезах,

Я склоняюсь, умиленный

И трепещущий, во прах.

С плачем дробясь о подножье скалы,

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
Пеной блестят, умирая, валы.

Богу «осанна!» – гремит океан...
Вьется, как дым из кадильниц, туман...
Солнцу, великому солнцу – привет!
Слава Тебе, показавшему Свет!

Это Ты меня из ночи
Дланью любящей исторг,
Это Ты открыл мне очи,
Дал мученье и восторг...
Пред Тобой я только плачу,
В благодарности я нем...
Всемогущий, что я значу?
Как я жалок – перед Тем,
Кто хранит нас и жалеет
Каждый трепетный листок,
Как дитя свое, лелеет
Непробившийся росток...
дай обнять любовью жгучей
Целый мир – и всей душой
дай мне слиться с этой тучей,
С этой грозною волной.
В камне, в воздухе, в былинке
Жизнь я чувствую, любя,
В каждой блещущей росинке,
Солнце, вижу я тебя.

Вот что не призрак, не сон и не ложь...
Боже, молитву мою Ты поймешь...
Солнцу, великому солнцу привет!
Слава Тебе, показавшему Свет!

1888, 1891

КОНЕЦ ВЕКА Очерки современного Парижа

I. ЕВАНГЕЛЬСКАЯ ПРИТЧА

О, что бы в будущем, предчувствием грозя,
Не ожидало нас, – несчастным быть нельзя
При солнце утреннем, весною, город вечный,

Посмотришь на бульвар, где каждый солнцу рад,
И распустившихся каштанов аромат
Вдохнешь, услышишь смех и говор беззаботный,
И женское лицо с улыбкой мимолетной
Увидишь издали, и снова, жизнь любя,
Невольно радостным почувствуешь себя,
И горько вспоминать о северной отчизне...
Какой здесь блеск кругом, какая радость жизни!
Когда передо мной весельем ты гремишь,
На солнце утреннем сияющий Париж,
Я счастлив за тебя, и чуждого народа
Волнует душу мне и радует свобода.
Какая бы печаль ни мучила, грозя –
Здесь, в этом городе, несчастным быть нельзя.

Но поздно вечером в мой уголок безмолвный
Я с шумной улицы вернусь, раздумья полны.
Тогда Евангелье читаю в тишине,
Меж тем как из окна доносится ко мне,
Париж недремлющий, твой шум многоголосый.
Над книгой вечною забытые вопросы
Опять встают в душе: земная жизнь людей
Полна величия, но есть ли правда в ней?
Я постигаю вновь твой смысл необычайный,
О притча древняя, исполненная тайной:

На ниве богача был урожай хлебов.
Он думал: «Некуда собрать моих плодов.
Как приготовить дом к такому урожаю?
А вот что сделаю: все житницы сломаю,
Большие выстрою и соберу туда
Мой хлеб, мое добро, и я скажу тогда
Душе моей: душа! простись навек с тревогой,
Покойся, – у тебя лежит именья много,
На годы многие: гони заботы прочь
Ешь, пей и веселись!..» – «Безумец, в эту ночь

Отнимут жизнь твою! – сказал Господь. – Несчастный,
Кому достанутся твой дом и труд напрасный?»

Столица роскоши, на празднике твоем
Я вижу иногда рабочего с лицом,
Исполненным немой, загадочною думой.
Проходить он, как тень, безмолвный и угрюмый,
Со взором пристальным завистливых очей...
О, гость непрошеный на пире богачей,
Мне страшно при тебе за этот праздник вечный,
За легкую толпу, за смех ее беспечный,
За яркие кафе и величавый ряд
Твоих, о Новый Рим, блестательных громад!
Ты, как богач, сказал: «У нас именья много,
Ешь, пей и веселись!» И ты забыл про Бога,
Но скорбь великая растет в душе у всех...
Надолго ль этот пир, надолго ль этот смех?
Каким путем, куда идешь ты, век железный?
Иль больше цели нет, и ты висишь над бездной?

II. «GRILLE-D'-EGOUT»[12]

Сюда идет тайком скучающий любовник,
Художник и турист, писатель и чиновник:
«Garcon, un bok!»[13] И пьют, и курят за пять су,
Любуются в монокль на томную красу
Полуночных сильфид, внимая шансонетке,
Где блещет стих порой, язвительный и меткий...
Но вот, в дыму сигар, меж черных сюртуков,
И тысячи зеркал, и газовых рожков,
При звуках музыки и радостного гула,
Она, воздушная, как бабочка, впорхнула.
Тебя без жалости я вспомнить не могу,
О бедное дитя Парижа «Grille-d'-Egout»!
Из кружев юбка, слой белил на шее голой
И рыжий цвет волос поддельных, взор тяжелый
И странное лицо, в котором жизни нет,
Как маска, мертвое, похожее на бред...

Меж тем, когда, смеясь, она в отваге бурной
Помчалась, до колен открыв чулок ажурный,
И ногу стройную высоко подняла,
Наперекор всему – в ней грация была
Демократической и уличной вакханки,
В ней то, что «*fin de siècle*»[14] назвали парижанки,
В ней узнает толпа свою родную дочь.
«Я нравлюсь, от меня вы не уйдете прочь! –
Так говорило всем ее лицо. – Смотрите,
Вот, что вы любите, и вот чего хотите!»
Почтенный господин, – вполне провинциал,
По скромному лицу, – смотрел на этот бал.
К нему подпрыгнула она легко и смело,
Красивой ножкою цилиндр его задела
И шляпу сбросила: удерживая гнев,
Он должен был принять обиду, покраснев.
А взор у «*Grille-d'-Egout*» весельем детским блещет,
И ей родной Париж в восторге рукоплещет!

III. РЕНАН

Но в том же городе и в тот же скорбный век
В тиши работает великий человек:
Я вижу кабинет в спокойном полумраке
И древней надписи неведомые знаки;
Я вижу, как Ренан над грудой старых книг,
Обдумывая мысль заветную, поник
С улыбкой тонкою, скептической и нежной,
Над сказкою любви иль веры безмятежной;
За правдой гонится сквозь тьму времен и пыль
Сухих пергаментов; таинственная быль
По слову мудреца, поэзией пленяя,
Восстанет пред людьми из гроба, как живая.
И ветреный Париж откликнется на все:
Я знаю – он поймет открытие твое,
Ученый и поэт, – вы трудитесь недаром, –
Париж, где «*Grille-d'-Egout*» приветствовали с жаром...

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
я против воли все готов ему простить

За то, что гениев умеет он любить!

IV. НОВОЕ ИСКУССТВО

Певец Америки, таинственный и нежный,
С тех пор, как прокричал твой Ворон безнадежный
Однажды полночью унылой: «nevermore!» [15]

Тот крик не умолкал в твоей душе; с тех пор

За Вороном твоим, за вестником печали?

Поэты «nevermore», как эхо, повторяли;

И сумрачный Бодлэр, тебе по музее брат,

На горестный напев откликнуться был рад;

Зловещей прелестью, как древняя Медуза,

Веселых парижан пугала эта муз.

Зато ее речей неотразимый яд,

Зато ее цветов смертельный аромат

Надолго отравил больное поколенье.

Толпа мечтателей признала в опьяненье

Тебя вождем, Бодлэр... Романтиков былых

Отвага буйная напоминала в них...

А все-таки порой завидуешь их воле;

Живут, работают на безграничном поле

И мыслят, и никто не может запретить,

Что хочется писать, что хочется любить.

Они – безбожники, философы, буддисты,

Ученики Золя, «толстовцы», пессимисты,

Там тысячи кружков, религий, партий, школ,

Там всякий думает, что истину нашел.

Не ведая преград, свободно ищет гений

И новой красоты, и новых откровений.

И человечеству художники свой труд

Во славу Франции дарить не устают.

Открыты все пути: не нужно лицемерить

И лгать перед толпой. Они дерзают верить

В наш прозаичный век, что святы их мечты,

Исканье истины и жажды красоты.

Привет художникам великого народа!

V. САЛОН 1891 ГОДА

С такими думами по выставкам брожу,
На тысячи картин, на статуи гляжу.
Чтоб в будничный мирок мы глубже заглянули,
Один, изобразив две медные кастрюли
да пару луковиц, положенных на столъ,
Новейший реализм до крайности довел,
А близ него другой, художник идеальный,
Стремится к прелести легенд первоначальной.
В картине сказочный туманный полусвет,
деревья странные, каких в природе нет.
Назло теориям сухим и позитивным,
Он хочет быть простым, он хочет быть наивным.
А рядом, в золоте распущенных кудрей,
С улыбкой дерзкою Венера наших дней,
Наемница любви – перед толпой раздета,
О фрины модные, царицы полусвета, –
В ней ваша красота и ваш апофеоз!..
На той же выставке задумчивый Христос –
В скептической толпе, в гостях у Жюль Симона,
Меж современных лиц Парижского салона,
Печально говорит в картине у Бэрро
Про вечную любовь, про вечное добро.
В искусстве наших дней ты побеждаешь снова,
О Галилеянин!.. На проповедь Толстого
Сердца откликнулись: повсюду лик Христа –
В картинах, в мраморе. Пленяет красота
Его загадочной, простой и вечной книги:
Исканье жадное неведомых религий –
Опять в душе у всех. В наш скорбный, темный век,
Быть может, вновь к любви вернется человек
для разрешения великого вопроса
О счастье на земле... На полотне Рошграсса
Твое падение, твой блеск изображен

В предсмертной оргии, о древний Вавилон!
Заря. Уж гости спят. Порой дыханье слышно
Иль бред. Разлитое вино на ткани пышной...
Курильниц гаснущих тяжелый аромат...
С холодным блеском дня багровый луч лампад
Смешался у рабынь на смуглой голой коже.
Вот пьяный жрец уснул с красавицей на ложе.
Усталость мертвая... желаний больше нет...
И эта оргия мучительна, как бред...
Не спит один лишь царь, и в ужасе на троне
Он видит там, вдали, пожар на небосклоне,
Он слышит грозные, тяжелые шаги
Мидийских воинов: «О горе нам!.. Враги!..»
Он молит, он грозит: никто ему не внедлит,
И золотой чертог в роскошной неге дремлет...
Имеющий глаза да видит! Опьянен
Величием Париж, как древний Вавилон,
О пусть войдут враги, прогонят сон похмелья,
С прекрасных тел сорвут цветы и ожерелья,
И разольют вино, и опрокинут стол!
Спи, спи, пока твой час последний не пришел!..
Безумцы, в ужасе проснетесь вы, и верьте –
Вам солнца первый луч подобен будет смерти.
Наш дряхлый век погиб. Заря и меч врагов
Разгонит оргию наложниц и рабов...
Но дух людей – велик, но гений – бесконечен;
Париж, воскреснув вновь, как солнце, будет вечен!
VI. LIBERTE, FRATERNITE, EGALITE[16]
В наш век практический условна даже честь:
В Gil-Blas'е, например, вы можете прочесть
Рекламы каждый день о молодой девице
Иль о скучающей вдове на той странице,
Где о наеме дач вы только что прочли:
«J'ai dix-neuf ans, je suis bien faite et tres jolie». [17]
Всем предлагает дар она любви свободной,

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
Кто заплатить готов ее портнихе модной.

Меж тысячей карет я вижу там, вдали,
На шумной улице идет старик в пыли,
С рекламой на спине, по мостовой горячей.
Он служит для толпы афишею ходячей.
На старческом лице ни мысли, ни души.
Он ходит так всю жизнь за бедные гроши,
Чтобы прочесть о том в блистательной рекламе
Известье важное удобно было даме,
Что можно в «Bon-Marche» купить за пустяки
Для ножек розовых ажурные чулки.
А над красавицей и над живой афишой,
На мраморной доске, над выступом иль нишой,
Я громкие слова читаю: *Liberte*,
Egalite и – звук пустой! – *Fraternite*.
На сцене крохотной актер в кафешантане
Кривлялся пред толпой в бессмысленном канкане,
Плешивый, худенький, в истертый фрак одет,
Он хриплым голосом выкрикивал куплет.
Я слышал смех в толпе, но ничего смешного
Не находил в чертах лица его больного...
Бывало, в темный век, когда в России кнут
Свистел над спинами рабов, дворовый шут
Смешил господ и дам, скучающих в беседе
О сплетнях городских, на праздничном обеде:
Такой же раб толпы в наш просвещенный век
В свободном городе – свободный человек!..
Когда, подняв свой меч, склонялся гладиатор
Над раненым бойцом и ждал, чтоб император
Рукою подал знак к убийству, и нога
Стояла на груди упавшего врага,
И крови требовал народ с восторгом диким, –
Ты все же, Древний Рим, был грозным и великим.
Но к этим зреющим мы не вернемся вновь,
И Боже нас храни пролить людскую кровь:
Нам только нравятся невинные забавы.

Мы не язычники, давно смягчились нравы...
А все-таки шутов мы любим, и у всех
Сегодняшний актер не даром вызвал смех.
В жестокости толпы уж больше нет величья, –
За то соблюдены законы и приличья!

VII. ВЕНЕРА МИЛОССКАЯ

О древний Лувр, под сень безмолвную твою
От шумной улицы я уходить люблю.
Не все ли мне равно – Мадонна иль Венера, –
Но вера в идеал – единственная вера,
От общей гибели оставшаяся нам,
Она – последний Бог, она – последний храм!

К тебе, Милосская богиня, крик народа
Порою долетал: «да здравствует свобода!»
И марсельезою Париж был опьянен.
За волю всех рабов, за счастье всех племен,
В дыму, под градом пуль, с надеждою во взглядах
Толпа бежала смерть встречать на баррикадах.
Но с лицом мраморным богиня красоты,
Страдающих людей не видя с высоты,
Смотрела молча в даль холодными очами.
Неумолимая! как ты царишь над нами –
Царить во все века ты будешь над людьми.
О, преклони свой взор на гибнущих, пойми,
Как мы страдаем!.. Нет, не видит и не слышит,
И только вечною красотой улыбка дышит.
Венера, с гибелью у ног твоих мирюсь,
Когда тебя люблю, когда тебе молюсь,
И в лице мраморном я вечность созерцаю,
Благословляю жизнь и смерть благословляю!..

Но вдруг мои мечты внезапный шум прервал,
И с говором вошла толпа туристов в зал.
Рыжеволосая, худая, в пестром пледе,
Свой красный Бэдекер под мышкой держит леди.

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
Бог ведает, зачем они сюда пришли.

Чрез горы и моря во все концы земли
Из Англии родной туристов гонит скука.
За двести шиллингов везут агенты Кука
Показывать по всем столичным городам
Им каждый памятник, развалину иль храм.
От этих англичан, кочующих и праздных,
Сидельцев лондонских и леди безобразных, –
Нигде спасенья нет! И здесь у ног твоих,
Киприда вечная, гляжу с тоской на них...
Вы цените красу и гений безграничный
На фунты стерлингов в наш век демократичный,
Работать, к вечному стремиться?.. Но зачем?..
Он все-таки придет и овладеет всем,
Не зная наших жертв, не помня наших стонов,
Банкир или купец, владыка миллионов...
Так думал я в тоске мучительной... Но ты,
Ты все по-прежнему богиня красоты,
Смотрела, молча, вдаль, не видя нас, над нами,
Как небо ясными, холодными очами...
Быть может, видела ты новый лучший век,
Те дни, когда к тебе вернется человек,
Когда ты будешь вновь царицею вселенной,
Красой подобная природе неизменной!

VIII. БУЛЬВАРЫ ВЕЧЕРОМ

По душным улицам я вечером иду,
Смотрю на первую далекую звезду,
Мою любимую, в темнеющей лазури.
Кричат газетчики: «Le Soir!» * Подобен буре
Парижа вечный гул... В театрах на крыльца
Выходят подышать прохладой, но в лицо
Прохожим веет зной... Еще асфальт бульвара
Во мраке не остыл от солнечного жара.
Волною мягкою струится бледный свет
От электричества на тысячи карет,
На темную листву, на пестрые рекламы.

И как чертоги фей, как сказочные храмы,
Блестят кафе, где пьют и смотрят на бульвар,
И столиками весь широкий тротуар
Установлен... С фонарем зеленым, в туче пыли,
Со скачек праздничных на приз в Арменонвилле,
Как целый дом, толпой разряженной набит,
Огромный омнибус по улице гремит.

В «Cafe Ambassadeurs», в пылающей рекламе
Из газовых рожков, начертано огнями
Над морем черных шляп и любопытных лиц
«Yvette Guilbert» – одной из уличных певиц
Названье модное. За Аркой Триумфальной,
Над Елисейскими Полями свет печальный
Зари давно померк, и лишь последний луч
Чуть брезжит вдалеке из-за ненастных туч;
Над потемневшими громадами столицы
Сверкают и дрожат вечерние зарницы.

Как башня Эйфеля воздушна и легка!
Я вижу, сквозь нее мелькают облака,
И светит бедный луч на горизонте мрачном,
В узоре проволок туманном и прозрачном,
Как будто там, вдали, вдали меж облаков
Уже глядит на нас, печален и суров,
Двадцатый век... Чего он хочет, что он скажет,
Какую веру даст, какой нам путь укажет?
Не знаю почему, но в этот душный зной,
Во мраке, окружен бесчисленной толпой,
Бегущей, как поток, волною говорливой
За наслажденьями, за властью и наживой,
Я вспомнил о тебе, родимая земля,
Я вспомнил тихие унылые поля
И с белой церковью убогое селенье,
Прохладу на заре и жаворонков пенье.
Я вспомнил пахаря знакомые черты,
Смиренья полные и детской доброты.

Как древний патриарх, один под небесами,
За плугом он идет с лошадкою своей,
Потерянный в немой безбрежности полей.
Какая дума в нем, какая сила дремлет?
Меня предчувствие великого объемлет
В столице мира, здесь, где скорбный дряхлый век
Кончает дни свои среди роскошных нег...
Когда проснешься ты, о труженик суровый,
.....
Кто снимет с уст твоих безмолвия печать?..

IX. ПЕТЕРБУРГ

Но как ни тяжело, мы все-таки в Париже –
К чему-то светлому и радостному ближе:
Здесь легче дышится, здесь люди ценят труд.
Участвуют в борьбе, страдают и живут.
А там, у нас... Ужель я возвращусь в холодный,
Туманный Петербург, где в болтовне бесплодной
И консерваторы, и либералы – все
Мы только кружимся, как белка в колесе?
Журфикс чиновников, томительный и длинный,
О симфоническом собрании в гостиной
За чаем разговор интеллигентных дам,
С бесцельной клеветой и сплетней пополам:
Бежал в Америку кассир провинциальный...
Известье, что один профессор либеральный,
Почтенный старичок со службы удален,
Потом история двух разведенных жен, –
И гости наконец все темы истощили...
Что делать?.. Тишина немая, – как в могиле...
Но слава Богу: вот – желанный миг, – повел
Хозяин в кабинет, где ожидает стол
С колодой карт, и все опять – в родной стихии:
Винт – современный бог скучающей России!
Какой огонь в очах, какой восторг у всех,

Как вспыхнул разговор, и шуточки, и смех!..
И старый генерал, и робкая девица,
Все полы, возрасты, характеры и лица,
Все убеждения сливаются в одном
Порыве искреннем за карточным столом.
В игре убита ночь, а на рассвете нужен
Усталым игрокам для подкрепленья ужин.
Теперь у них в душе – такая пустота,
Что, право, ни одна греховная мечта
Вольнолюбивая к ним залететь не может:
Печаль за родину их сна не потревожит.
И мнится, в городе все вымерло навек,
И только падает в тумане мокрый снег.
По грязным улицам, по мертвому безлюдью
Порой со шпорами и с выпяченной грудью
На Охтинский пожар промчится брандмайор,
Вперив в немую даль начальнический взор...
Тоска!.. Ужель опять вернусь в твое болото,
О, Петербург, о, жизнь, объятая дремотой,
Как в лужах мертвая стоячая вода, –
Без воли, без любви, без мысли, без труда!

Х. РОДИНА

.....
.....
.....
.....

И все-таки тебя, родная, на чужбине
Люблю, как никогда я не любил доныне.
Я только здесь, народ, в чужой земле, постиг,
Как, несмотря на все, ты – молод и велик, –
Когда припоминал я Волгу, степь немую
И песен Пушкина мелодию родную,
И вековых лесов величественный шум,
И тихую печаль малороссийских дум.
я перед будущим твоим благоговею,

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
И все-таки горжусь я родиной моей.

За все страдания еще сильней любя,
Что б ни было, о Русь, я верую в тебя!

1891

Париж

СКОВАННЫЙ ПРОМЕТЕЙ Трагедия Эсхила

Власть.

Сила – немое лицо.

Прометей.

Гефест.

Хор нимф-океанид.

Океан.

Ио – дочь Инаха.

Гермес.

В ГОРАХ СКИФИИ

Входят Власть и Сила, две богини; они ведут узника Прометея. За ними Гефест с молотом и цепями.

Власть

Мы в Скифии, мы на краю земли, –
Достигли мы пустынь непроходимых.
Теперь, Гефест, исполни приговор
Царя богов: к вершине скал гранитных
Железными цепями ты прикуй
Преступника. Венец твой лучезарный, –
Огонь украв, – он людям в дар принес.
За тяжкий грех его накажут боги,
Чтоб, власть Отца Крониона признав,
Он разлюбил навеки племя смертных.

Гефест

О, Власть! и ты, о, Сила! до конца
Исполнили вы приговор Зевеса.
А я... увы! дерзну ли приковать
К нагим скалам возлюбленного брата?..
Что делать? Рок велит послушным быть.

Беда тому, кто пренебрег веленьем
Всевышнего... Фемиды мудрый сын!
Наперекор моей свободной воле,
Тебя к скалам я цепью прикую, –
К пустынному, печальному граниту,
Где голоса людского никогда
Ты не услышишь, где, лучами солнца
Сожженное, твое иссохнет тело
И почернеет. Темная ли ночь
Отнимет свет у жаждущего света,
Иль высушит заря росу полей,
Твоя душа томиться будет вечно –
И не рождался тот, кому дано
Тебя спасти. Несчастный, вот – награда
Твоей любви и состраданья к людям!
Ты сам был бог, и, не боясь богов,
Вознес людей ты к почестям безмерным.
За то теперь, прикованный к скале,
Один, без сна, согнуть колен не в силах,
Беспомощно стонать ты обречен,
Взвывать, молить, – но непреклонно сердце
Царя богов: так новый властелин
Всегда жесток!

Власть

К чему же медлишь ты
И сетуешь бесплодно? Враг Олимпа,
Похитивший твой собственный огонь,
И для тебя не враг ли ненавистный?

Гефест

Священны узы дружбы и родства!

Власть

Священное веления Зевеса.
Для дружбы ли нарушить их дерзнешь?

Ты жалости не ведаешь, богиня!

Власть

Его жалеть – напрасный труд. Поверь,
Участием ему ты не поможешь!

Гефест

О, ремесло проклятое мое!..

Власть

Но ремесло ни в чем тут не виновно.
Зачем его безумно проклинать?

Гефест

Пусть кто-нибудь другой бы им владел!..

Власть

Ты выбрал сам его. Свободны боги
Во всем: один лишь Зевс царит над ними.

Гефест

Да, он царит, – я вижу по всему!

Власть

Спеши надеть преступнику оковы,
Чтоб медлящим тебя не видел Зевс.

Гефест

Смотри – для рук уже готовы кольца.

Власть

Возьми скорей, и руки в них вложи,
И молотом прикуй к скале гранитной.

Гефест

Исполнены веления твои.

Власть

Еще ударь, еще! Вот так, покрепче,
Чтоб хитростью не мог он убежать.

Гефест

Одна рука прикована к утесу.

Власть

Прикуй теперь другую руку... Пусть
Титан могуч, но Зевс еще сильнее!

Гефест

Я сделал все, чтобы угодить богам!

Власть

Теперь обломком стали заостренной
Ему насквозь пронзи скорее грудь!

Гефест

О, Прометей, я плачу, горько плачу!

Власть

Ты плачешь над врагом богов: смотри,
Чтоб не пришлось и над собой поплакать!

Гефест

Ужасное ты зришь перед собой!

Власть

Я зрю богов лишь праведную кару...
Но возложи ему на чресла цепь.

Гефест

Я знаю сам – повелевать не нужно.

Власть

Повелевать я буду! Ну, скорей
Спустись к ногам. Продень сначала в кольца.

Гефест

Смотри, готово. Труд мой невелик.

Власть

Вот так. Теперь прикуй гвоздями ноги,
И знай – отчет придется дать во всем.

Гефест

Твои слова чертам твоим подобны!

Власть

Ты можешь сам мягкосердечным быть,
Не осуждай других за твердость духа.

Гефест

Он из оков не вырвется. Уйдем!

Власть

(к Прометею)

Ну что ж? Теперь глумись над волей Зевса!
Воруй огонь богов, чтоб в дар нести
Ничтожным людям! Разве люди могут
Тебе помочь? А некогда ты слыл
Среди богов Провидцем. Где же ныне
Твой прежний дар?.. Пускай научит он,
Как вырваться из плена Прометею.

(Власть, Сила и Гефест уходят.)

Прометей

(один)

Тебя, эфир небесный, вас, о, ветры
Крылатые, и реки, и земля,
Всеобщая Праматерь, и валов
Подобный смеху шум многоголосый, –
Я всех вас, всех в свидетели зову:
Смотрите – вот, что терпит бог от бога!..

Видите: тысячелетья,

Пыткой истерзанный,

Буду страдать.

Царь небожителей,

Зевс, возложил на меня

Цепи позорные...

О, я страдаю от мук

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
нынешних, будущих. Скоро ли

Скорби наступит конец?..

Что я сказал?! Не сам ли я предвижу

Грядущее? Нежданная печаль

Не посетит меня. Нет, терпеливо

Перенести я должен все, что Рок

Назначил мне. Судьба неотвратима.

Но не могу молчать – и рассказать

Свою печаль я не могу. Огонь

Я смертным дал, и вот за что наказан.

Похитил я божественную искру,

Сокрыл в стволе сухого тростника,

И людям стал с тех пор огонь собратом,

Помощником, учителем во всем.

Теперь плачу богам за преступленье,

На воздухе привешенный к скале!

Увы, увы!..

Что за звук, что за шелест ко мне долетел?

Это голос земной иль небесный?

Кто-нибудь не пришел ли к далеким горам,

Чтоб взглянуть на позор мой и муки?

Что ж, смотрите: я – жалкий, закованный бог,

Олимпийцам за то ненавистный,

Что безмерно людей я люблю... Но опять

Этот шум... Словно птицы порхают,

Словно воздух от бьющихся крылий звенит...

Ныне всё мне бедой угрожает...

(На крылатой колеснице появляется Хор нимф-океанид.)

Хор

(Строфа первая)

Нет, не бойся! Мы с любовью

Прилетели к этим скалам.

Мы едва мольбой склонили

Сердце строгого отца.

К нам донесся гром железа

В глубину подводных гrotов,

И, стыдливость позабыв,

Не успев надеть сандалий,

Мы примчались в колеснице

С дуновеньем ветерка.

Прометей

Посмотрите, о, дщери

Многодетной Тефии

И отца Океана,

Что шумящим потоком

обтекает всю землю –

Посмотрите: я здесь,

На позор пригвожденный,

Сторожить буду вечно

Острие этих скал!..

Хор

(Антистрофа первая)

Видим, видим!.. Страх, как туча,

Застилает наши очи,

Отягченные слезами;

Видим, сохнет на скале

Изнывающее тело

Под железными цепями.

Новый кormчий правит небом:

На Олимпе Зевс насилием

Стародавние законы

Святотатственно попрал!

Прометей

Пусть бы лучше под землю меня он низверг,

В черный Тартар, приемлющий мертвых,

Или ниже, под своды Аида, и там

Задушил бы в оковах железных,

Чтоб ни смертный, ни бог не видали меня

И над мукой моей не глумились.

А теперь я повешен на радость врагам
В высоте, как игрушка для вихрей!..

Хор

(Строфа вторая)

Разве есть такой жестокий
Из блаженных, кто б над мукой
Прометея насмеялся?
Кто тебе не сострадает,
Кроме Зевса?.. Он один,
дерзкий, гневный, непреклонный,
всех богов порабощает
И достигнет самовластья,
Если кто-нибудь насилием
Скиптр не вырвет у него.

Прометей

Пусть я ныне в оковах томлюсь,
Пусть меня оскорбляют: еще
Будет Зевсу нужда до меня,
Чтобы заговор новый открыть,
Что владыку низвергнет с небес.

Но тогда ни медовая речь,
ни угрозы меня не смутят
И не выдам я тайны, пока
Он не снимет с меня эту цепь,
Не заплатит за весь мой позор!

Хор

(Антистрофа вторая)

Ты могуч и дерзновенен,
Не уступишь лютой скорби
Никогда, – но берегись:
Слишком речь твоя свободна,
За тебя во мне трепещет
Сердце страхом и тоской.

Где конец твоим страданьям,

Где прибежище от бури?..

Ведь у Кроносова чада –

Непреклонная душа.

Прометей

Знаю: Зевс непреклонен и горд.

Он закон презирает. Но все ж

Будет сломана гордость его.

Он упрямую злобу смягчит:

Как союзник к союзнику, сам

Выйдет первый навстречу ко мне!

Хор

Разоблачи мне все: открай, за что же

Зевес тебя, невинного, дерзнул

Предать таким мучениям позорным?

Скажи мне, если можешь...

Прометей

Тяжело

Мне говорить о скорби безнадежной

И тяжело молчать. И всюду – мука!

Когда в семье богов возник мятеж

И запылал раздор непримиримый, –

Одни желали, чтобы Зевс царил,

Чтоб Кронос был низринут, а другие –

Чтоб никогда не правил ими Зевс.

Я был в те дни сообщником титанов,

Но к мудрости не мог склонить детей

Земли и Неба. В гордом диком сердце

Все хитрости лукавые презрев,

Они врагов смирить мечтали силой.

Но мать моя, Земля, или Фемида

(Единая под множеством имен),

Мне предрекла, что должно не насилем,

А ковами могучих победить.

И я открыл пророчество титанам.

Но, дерзкие, не внемля, мой совет
Отринули. Тогда решил я Зевсу
Помочь в борьбе, и с матерью к нему
Я перешел, к свободному – свободный.

Лишь с помощью моей он низверг
И скрыл навек их в пропастях подземных
С союзниками древнего Кроноса.

И вот каким предательством за все
Мне отплатил владыка олимпийцев!
Не доверять ни близким, ни друзьям –
Таков недуг тиранов всемогущих!

Но вы хотели знать, за что Зевес
Казнит меня. Я вам скажу, – внимайте:
На отчий трон воссев, он разделил
Дары земли и неба меж богами
И утвердил незыблемую власть.

Но в дележе обидел жалких смертных:
Он ничего им не дал – и хотел,
Их истребив, создать иное племя.

И не дерзал никто среди богов
Спасти людей. Убиты божьим громом,
Они бы все погибли без меня,
Но я один их защитил и принял

Такую казнь, что страшно тем, кто смотрит,
Страшней тому, кто терпит. Я жалел,
Но жалости не заслужил от бога.

да будут же страдания мои
Уликою, позорящею Зевса!..

Хор

Нет, у того в груди не сердце – камень,
Кто над тобой не плачет, Прометей!
О, лучше б мук твоих мы не видали, –
Но, увидав, не можем не скорбеть!

Прометей

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
Мой вид, увы! не радостен для друга.

Хор

Ты что-нибудь не сделал ли еще?

Прометей

Еще я смертным дал забвенье смерти.

Хор

Но как могли про смерть они забыть?

Прометей

Я поселил надежды в них слепые.

Хор

То не был ли твой величайший дар?

Прометей

Нет! я им дал еще огонь небесный...

Хор

Огонь – в руках таких созданий жалких!..

Прометей

И многому научит он людей!

Хор

Так вот за что разгневанный Кронион

Тебя на казнь обрек и не щадит!

Ужели нет конца твоим страданьям?

Прометей

Конец один – Зевесов приговор.

Хор

О, если так – надежды мало. Видишь,

Ты был неправ. Сказать, что ты неправ,

Мне тягостно... тебе услышать горько...

Оставим же... подумаем, как быть...

Прометей

Тому, чей дух не удручен страданьем,

давать советы мудрые легко.
Ведь это все я знал и все предвидел,
Но сам того хотел и сам избрал
Мою судьбу, чтоб быть полезным людям.
А все ж не думал я, что, так жестоко
Истерзанный, я буду пригвожден
К нагой скале, пустынной, безнадежной.
Но нет!.. Пока не плачьте надо мной!..
Приблизьтесь же, сойдите с колесницы,
И лишь тогда услышите про муки
Грядущие, тогда поймете всё.
Узнайте скорбь мою и пожалейте!
Над всем живым витающая скорбь
Одних – теперь, других постигнет завтра!

Хор

Мы и так тебя жалеем,
Сходим на землю, покинув
Воздух, светлый путь для птиц.
Посмотри, – ногою легкой
Уж коснулись мы гранита,
Поскорей хотим услышать
Повесть грустную твою.

(Появляется бог Океан на крылатом чудовище.)

Океан

К тебе, Прометей, я примчался
Чрез много земель и морей.
Драконом крылатым по воле
Могу без удил управлять.
Я мукам твоим сострадаю, –
Ведь ты мне родной... да и так
Сильней, чем родного по крови,
Я сердцем тебя полюбил,
И вот докажу мою дружбу,
Я льстить никому не привык:

Попробуй, проси, чего хочешь, –
я сделаю все для тебя,
и знай – не найти тебе друга
Верней, чем стариk Океан!

Прометей

И ты пришел взглянуть на казнь мою!
Но как – скажи – решился ты покинуть
для Скифии, рождающей железо,
для сих степей, пучину волн родных
И влажные, скалистые пещеры?
Ты говоришь, что поспешил затем,
Чтоб выразить участие страдальцу?
Смотри же – вот, кто Зевсу на престол
Помог войти, смотри, какою мукой
Мне отплатил союзник мой и брат!

Океан

Я вижу, друг. Но все ж, хотя исполнен
Ты мудрости, послушай старика:
Смири себя и новые законы
Спеши признать. Отныне новый царь
На небесах. Хоть далеко до Зевса,
Но берегись: он может услыхать
Надменные, язвительные речи.
Тогда твоя теперешняя казнь
Покажется ребяческой забавой.
Нет, лучше гнев напрасный удержи,
Подумай, как от мук спастись. Быть может,
Советами наскучил я тебе?
Что ж?.. Не взыщи, ты видишь сам, как платим
Мы дорого за дерзкие слова.
Зачем же, друг, склонить главу не хочешь
И потерпеть? ведь новую беду
Навлечь легко. А если бы ты раньше
Спросил меня, я счел бы, Прометей,

Могучему и грозному царю.
Но все ж теперь пойду и постараюсь
Помочь беде, насколько хватит сил.
А ты, о, брат мой, слишком вольной речи
Остерегись: ты мудр и знаешь сам,
Что за нее карают дерзновенных.

Прометей

Завидую тебе: ты невредим,
А был, как я, мятежником когда-то...
Но обо мне не хлопочи, и знай –
Не убедишь ты Зевса: он упрям.
Смотри, опасно быть со мною в дружбе.

Океан

другим давать умеешь ты советы,
А сам себя от гибели не спас.
Но я иду – не прекословь: я буду
Ходатаем твоим; надеюсь, Зевс
В угоду мне с тебя оковы снимет.

Прометей

Чтоб мне помочь, ты сделать все готов.
Благодарю за дружескую ревность;
Но не трудись, – нельзя меня спасти,
И все твои усилия будут тщетны.
Оставь меня и думай о себе.
Гонимый сам, я не хочу, чтоб были
Невинные гонимы за меня.
И без того уже терзает душу
Мне Атласа, родного брата, скорбь,
Подъявшего на раменах могучих
Земли и неба тяжкие столпы.
И жаль мне, жаль чудовища Тифона
Стоглавого, проклятого, во тьме
Живущего в пещерах сицилийских,

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
Низринутого с неба: он восстал

на всех богов и, свистом убивая,
Открыл на них зияющую пасть,
Он из очей метал огонь Горгоны,
Олимп грозил разрушить. Но в него
Ударил Зевс недремлющей стрелою
Громоподобной, огненной; молчать
Надменного перунами заставил:
И вдруг Тифон всю силу потерял...
Обугленный и в сердце пораженный,
И ныне он лежит у волн морских,
Как мертвое, недвижимое тело,
Раздавленный корнями Этны. Пышет
Кузнец Гефест на высоте горы...
Когда же хлынут огненные реки
Из кратера и, алчные, пожрут
Плоды полей Сицилии цветущей, –
Тогда Тифон все пламя изрыгнет,
Всю ненависть в палящем урагане,
Испепеленный Зевсом, но живой!..
Ты знаешь сам... Не нужен мой рассказ;
Забочься, друг, лишь о своем спасенье...
А я... терпеть готов, пока Зевес
Не укротит безжалостного гнева!

Океан

Ты ведаешь, что мудрые слова –
Целители души, объятой гневом.

Прометей

В спокойные минуты, – не тогда,
Как яростью еще трепещет сердце.

Океан

Какой же вред в попытке осторожной,
Какое зло ты видишь, Прометей?

Прометей

Бесцельный труд я вижу и безумье.

Океан

Не возражай, молю: ведь мудрецы
Безумными казались нередко.

Прометей

Мне за тебя придется дать ответ.

Океан

Ты мне домой советуешь вернуться?

Прометей

Не то тебя накажут за меня.

Океан

Не новый ли владыка Олимпийцев?

Прометей

Смотри, – его прогневать берегись!

Океан

Мне казнь твоя уроком будет вечно...

Прометей

Не медли же, спасайся, прочно беги!

Океан

Уж я лечу! несет меня дракон,
Могучими крылами рассекая
Эфир небес, воздушный, светлый путь,
И рад мой конь домой под кров вернуться.

(Океан улетает.)

Хор

(Строфа первая)

Горько я плачу о муках твоих, Прометей!

Слезы из глаз моих, полных
Нежностью, мне на ланиты
Льются потоком обильным...

Правит вселенной

Бог самовластный,

Бог беспощадный

К древним богам.

(Антистрофа первая)

Стоном и плачем окрестные земли полны:

Люди скорбят над тобою,

Над вековечной славой

Братьев титанов погибших

Плачут народы

Азии древней,

Все сострадают

Мукам твоим.

(Строфа вторая)

Плачут и девы Колхиды,

Неустранные в битвах,

Плачут кочевники-скифы –

Там, близ болот Меотидских,

В чужой далекой земле.

(Антистрофа вторая)

Цвет аравийских народов,

Плачут и горцы Кавказа,

Дикое племя в щетине

Копий железных и пик.

(Эподос)

Одного мы прежде знали

Бога, скованного цепью,

Знали Атласа-титана,

Что, раздавленный, согнувшись,

На спине могучей держит

Необъятный свод небес.

Волны падают на волны,

Плачет море, стонут бездны,

Содрогается Аид, –
И текут, как слезы горя,
Родники священных рек...

Прометей

Не думайте, что я храню безмолвье
Из гордого презренья! нет, мой дух
Сознанием мучительной обиды
Весь поглощен. Не я ли даровал
Великую победу Олимпийцам?
Вы знаете о ней. Не буду вам
Рассказывать. Но выслушайте повесть
О жалких смертных.

Это я им дал,
Бессмысленным, могущественный разум!
Не с гордостью об этом говорю,
Но лишь затем, чтоб объяснить причину
Моей любви к несчастным. Люди долго
И видели, но не могли понять,
И слушали, но не могли услышать.
Подобные теням в каком-то сне,
По прихоти случайностей блуждали,
И было все в них смутно. И домов,
Открытых солнцу, строить не умели
Из кирпичей иль бревен, но в земле,
Как муравьи проворные, гнездились,
Во тьме сырых землянок и пещер.
Не ведали отличия зимы
От летних дней, горячих, плодоносных,
Иль от весны цветущей. Дикари
Творили все без размышления, слепо.
Но наконец я бедным указал
Восход светил, закат их, полный тайны,
Глубокую науку чисел, букв
Сложение и творческую память,

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
Великую родительницу муз.

Я в первый раз животных диких, вольных
Поработил ярму, чтоб сделать их
Во всех трудах помощниками людям:
Послушного браздам запряг коня,
Красу для глаз и гордость человека,
И с крыльями льняными изобрел
Летающие в море колесницы
Для моряков. Но сколько дивных тайн,
Искусств, наук открывший жалким людям –
Спасти себя ничем я не могу!

Хор

Увы! От мук, от скорби обезумев,
Бродя во мгле, не можешь ты найти, –
Как некий врач неопытный, – лекарства,
Чтоб исцелить свой собственный недуг!

Прометей

Еще не все: лишь до конца дослушав,
Увидите, как много я им дал.
И вот мой дар великий: в дни былые
Не ведали они целебных трав,
Лекарственных напитков, притираний,
И умирал беспомощно больной.
Но я открыл спасительные злаки,
Смешение лекарств, чтоб злой недуг
Одолевать. Искусство прорицаний
Установил и, правду ото лжи
В пророческих виденьях отделяя,
Я вещие приметы указал,
Что путнику встречаются в дороге,
Что видим мы в полете птиц с кривыми
Когтями – знак иль добрый, иль дурной;
Воздушные собрания пернатых,
Их пищу, жизнь, любовь и неприязнь,
Отличия во внутренностях теплых,

И печени, и желчи цвет желанный –
Все признаки, угодные богам;
И части жертв, обернутые жиром,
И бедра их широкие сложив
Над пламенем на алтаре священном,
Я всесожженью смертных научил
И знаменьям глубоким, сокровенным,
Являемым в пылающем огне.
Таков мой дар. И кто сказать посмеет,
Что для людей я не открыл руду,
Железо, медь, и серебро, и злато?..
Но в двух словах – чтоб краток был рассказ:
Все от меня – искусство, знанье, мудрость!

Хор

Довольно ты заботился о людях,
И о себе подумай: может быть,
Еще стряхнув позорящие цепи,
Ты будешь вновь могуществен, как бог!

Прометей

Нет! Рок не то судил, неумолимый:
Лишь тысячи страданий претерпев,
Из этих уз я вырвусь на свободу...
Мы все – ничто пред волею судеб!

Хор

Но кто ж судеб таинственный владыка?

Прометей

Эринии и тройственные Парки.

Хор

Ужели Зевс слабей богинь судьбы?

Прометей

Что суждено, того он не избегнет.

Хор

Не суждено ль вовек ему царить?

Прометей

Я не могу ответить: не просите.

Хор

Ужасное скрываешь ты от нас!..

Прометей

Оставим же... Об этом нам не время
Беседовать... Насколько хватит сил,
В груди моей хранить я буду тайну,
Скрывать, беречь, чтобы спастись от мук!

Хор

(Строфа первая)

С волей Всевышнего лучше не спорить вовеки!
Будем же чаще богам угоджать гекатомбой,
Жертвой, закланной у волн необъятного моря.

Не согрешим даже словом,
Божий завет в нашем сердце
Свято храня!

(Антистрофа первая)

Сладко нам дни проводить, если верим мы в счастье,
Сладко нам душу питать непорочной надеждой!..
Гордый титан, мы глядим на тебя с содроганьем:
не побоялся ты бога,
Слишком возвысил ничтожных,
Жалких людей.

(Строфа вторая)

Что в их любви?.. Разве смертные могут помочь?
Разве не знал ты, что немощью
Сковано племя их бедное,
Недолговечное,
Грезам подобное?..

Не перестроить им мира – созданья богов!

(Антистрофа вторая)

Вот чему учат страданья твои, Прометей!..

Песни иные мы некогда

Пели тебе, новобрачному,

Песни веселые, –

Гимны счастливице

Нашей сестре Гезионе, невесте твоей!

(На сцену вбегает Ио, дочь Инаха, безумная.)

Ио

Что за край, что за люди?.. Кто там на скале,

Обвиваемой бурями,

Тяжко стонет в цепях? О, скажите, за что

Он прикован безжалостно?

О, скажите, в какую страну забрела

Я, несчастная?..

Увы, увы!..

Овод пронзил меня жалом...

Аргуса призрак!.. Спасите...

Страшно мне! Видите, вот он –

Тысячеглазый!..

Вот он – со взором лукавым...

Мертвый восстал из земли,

Вышел из ада...

Гонит меня по прибрежным пескам, исхудалую!..

(Строфа)

Вздохи доносятся флейты пастушьей, унылой...

Гимн усыпительный... Горе,

Горе!.. куда забрела я, скиталица?

Зевс, о, за что ты меня на страданье обрек?

Мучишь, преследуешь, полную ужасом,

Жалкую деву, безумную!..

Громом убей меня, в землю укрой,

Брось на съедение гадам морским!

Боже, внемли

Робкой мольбе!..

Я уж скитаюсь довольно...

Только бы знать мне,

Где мой приют!..

Слышишь ли жалобы бедной изгнанницы?

Прометей

Ко мне достиг твой голос, дочь Инаха.

Я знаю все: Зевес тебя любил...

И вечно ты преследуема Герой,

И, оводом язвимая, бежишь.

Ио

(Антистрофа)

Имя назвал ты отца моего. Отвечай мне:

Кто же ты сам, о, несчастный,

С девой несчастною слово промолвивший?

Знаешь ты, посланный богом, мой страшный недуг,

Жалом пронзивший меня и терзающий.

Ревностью Геры гонимая,

Всюду мечусь я, не помню себя

И, обезумев от боли, бегу!..

Можно ль страдать

Больше, чем я?..

Если ты знаешь, открай мне:

Долго ли, бедной,

Муки терпеть?

Молви, утешь ты меня, одинокую!..

Прометей

В простых словах, без тайн и недомолвок,

Скажу я все, о чем ты хочешь знать,

Как добрый друг, беседующий с другом.

Я – Прометей, я людям дал огонь.

Ио

О, бог несчастный, благодетель смертных!..

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
За что же ты страдаешь, Прометей?

Прометей

Я только что рассказал об этом кончил.

Ио

Но милостив не будешь ли ко мне?..

Прометей

Открою все. Скажи, чего ты хочешь?

Ио

Я знать хочу, кто приковал тебя?

Прометей

Веление богов, рука Гефеста.

Ио

Но в чем твой грех? За что тебя казнят?

Прометей

Я о себе уж говорил довольно.

Ио

Прости, еще одно: когда настанет

Конец моим страданиям, открой!

Прометей

Поверь: тебе не знать об этом лучше...

Ио

Что б ни было в грядущем, – не скрывай!

Прометей

Я обещал и все тебе открою.

Ио

Не медли же!.. Прошу, начни скорей!

Прометей

Сейчас начну... Боюсь я опечалить...

Ио

Мне лучше – знать! Не бойся, говори!

Прометей

Ты требуешь: да будет так. Внимай же!

Хор

Нет, погоди! Хотели мы просить,
Нельзя ль и нам из уст ее услышать
О горестной судьбе ее рассказ.
Ты ей потом грядущее откроешь.

Прометей

(к Ио)

Исполнить их желание – твой долг:
Ведь по отцу – они тебе родные.
Повествовать о скорби нам легко,
Когда мы знаем, что слезой участья
Почтут рассказ внимавшие нам.

Ио

Я не могу вам отказать, о, нимфы!
Узнайте жизнь печальную мою.
Вы видите – я плачу, вспоминая,
Как божий гром ударил, как навек
Утратила я образ человека...

Ночные сны летали надо мной,
Ночные сны в моей девичьей спальне
Шептали мне: «К чему ты так горда
И девственна! Ты можешь быть супругой
Великого царя: Зевес пронзен
Стрелой любви, и радости Киприды
С тобой, дитя, он жаждет разделить.
Не отвергай ты ложе Олимпийца!
В цветущий дол, в Лернейские поля,
Сойди к нему, сойди к стадам отцовским,
Чтоб Зевсово желанье утолить!»
Мне по ночам покоя не давали

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
Крылатые видения, пока

об этих снах отцу я не сказала.
Он много раз в Додону посыпал
И к Пифии, смиренно вопрошая,
Как совершить угодное богам.
Но все послы, вернувшись, приносили
Неясные пророчества отцу.
И лишь потом пришел к нему понятный,
Прямой ответ – веление богов
Изгнать меня из отческого дома
В бревестные, далекие края, –
Не то Зевес грозил весь род Инаха
Стрелой громов палящих истребить.
Родитель взял дельфийским прорицаньям,
Но не хотел изгнать свое дитя, –
Противился... И бог заставил силой
Безжалостный исполнить приговор.
Я образ мой утратила и разум;
Рогатая, приняв телицы вид
И оводом гонима с острым жалом,
В неистовстве я бросилась бежать,
И по брегам Керхнеи тихоструйной,
И по холмам Лернейским. Сын Земли
За мной следил, жестокосердый Аргус,
С несметными очами вечный страж.
Но он погиб... И под бичом небесным
Из края в край скитаться суждено
Мне, оводом терзаемой. Ты знаешь
Прошедшее – открои же мне теперь
Грядущие страданья. Но не думай
Баюкать слух мой лестью: ничего
Не может быть постыдней речи лживой!

Хор

Подожди, подожди,
Дай нам мысли собрать...

Твой нежданный рассказ

Наше сердце смутило...

Нас пронзил, как мечом,

Твой великий позор,

Беспределльная скорбь!..

О, судьба, о, судьба,

Мы дрожим пред тобой!

Прометей

Вы плачете, пуглиевые созданья...

Внимайте же, внимайте до конца!

Хор

Мы слушаем. Отрадно знать несчастным

Их горестям назначенный предел.

Прометей

Исполню я охотно вашу просьбу.

Как сами вы желали, от нее

Услышали страдальческую повесть.

Узнайте же, что в будущем терпеть

Ей суждено от Геры беспощадной.

А ты мои слова запечатлей

В душе, чтоб знать конец своих скитаний,

Несчастная!..

К восходу обратясь,

Сперва пройди невспаханные земли

И Скифии достигни. Там живут

Кочевники в возах с плетеной крышей,

С колесами большими, и у них

В колчанах спят губительные стрелы...

Их нрав жесток и страшен, – берегись!

Потом придешь к мятежному потоку,

Иди за ним, но брода не ищи,

Пока высот Кавказа не достигнешь,

Где истощит река в теснинах гор

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
Свой лютый гнев. Тогда через вершины,

Что высятся до звезд, спустись на юг,
И ты полки увидишь амазонок,
Воительниц, не ведавших мужей.

(Им суждено уйти к стране далекой,
На Термодон, где грозный Сальмидесс,
С утесами залив, открытой пастью
Испуганных встречает моряков.)

И с радостью укажут амазонки
Тебе твой путь. Преддверие болот –
Ты Киммерийский минешь перешеек
И, переплыv с отвагою пролив,
Прославишься навеки переправой,
И в честь твою Босфор получит имя.
Тогда ты вступишь в Азию...

Итак,

Вы видите теперь, что царь Олимпа
Ко всем равно жесток: он вожделел,
Бессмертный бог, со смертной сочетаться, –
И вот за что обрушил столько бед
На робкую, беспомощную деву.
Жестокого супруга избрала
Ты, бедная: ведь сказанное мною –
Лишь первое начало мук твоих.

Ио

Увы, увы!..

Прометей

Ты слезы льешь?.. Но что с тобою будет,
Когда ты все узнаешь до конца!

Хор

Скажи, – какой конец ее страданий?

Прометей

Пучина слез, отчаянья и бед!

Ио

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org

На что мне жизнъ!.. Зачем я лучше в пропасть
Не кинулась с вершины этих скал, –
Лежала бы я мертвая в долине,
Свободная от мук. Отрадней сразу
Нам умереть, чем мучиться всю жизнъ!..

Прометей

А как бы ты мои терпела муки!..
Мне даже Рок и в смерти отказал.
(Была бы смерть желанною свободой!)
Но моему страданью нет конца,
Пока с Олимпа Зевс не будет свергнут.

Ио

Что ты сказал?.. Ужели Зевс падет?..

Прометей

Ты будешь ли его паденью рада?

Ио

Подумай сам: он погубил меня.

Прометей

Так радуйся: слова мои правдивы.

Ио

Кто царский скиптр отнимет у него?

Прометей

Он скиптра сам лишит себя безумьем.

Ио

Когда и как, не можешь ли открыть?

Прометей

От брачного союза он погибнет.

Ио

С богиней ли, со смертною – скажи?..

Не спрашивай: я не могу ответить.

Ио

Не будет ли супругой свергнут Зевс?

Прометей

Родится сын у них сильнее Зевса.

Ио

И гибели ничто не отвратит?

Прометей

Ничто, пока не буду я свободен.

Ио

Но кто ж врагу богов свободу даст?

Прометей

Потомок твой: так суждено судьбою.

Ио

Уже ль тебя освободит мой сын?

Прометей

В тринадцатом колене правнук Ио.

Ио

Пророчество неясно для меня.

Прометей

Забудь его: судьба твоя ужасна!..

Ио

Судьбу предречь ты сам мне обещал.

Прометей

Одно из двух я для тебя исполню.

Ио

Скажи мне что: я выберу сама.

Прометей

Я предреку конец твоих несчастий

Иль день моей свободы: выбирай.

Хор

Пускай ты ей одну окажешь милость,

другую – нам. Мы молим, Прометей:

Ей предскажи конец ее страданий,

А нам – того, кто волю даст тебе.

Прометей

Противиться не буду вашей просьбе:

Открою все, что вы хотите знать,

Сперва тебе – твой путь. В скрижалях сердца

Запечатлей слова мои. Туда –

К сияющим лугам, к восходу солнца –

Пройди через волны – грань материков,

И, за собой оставив Понт ревущий,

Увидишь ты Горгонские поля,

Кисфены дол, где обитают Парки,

Три страшных девы с лицом лебединым:

Единый зуб у них, единый глаз;

Сих темных дев не озарял вовеки

Ни солнца луч, ни тихий свет луны...

Вблизи живут крылатые Горгоны:

Не умерев, никто еще не мог

Взглянуть на трех сестер змеинокудрых.

Я говорю – страшись, беги от них!

Но скоро ты увидишь новый ужас:

Безжалостных грифонов с острым клювом,

Крониона нелающих собак,

И Аримаспов конных, однооких

На берегу золотоносных волн

Плутоновой реки. Беги оттуда,

Беги на юг, где черные народы

Вокруг Солнечных Источников живут,

Где катится поток эфиопийский!

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
Библосских гор увидишь ты хребет,

Оттуда Нил свергает водопадом
Прозрачные священные струи,
По берегам придешь ты к устью Нила
Трехгранному, где суждено тебе
И сыновьям твоим построить город...
Коль что-нибудь в словах моих темно,
Я повторю: ты видишь – слишком много
Невольного досуга у меня!

Хор

о будущих скитаньях Ио бедной
докончи твой рассказ. А если все
ты ей предрек, припомни нашу просьбу
Смиренную: ты знаешь сам – о чем.

Прометей

о будущем я кончил прорицанья.
Теперь скажу о пройденном пути,
И, выслушав меня, увидишь, Ио,
что ей не лгут пророчества мои.
Но о начале странствия не буду
я говорить, скажу лишь о конце.
достигла ты земли Молоссов, горы
Додонские узрела, где живет
Во храме Зевс, оракул феспротийский,
И где шумят таинственной листвой
Священные, прореческие дубы.
Их голосом была наречена
ты будущей супругой Олимпийца.
Не правда ль – честь завидная для жертв
Его любви!.. Объятая безумьем,
Приморскою дорогою бежать
ты бросилась к заливу Реи. Скоро
в неистовстве направила назад
Свои шаги. Те волны назовут
во славу Ио морем Ионийским

далекие потомки...

Но довольно!

Вы видите, что в сумрачную даль
Я за предел явлений прозреваю.

Теперь к тому, что прежде говорил,
Вернусь опять и мой рассказ окончу:
Есть некий град Каноб на устьях Нила,
Построенный на отмелях реки.

Там возвратит Зевес тебе твой разум,
Дотронувшись ласкающей рукой
До скорбного чела. Родишь ты сына,
И черное, могучее дитя
Ты назовешь Эпафом. Будет жатву
Он собирать со всех полей, что Нил
Широкою волною напояет...

И пятьдесят цветущих дочерей
Из пятого колена в Арголиду
Вернутся вновь, гонимые стыдом,
Чтоб с братьями двоюродными ложа
Не разделить. Но, похотью полны,
Преследуя союз кровосмешенья,
Те бросятся за ними по пятам,
Как соколы за стаей белых горлиц;
И мстящий бог их крови будет жаждать,
Земля Пелазгов примет женихов,
Рукой невест закланых в час полночный,
На ложе сна, и каждая из дев
Глубоко в грудь двуострое железо
Вонзит супругу-брату... О, Киприда,
Такую страсть пошли моим врагам!..
Лишь у одной, любовью побежденной,
Не хватит сил убить, и пощадит,
И, ослабев, она свое бессилье
Жестокому убийству предпочтет.
Произвести весь род царей Аргоса

Я кончил мой рассказ;
Одно прибавлю: от того же корня
Родится в мир прославленный герой,
Что снимет цепь с меня. Мне предсказала
об этом мать, родимая Земля,
Кормилица могучая титанов;
Но где и как он мне свободу даст –
О том молчу, и знать тебе не надо.

Ио

(в припадке безумия)

Заштите, о, боги, я чувствую, вновь
Охватило мне душу безумье...
Я горю, холодею... Пронзает меня
Ненасытного овода жало...
Сердце в страхе трепещет... Немеет язык...
И врачаются очи... А ярость,
Словно буря былинку, уносит меня...
Тонет разум в пучине страданий!..

(Ио убегает.)

Хор

(Строфа)

Истинно мудрым был тот,
Кто посоветовал первым всегда заключать
С равными равным союз.
Бедный простой человек
дружбы не должен искать
ни богачей, ни вельмож!

(Антистрофа)

Пусть же, о, пусть никогда
Грозные Парки меня не увидят женой
ни одного из богов!
Ио, мы плачем, дрожим,
Видя страданья твои,

Попранный девичий стыд.

(Эподос)

Мне не страшно быть женою
Тех, кто равен нам и близок.
Только пусть меня вовеки
Не настигнет Олимпийцев
Беспощадная любовь!
Это брань – где нет спасенья,
Это путь – где нет исхода.
Если кинет бог на деву
Страсти взор неотвратимый,
Что ей делать? как несчастной
От всесильного бежать?

Прометей

Пусть ныне Зевс надменен: он смирится
И вступит в брак, что с горней высоты
Властителя богов низринет в бездну.
В тот страшный день исполнится над ним
Отцовское проклятье, что на сына
Обрушил Кронос, падая с небес.
Но указать от этих бед спасенье
Из всех богов могу лишь я один.
Я знаю тайну! Пусть же Зевс на троне
Пока сидит, доверившись громам
И молнию в руке своей сжимая.
Он со стыдом падет, – тогда ничто
Не защитит от гибели позорной...
Ведь на него готовится боец
Неведомый, гигант непобедимый;
Он обретет огонь сильней огня
Крониона и гром – сильнее грома
Небесного. Он в щепки раздробит
Грозу морей, трезубец Посейдона!
И бог богов, привыкший к самовластью,

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
Тогда поймет, что значит быть рабом!

Хор

Так вот – твои мечты, твои желанья...

Прометей

Действительность, а не мечты мои!

Хор

Ужели Зевс пред кем-нибудь смирится?

Прометей

И будет он страдать сильней, чем я.

Хор

Что говоришь? О, как тебе не страшно!

Прометей

Мне? Страшно?.. Нет: ведь смерть не мой удел!

Хор

Но казнь твою Зевес удвоить может...

Прометей

Пускай удвоит: я на все готов!

Хор

О, благо тем, кто чтит богиню Рока!

Прометей

Так будьте же рабами, пресмыкайтесь
И льстите всем богам! А для меня
Зевес – ничто! Пускай он правит миром, –
Царить ему недолго суждено...
Что вижу?.. Вот глашатай Олимпийца.
Должно быть, весть принес он от богов.

(Прилетает Гермес.)

Гермес

Я говорю с тобой, коварный, злойший
Из всех врагов Зевеса, вор огня

Священного, ходатай жалких смертных!
Разоблачить отец мой повелел,
Какой союз губительного брака
Ты, хвастая, дерзнул ему предречь?
Но говори яснее, без загадок...
Смотри, титан, не заставляй меня
Вернуться вновь! Угрозой ты не можешь
Царя богов на милость преклонить!

Прометей

Твои слова – надменны и хвастливы;
Так говорить прилично слугам тех,
Кто сесть едва успел на трон Олимпа.

Вы думаете, новые цари,
Не может скорбь проникнуть к вам в чертоги?

Я видел уж паденье двух владык
Сильнее вас, и очередь – за третьим!

Он гибели, позорнейшей из всех,
Не отвратит. А ты, прислужник Зевса,
Надеялся, что буду я дрожать

Пред этими ничтожными богами?..

О, я не пал еще так низко! Нет!

Ты от меня не выведаешь тайны,
Уйди, вернись к пославшему тебя!..

Гермес

Такою же строптивостью безумной
Ты казнь твою и цепи заслужил.

Прометей

Но знай, Гермес, взамен моих страданий
Не взял бы я позора твоего:

Почетней быть прикованным к граниту,
Чем вестником проворным у царей
Служить, как ты! Обида – за обиду!

Гермес

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
Ты, кажется, своим мученьям рад?

Прометей

Пускай судьба пошлет такую радость
Врагам моим, – и ты один из них!

Гермес

Но в чем же я виновен пред тобою?

Прометей

Всех, всех богов, платящих за добро
Предательством, равно я ненавижу!..

Гермес

От горя ты рассудок потерял...

Прометей

Иль ненависть к врагам – мое безумье?..

Гермес

Ты не был бы и в счастии добрей.

Прометей

(стонет)

Увы! ..

Гермес

Вот крик, неведомый для Зевса!

Прометей

Пусть поживет, – научится всему.

Гермес

Но мудрым быть ты сам не научился!

Прометей

О, да! Когда б я был мудрей, не стал бы
И говорить с таким рабом, как ты!

Гермес

Ты угодить не хочешь Олимпийцу?

(насмешливо)

Мне есть за что Зевесу угоджать!..

Гермес

Зачем со мной ты шутишь, как с ребенком?..

Прометей

Нет! ты глупей ребенка, если мог
Надеяться, что тайну я открою.
НИ хитростью, НИ пытками, ничем
Из уст моих не вырвет он признанья,
Пока цепей не снимет. Пусть же Зевс
Сожжет меня огнем разящих молний,
Обвеет снегом белокрылых вьюг,
Разрушит мир подземными громами, –
Не покорюсь, не назову того,
Кто должен скиптр отнять у Самодержца!

Гермес

Подумай же: упрямство не спасет...

Прометей

Я все решил, я все давно предвидел!

Гермес

О, если бы хоть горе научить
Тебя могло покорности разумной!

Прометей

Уйди, оставь! Не убеждай напрасно...
Ты думал, раб, что я паду во прах,
Испуганный угрозой Олимпийца,
Что буду я о милости взывать,
Подняв с мольбой трепещущие длани,
Как женщина, к врагу!.. Нет, никогда!..

Гермес

я расточал слова мои бесплодно:

Мережковский Д. Символы. Песни и поэмы filosoff.org
Моления не трогают тебя;

Как юный конь, уздой не покоренный,

Ты в ярости кусаешь удила.

Немудрое упрямство: о, поверь мне,

Развеется, как прах, гордыня тех,

Кто слаб умом, но дерзок и мятежен.

Смириться ты не хочешь, так узнай,

Какой удел тебе готовят боги.

Сначала Зевс в осколки разобьет

Вершины скал небесными громами:

Низверженный, исчезнешь ты, титан,

И в недрах гор, в объятиях гранитных

Задохнешься. Столетья протекут,

Пока ты вновь увидишь свет небесный.

Тогда тебя начнет терзать орел,

Крылатый пес Зевеса, ненасытный.

И, прилетая, будет каждый день

Он вырывать когтями клочья тела, –

Незваный гость на пиршестве кровавом,

Питаясь черной печенью твоей.

До той поры не жди конца страданьям,

Пока другой не примет мук твоих

Страдалец-бог и к мертвым в темный Тартар,

Во глубину Аида, не сойдет.

Мои слова – не тщетная угроза.

Зевес не лжет и совершится воля

Всесильного. Подумай же: покорность

Не лучше ли строптивости твоей?..

Хор

Он прав. Смири, смири, титан могучий,

Свой гордый дух и богу покорись!

Послушайся советов добрых: стыдно

Упорствовать в ошибке мудрецу.

Прометей

Все, что молвил Гермес, я предвидел давно!

Но врагу от врага не позорно
Пасть в открытой борьбе. Пусть же мечет в меня
Бог снопами огней смертоносных,
Пусть Эфир поколеблет раскатом громов,
Пусть такой ураган он подымет,
Чтоб земля содрогнулась на вечных корнях,
Пусть, безумствуя, в буре смешает
Волны моря с огнями небесных светил,
Увлечет в глубину мое тело,
В преисподнюю сбросит, – убить до конца
Он не может меня: я бессмертен!

Гермес

Это дикий бред безумца!
Разве мог бы муж разумный
Не смирить в таких страданьях
Бурной гордости своей.
Девы, полные участьем
И любовью, удалитесь,
Отойдите, чтобы сердца
Не потряс вам грохот тяжкий
Оглушительных громов!

Хор

Неужель совет коварный
Мы исполним? Слушать больно...
Сестры, сестры, не покинем
Одинокого страдальца,
Будем горе с ним делить
И покажем, что измену
Ненавидим всей душой!

Гермес

Если так, не забывайте
Вы предсказанного мною,
Не корите Олимпийца:
Вы избрали добровольно,

Вы предвидели беду.
Не внезапно, не коварно
Скоро будете, о, нимфы,
Вы уловлены сетями
Неминуемой судьбы.

Прометей

Исполняется слово Зевеса: земля
Подо мною трепещет.
Загудело раскатами эхо громов,
и блеснули перуны,
Закружила вихрями черная пыль,
налетели и сшиблись
Все противные ветры. Смешались в борьбе
Волны моря и воздух...
Узнаю тебя, Зевс! Чтоб меня ужаснуть,
Ты воздвиг эту бурю.
О, Земля, моя мать! о, небесный Эфир,
Свет единый, всеобщий,
Посмотрите, какие страданья терплю
я от бога – невинный!

(Скала вместе с Прометеем обрушивается в бездну.)

1890

ВОРОН Поэма Эдгара Поэ
Погруженный в скорбь немую и усталый, в ночь глухую,
Раз, когда поник в дремоте я над книгой одного
Из забытых миром знаний, книгой, полной обаяний, –
Стук донесся, стук нежданный в двери дома моего:
«Это путник постучался в двери дома моего
Только путник – больше ничего».

В декабре – я помню – было это полночью унылой.
В очаге под пеплом угли разгорались иногда.
Груды книг не утоляли ни на миг моей печали –
об утраченной Леноре, той, чье имя навсегда –

В этом мире стерлось – без следа.

От дыханья ночи бурной занавески шелк пурпурный
Шелестел, и непонятный страх рождался от всего.

Думал, сердце успокою, все еще твердил порою:
«Это гость стучится робко в двери дома моего,
Запоздалый гость стучится в двери дома моего,
Только гость – и больше ничего!»

И когда преодолело сердце страх, я молвил смело:
«Вы простите мне, обидеть не хотел я никого;
Я на миг уснул тревожно: слишком тихо, осторожно, –
Слишком тихо вы стучались в двери дома моего...»
И открыл тогда я настежь двери дома моего –
Мрак ночной, – и больше ничего.

Все, что дух мой волновало, все, что снилось и смущало,
до сих пор не посещало в этом мире никого.
И ни голоса, ни знака – из таинственного мрака...
Вдруг «Ленора!» – прозвучало близ жилища моего...
Сам шепнул я это имя, и проснулось от него
Только эхо – больше ничего.

Но душа моя горела, притворил я дверь несмело.
Стук опять раздался громче; я подумал: «Ничего,
Это стук в окне случайный, никакой здесь нету тайны:
Посмотрю и успокою трепет сердца моего,
Успокою на мгновенье трепет сердца моего.
Это ветер, – больше ничего».

Я открыл окно, и странный гость полночный,
гость нежданный,
Ворон царственный влетает; я привета от него
Не дождался. Но отважно, – как хозяин, гордо, важно
Полетел он прямо к двери, к двери дома моего,
И вспорхнул на бюст Паллады, сел так тихо на него,
Тихо сел – и больше ничего.

Как ни грустно, как ни больно, – улыбнулся я невольно
И сказал: «Твое коварство победим мы без труда,
Но тебя, мой гость зловещий, Ворон древний, Ворон
вещий,
К нам с пределов вечной Ночи прилетающий сюда,
Как зовут в стране, откуда прилетаешь ты сюда?»
И ответил Ворон: «Никогда».

Говорит так ясно птица, не могу я надивиться,
Но казалось, что надежда ей навек была чужда.
Тот не жди себе отрады, в чьем дому на бюст Паллады
Сядет Ворон над дверями; от несчастья никуда, –
Тот, кто Ворона увидел, – не спасется никуда,
Ворона, чье имя: «Никогда».

Говорил он это слово так печально, так сурово,
Что, казалось, в нем всю душу изливал; и вот, когда,
Недвижим, на изваянье он сидел в немом молчанье,
Я шепнул: «Как счастье, дружба улетели навсегда,
Улетит и эта птица завтра утром навсегда».

И ответил Ворон: «Никогда».

И сказал я, вздрогнув снова: «Верно, молвить это слово
Научил его хозяин в дни тяжелые, когда
Он преследуем был Роком, и в несчастье одиноком,
Вместо песни лебединой, в эти долгие годы
Для него был стон единый в эти грустные годы –
Никогда, – уж больше никогда!»

Так я думал и невольно улыбнулся, как ни больно.
Повернул тихонько кресло к бюсту бледному, туда,
Где был Ворон, погрузился в бархат кресел и забылся.
«Страшный Ворон, мой ужасный гость, – подумал
я тогда, –
Страшный древний Ворон, горе возвещающий всегда,
Что же значит крик твой: „Никогда“?»

Угадать стараюсь тщетно; смотрит Ворон безответно.
Страница 285

Свой горящий взор мне в сердце заронил он навсегда.
И в раздумье над загадкой, я поник в дремоте сладкой
Головой на бархат, лампой озаренный. Никогда
На лиловый бархат кресел, как в счастливые года,
Ей уж не склоняться – никогда!

И казалось мне: струило дым незримое кадило,
Прилетели Серафимы, шелестели иногда
Их шаги, как дуновенье: «Это Бог мне шлет забвенье!
Пей же сладкое забвенье, пей, чтоб в сердце навсегда
Об утраченной Леноре стерлась память – навсегда!..»

И сказал мне Ворон: «Никогда».

«Я молю, пророк зловещий, птица ты иль демон вещий,
Злой ли дух тебя из Ночи или вихрь занес сюда
Из пустыни мертвой, вечной, безнадежной,
бесконечной, –
Будет ли, молю, скажи мне, будет ли хоть там, куда
Снизойдем мы после смерти, – сердцу отдых
навсегда?»

И ответил Ворон: «Никогда».

«Я молю, пророк зловещий, птица ты иль демон вещий,
Заклинаю небом, Богом, отвечай, в тот день, когда
Я Эдем увижу дальней, обниму ль душой печальной
Душу светлую Леноры, той, чье имя навсегда
В сонме ангелов – Ленора, лучезарной навсегда?»

И ответил Ворон: «Никогда».

«Прочь! – воскликнул я, вставая, – демон ты иль
птица злая.
Прочь! – вернись в пределы Ночи, чтобы больше
никогда
Ни одно из перьев черных не напомнило позорных,
Лживых слов твоих! Оставь же бюст Паллады навсегда,
Из души моей твой образ я исторгну навсегда!»

И ответил Ворон: «Никогда».

И сидит, сидит с тех пор он там, над дверью, черный

Ворон,

С бюста бледного Паллады не исчезнет никуда.

У него такие очи, как у злого духа Ночи,

Сном объятого; и лампа тень бросает. Навсегда

К этой тени черной птицы пригвожденный навсегда, –

Не воспрянет дух мой – никогда!

1890

MORITURI[18]

Мы бесконечно одиноки,

Богов покинутых жрецы.

Грядите, новые пророки!

Грядите, вещие певцы,

Еще неведомые миру!

И отдадим мы нашу лиру

Тебе, божественный поэт...

На глас твой первые ответим,

Улыбкой первой твой рассвет,

О, Солнце, будущего, встретим,

И в блеске утреннем твоем,

Тебя приветствуя, умрем!

«Salutant, Caesar Imperator,

Te morituri».[19] Весь наш род,

Как на арене гладиатор,

Пред новым веком смерти ждет.

Мы гибнем жертвой искупленья,

Придут иные поколенья.

Но в оный день, пред их судом,

да не падут на нас проклятья:

Вы только вспомните о том,

Как много мы страдали, братья!

Грядущей веры новый свет,

Тебе от гибнущих привет!

Примечания

Все проходящее

Есть только Символ...

(Гете. «Фауст», II часть).

2

Ланч, обед (англ.).

3

Ваша бедная матушка (франц.).

4

Тетушка (франц.).

5

Вон! (франц.)

6

Идущие на смерть тебя приветствуют, Император Цезарь! (лат.)

7

Хлеб, рыба, волос (лат.).

8

Любить (лат.).

9

Горе побежденным! (лат.)

10

Счастливы владеющие (обладающие) (лат.).

11

Основной сказочный мотив этой поэмы тот же, что и в известной пьесе Кальдерона «Жизнь – только сон» (Примеч. автора).

12

Прозвище танцовщицы, дословно: решетка сточного люка (франц.).

13

Официант – кружку пива (франц.).

14

15

Никогда (англ.).

16

Свобода, равенство, братство (франц.).

17

Мне девятнадцать лет, я хорошо сложена и очень красива (франц.).

18

Идущие на смерть (лат.).

19

Идущие на смерть приветствуют тебя, император Цезарь (лат.).

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!